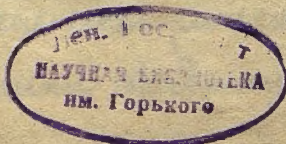
Лекціи по Русской исторіи Профессора С. Ѳ. Платонова

Высшіе Женскіе Курсы

96–97 г.

Литографія Д. М. Руднева Нов. пер. д. 5.

Оглавленіе первой части.

Введеніе. Задачи Русской исторіи какъ науки.

1. Очеркъ Русской исторіографіи: древнерусскіе историческіе труды; обработка Русской исторіи въ XVIII в. Байеръ, Миллеръ, Ломоносовъ; „Исторіи" Татищева и кн. Щербатова; труды Болтина; Новиковъ и Голиковъ.
2. Шлецеръ и Карамзинъ; критики Карамзина; Каченовскій и Погодинъ; Чаадаевъ и Западники; славянофильская школа.
3. Школа родоваго быта, созданная Соловьевымъ и Кавелинымъ; ея противники и послѣдователи; состояніе Русской исторіи, какъ науки, въ послѣдующее время.
4. Обзоръ источниковъ Русской исторіи: отношеніе къ памятникамъ старины въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка; собиратели историческаго матеріала: Г. Ф. Миллеръ, Татищевъ, Новиковъ; изданія Академіи Наукъ. Графъ Н. П. Румянцевъ и дѣятели Архива Иностранной Коллегіи; Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и другія изданія гр. Румянцева.
5. Развитіе археографіи въ срединѣ XIX вѣка. П. М. Строевъ и его археографическая экспедиція; учрежденіе Археографическихъ Коммисій и ихъ дѣятельность.
6. Виды источниковъ: Лѣтописи; Лѣтопись Нестерова и первоначальный сводъ; Лѣтописи мѣстныя, позднѣйшіе лѣтописные своды; Источники литературнаго типа: сказанія, житія, мемуары русскихъ людей и иностранцевъ; иностранные историческіе труды.
7. Источники юридическаго типа: государственные акты,

Директоръ В. Ж. К.: [signature]

Литографія А. Рунеевъ Нов. пер. д. 5. С.П.Б.

административныя грамоты, челобитья; памятники частных гражданских отношений; памятники дипломатических сношений; приказныя книги.

—

8. Предварительныя историческія свѣдѣнія. характеристика страны и ея древнѣйшая исторія: Эллины и скифо-сарматскій міръ; готы, гунны, авары. Славяне; извѣстія о их появленіи и расселеніи на великой сѣверной равнинѣ.

9. Данныя о первоначальном общественном бытѣ русских Славян: племя, родъ и община; теорія Эверса и школы родоваго быта, теорія К. С. Аксакова, и И. Д. Бѣляева; теорія Леонтовича и послѣдующих изслѣдователей; переходъ племеннаго быта въ волостной или городской; появленіе князей въ городах и волостях.

10. Варяго-русскіе князья и образованіе Кіевскаго княжества: Варяго-русскій вопросъ; легенда лѣтописей о призваніи Варяговъ-Руси; данныя о Варягахъ; данныя о Руси; положеніе Варяго-русскаго вопроса въ XVIII вѣкѣ и въ настоящее время; вопросъ о варяжском вліяніи на общественный бытъ Славян.

11. Политическое объединеніе русских славян; дѣятельность первых князей Кіевских и ея результаты; принятіе христіанства и его послѣдствія.

12. Кіевская Русь въ XI–XII вѣках. Политическое ея устройство: фактическія данныя о порядкѣ наслѣдованія великокняжескаго стола; вопросъ о причинах раздробленія Руси между князьями и вопросъ объ основаніях ея единства.

13. Власти и общество Кіевской Руси: князья и дружина;

Городскія вѣча. Общественное дѣленіе. Русская Правда, какъ источникъ для исторіи общественнаго порядка.

14. Культура Кіевской Руси. Торговля, просвѣщеніе, искусство. Причины упадка Кіевской Руси и возникновеніе новыхъ политическихъ центровъ. Колонизація Суздальской Руси; топографія страны и первоначальное населеніе; пути славянской колонизаціи; вліяніе страны на разселеніе и бытъ поселенцевъ; слѣдствія колонизаціи этнографическія и политическія; образованіе и возвышеніе Суздальско-Владимірскаго княжества.

15. Татары и степень ихъ вліянія на Русь. Раздѣленіе Руси на сѣверную (Владимірскую и Новгородскую) и южную (подчиненную Литвѣ).

16. Удѣльный бытъ Владимірской Руси; его основные черты, отношенія удѣльнаго князя къ землѣ, къ населенію и къ другимъ князьямъ; литературныя мнѣнія о характерѣ этихъ отношеній; устройство удѣльнаго общества.

17. Новгородъ; его территорія и населеніе; историческія условія, создавшія особенности Новгородской жизни; устройство управленія и общественныхъ классовъ въ Новгородѣ; причины упадка Новгорода. Псковъ. Галичъ.

18. Литва; Литература о Литвѣ; мѣста поселенія Литвы и ея племенное дѣленіе; появленіе нѣмцевъ; борьба съ ними Литвы и отношенія Литвы къ сосѣднимъ русскимъ княжествамъ; образованіе Литовскаго княжества.

19. Возвышеніе Московскаго княжества. Первыя извѣстія лѣтописи о Москвѣ; сильнѣйшія княжества Владимірской Руси въ XIV вѣкѣ и первые политическіе успѣхи Московскихъ князей. Литературныя мнѣнія о причинахъ возвышенія Москвы.

20. Ходъ усиленія Москвы; территоріальныя пріобрѣтенія Московскихъ князей; отношенія Московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей; характеристика княжескихъ завѣщаній. Черты внѣшней исторіи сѣверной Руси въ XIV и XV в.в.

21. **Литва отъ Гедимина до Витовта.** Гедиминъ, его завоеванія и отношенія къ сѣверной Руси; сыновья Гедимина, Ольгердъ и Кейстутъ; ихъ характеристика; унія Литвы съ Польшей при Ягеллѣ; политическое значеніе этого акта и послѣдствія его для литовско-русскаго общества; Витовтъ; историческое значеніе его дѣятельности.

22. **Московское княжество въ XV и началѣ XVI вѣка.** Характеристика московскихъ князей и ихъ политика до Ивана III; Иванъ III и Василій III; національно-государственныя черты ихъ дѣятельности: перемѣны во внѣшней политикѣ Москвы въ связи съ объединеніемъ сѣверной Руси; перемѣны во внутреннемъ порядкѣ Московской жизни. Московское боярство; отношенія Московскихъ князей и боярства въ XV-XVI вѣкахъ.

Часть первая.

[изложеніе конспективное]

Введеніе.

Наши занятія Русской исторіей умѣстно будетъ начать опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ понимать подъ словами: историческое знаніе, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимается исторія вообще, мы поймемъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ исторіей одного народа и сознательно приступимъ къ изученію нашей Русской исторіи.

Исторія существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Өукидидомъ, напр., покажетъ вамъ что Греки были по своему правы, относя исторію къ области искусствъ. Подъ исторіей они понимали художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ, вмѣстѣ съ эстетическимъ наслажденіемъ и рядъ нравственныхъ назиданій. Тѣже цѣли преслѣдовало и искусство.

Литографія А.М. Руднева, Нов. пер. д. 5 С.П.Б.

При такомъ взглядѣ на исторію, какъ на худо=
жественный разсказъ о достопамятныхъ событі=
яхъ, древніе историки удержались и соотвѣтству
8. ющихъ пріемовъ изложенія. Въ своемъ повѣствова=
ніи они стремились къ правдѣ и точности, но
строгой объективной мѣрки истины у нихъ не
существовало. У глубоко правдиваго Геродота од=
9. нако много басенъ [напр: о Египтѣ, о Скифахъ]: въ од
нѣ онъ вѣритъ, потому что не знаетъ предѣловъ
естественнаго, другія же, и не вѣря въ нихъ, зано=
ситъ въ свой разсказъ, ибо онѣ привлекаютъ его сво=
имъ художественнымъ интересомъ. Мало этого,
античный историкъ, вѣрный своимъ художе
ственнымъ задачамъ, считалъ возможнымъ ук
рашать повѣствованіе сознательнымъ вымыс
ломъ. Фукидидъ, въ правдивости котораго мы
не сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ геро
евъ рѣчи, сочиненныя имъ самимъ; но онъ счи=
таетъ себя правымъ въ силу того, что вѣрно
передаетъ въ измышленной формѣ дѣйствитель=
ныя намѣренія и мысли историческихъ лицъ.
Такимъ образомъ, стремленіе къ точности и
правдѣ въ исторіи было до нѣкоторой степени ог=
раничиваемо стремленіемъ къ художественности
и занимательности, не говоря уже о другихъ усло=
віяхъ, мѣшавшихъ историкамъ съ успѣхомъ
различать истину отъ басни. Не смотря на

что, стремленіе къ точному знанію уже въ древности требуетъ отъ историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаемъ проявленія этого прагматизма т. е. желаніе связывать факты причинною связью, не только разсказывать ихъ но и объяснять изъ прошлаго ихъ происхожденіе.

Итакъ, на первыхъ порахъ исторія опредѣляется какъ художественно-прагматическій разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ.

Ко временамъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на исторію, которые требовали отъ нее, помимо художественныхъ впечатлѣній и практической приложимости. Еще древніе говорили, что исторія есть наставница жизни [magistra vitae]. Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое бы объясняло событія настоящаго и задачи будущаго, служило бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка, дожилъ и до нашихъ временъ; онъ съ одной стороны прямо сближалъ исторію съ моральной философіей, а съ другой стороны обращалъ исторію въ „скрижаль откровеній и правилъ" практическаго характера. Единъ

писатель XVII вѣка [De Rocoles] говорилъ что „исто-
рія исполняетъ обязанности, свойственныя мо-
ральной философіи и даже въ извѣстномъ от-
8 ношеніи можетъ быть ей предпочтена, такъ
какъ, давая тѣ же правила, она присоеди-
няетъ къ нимъ еще и примѣры." На первой
страницѣ „Исторіи Государства Россійска-
9 го" Карамзина найдете выраженіе той мы-
сли, что исторію необходимо знать для то-
го „чтобы учредить порядокъ, согласить выго-
ды людей и даровать имъ возможное на землѣ
счастіе."

Съ развитіемъ западно-европейской фило-
софской мысли стали слагаться новыя оп-
редѣленія исторической науки. Стремясь
объяснить сущность и смыслъ жизни человѣ-
чества мыслители обращались къ изученію
исторіи или съ цѣлью найти въ ней рѣше-
ніе своей задачи, или же съ цѣлью подтвер-
дить историческими данными свои отвле-
ченныя построенія. Сообразно съ различными
философскими системами, такъ или ина-
че опредѣлялись цѣли и смыслъ самой исто-
ріи. Вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ опредѣле-
ній:

Боссюэтъ (въ XVII в.) и Лоранъ (уже въ наше
время) понимали исторію какъ „изобра-

жение тѣхъ міровыхъ событій, въ которыхъ съ особенною яркостью выражались пути Провидѣнія, руководящаго человѣчествомъ и человѣческою жизнью въ своихъ цѣляхъ.

Итальянецъ Вико (1726) задачею исторіи, какъ науки, считалъ изображеніе тѣхъ одинаковыхъ состояній которыя суждено переживать всѣмъ народамъ.

Извѣстный Гегель въ исторіи видѣлъ изображеніе того процесса которымъ „абсолютный духъ" достигалъ своего самопознанія [Гегель всю міровую жизнь объяснялъ какъ развитіе этаго „абсолютнаго духа"].

Не будетъ ошибкою сказать, что всѣ эти философы требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того же: исторія должна быть изображеніемъ не всѣхъ фактовъ прошлой жизни человѣчества, а изображеніемъ основныхъ фактовъ обнаруживающихъ ея ~~жизнь~~ общій смыслъ.

Въ этомъ требованіи, безъ сомнѣнія, заключался большой шагъ впередъ. Оно не удовлетворялось простымъ разсказомъ о быломъ вообще, или же случайнымъ наборомъ фактовъ различнаго времени и мѣста для доказательства назидательной мысли. Необходимо теперь объединять изложеніе руководящей идеей, систематизировать исто=

рическій матеріалъ. Однако философскую исторію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она руководящія идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи.

Наукою исторія стала только въ началѣ нашего вѣка, когда въ Германіи въ противовѣсъ французскому раціонализму развился идеализмъ, въ противовѣсъ французскому космополитизму появились идеи національизма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономѣрно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ ни случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не личной дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ его развитія. Исторія стала пониматься какъ <u>наука о законахъ историческої жизни человѣческихъ обществъ.</u>

Это опредѣленіе разно высказывалось разными историками и мыслителями. Знаменитый Гизо, напр., понималъ исторію кк. ученіе о міровой и національной цивилизаціи [понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданскаго общежитія]. Философъ Шеллингъ, развивая мысль, что каждый народъ въ своей исторической жизни раскрываетъ какую-либо абсолютную идею, давалъ основаніе для того, чтобы въ національной исторіи видѣть средство познать національную идею, „національный духъ." Отсюда выросло распространенное опредѣленіе исторіи, кк. пути къ народному самознанію. Явились далѣе попытки понимать исторію, какъ науку, долженствующую раскрыть общіе законы развитія общественной жизни и приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности присвоивали исторіи задачи другой науки — соціологіи. Исторія есть наука изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста, и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ и всего человѣчества.

Такая задача требуетъ многаго для успѣшнаго выполненія. Для того чтобы дать научно-точную и художественно-цѣльную кар=

тину какой либо эпохи народной жизни или полной исторіи народа необходимо:

1) собрать историческіе матеріалы,

2) изслѣдовать ихъ достовѣрность,

3) возстановить точно отдѣльные историческіе факты,

4) указать между ними прагматическую связь,

5) свести ихъ въ общій научный обзоръ или художественную картину.

Тѣ способы которыми историки достигают указанныхъ частныхъ цѣлей, наз. научными критическими пріемами. Пріемы эти совершенствуются съ развитіемъ исторической науки, но до сихъ поръ ни эти пріемы, ни самая наука исторіи не достигла полнаго своего развитія. Историки не собрали и не изучили еще всего матеріала, подлежащаго ихъ вѣдѣнію и это даетъ поводъ говорить, что исторія есть наука, не достигшая еще до тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія, болѣе точныя науки. И однако никто не отрицаетъ, что исторія есть наука съ широкимъ будущимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной

исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ, — съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность, открылось болѣе широкое поле — историческій синтезъ, имѣющій цѣлью возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человѣчества.

Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться рускій историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни — жизнь своей національности. Состояніе руской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на рускаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другаго историческаго процесса, можемъ даже на основаніи

ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попыт-
ку: дать схематическое изображеніе той послѣ-
довательности, въ какой развивались основные
факты нашей исторической жизни. Но дальше
8 такой общей схемы русскій историкъ итти
не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки.
Для того, чтобы понять сущность и значеніе
того или другого историческаго факта въ
9. исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ
исторіи всеобщей. Добытыми результа-
тами онъ можетъ служить историку всеобще-
му, положить и свой камень въ основаніе обще-
историческаго синтеза. Но этимъ и ограни-
чивается его связь съ исторіей и вліяніе на нее.
Конечной цѣлью русской исторіографіи всег-
да останется построеніе системы мѣстна-
го историческаго процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и
другая, болѣе практическая задача, лежащая
на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное
убѣжденіе, что національная исторія есть путь
къ національному самосознанію. Дѣйствитель-
но, знаніе прошлаго помогаетъ познать на-
стоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ,
знакомый со своею исторіею, живетъ созна-
тельно, чутокъ къ окружающей его дѣйстви-
тельности и умѣетъ понимать ее. Задача,

— въ данномъ случаѣ можно выразиться, — долгъ, — національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то не было предвзятыя точки зрѣнія: субъективная идея не есть идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которыя характеризовали собой различныя стадіи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ даетъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него.

Такъ и отвлеченныя соображенія и практическія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ одинаковую задачу — систематическое изложеніе русской исторической жизни, общую схему того историческаго процесса, который привелъ нашу національность къ ея настоящему состоянію.

Исторіографическія замѣчанія

Когда же началось систематическое изображеніе

событій русской исторической жизни и когда русская исторія стала наукой? Еще въ Кіевской Руси, на ряду съ возникновеніемъ гражданственности, въ XI вѣкѣ, появились у насъ первыя лѣтописи. Это были перечни фактовъ, важныхъ и неважныхъ, историческихъ и неисторическихъ, въ перемежку съ литературными сказаніями. Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія лѣтописи не представляютъ собою историческаго труда; не говоря о содержаніи — и самые пріемы лѣтописца не соотвѣтствуютъ теперешнимъ требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія сказанія и лѣтописи стали впервые свѣрять и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась и оформилась Московская Русь. Сплотившись въ единое тѣло подъ властью единаго Московскаго князя, Русскіе старались объяснить себѣ и свое происхожденіе, и свои политическія цѣли, и свои отношенія къ окружающимъ ихъ государствамъ. И вотъ въ 1512 году составляется первый <u>хронографъ</u> т. е. обозрѣніе всемірной исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ переводы съ греческаго языка и только какъ дополненія, внесены русскія и славянскія историческія сказанія. Хронографъ этотъ кратокъ, но даетъ достаточный запасъ истори-

ческихъ свѣдѣній, за нимъ появляются и внал-
къ русскіе хронографы, представляющіе собою пере-
работку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникают
въ XVI вѣкѣ лѣтописные своды, составленные по древ-
нимъ лѣтописямъ, но представляющіе не сборни-
ки механически сопоставленныхъ фактовъ, а про-
изведенія, связанныя одной общей идеей. Первымъ
такимъ произведеніемъ была „Степенная книга",
получившая такое названіе потому, что она
раздѣлялась на главы или на „степени" ~~главы~~
~~главы~~ какъ ихъ тогда называли. Она переда-
вала въ хронологическомъ порядкѣ, хронологи-
ческомъ т. е последовательномъ или „постепен-
номъ", дѣятельность русскихъ митрополитовъ
и князей, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой
книги считаютъ митрополита Кипріяна,
но окончательно она была обработана митр. Ма-
каріемъ при Иванѣ Грозномъ, т. е. въ XVI в.
Въ основаніи Степенной книги лежитъ тен-
денція, и общая и частная. Общая про-
глядываетъ въ желаніи показать, что власть
Московскихъ князей есть не случайная, а пре-
емственная съ одной стороны отъ южно-Рус-
скихъ, Кіевскихъ князей, съ другой стороны отъ
Византійскихъ царей. Частная же тенден-
ція сказалась въ томъ уваженіи съ какимъ не-

измѣнно повѣствуется о духовной власти. „Се-
ренная книга можетъ быть названа истори-
ческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы
изложенія. Въ XVI вѣкѣ былъ составленъ другой
историческій трудъ, такъ наз. „Воскресен-
ская лѣтопись", болѣе интересный по обилію
матеріала. Въ основаніи его легли всѣ преж-
нія лѣтописи: Софійскій временникъ" и иныя,
такъ что фактовъ въ этой лѣтописи дѣй-
ствительно много, но скрѣплены они часто
механически. Тѣмъ не менѣе, „Воскресенс-
кая лѣтопись" представляется намъ самымъ
цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ
всѣхъ ей современныхъ, или болѣе раннихъ,
т.к.к. она составлена безъ всякой тенденціи
и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, кото-
рыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своею простотою
она могла не нравиться, безыскусственность
изложенія могла казаться убогою знатокамъ ри-
торическихъ пріемовъ, и вотъ ее подвергли пере-
работкѣ и дополненіямъ и составили к.к. ка-
жется въ XVI же вѣкѣ новый сводъ, наз. „Нико-
новской лѣтописью." Въ этомъ сводѣ мы видимъ
много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ грече-
скихъ хронографовъ, по исторіи греческихъ и
славянскихъ странъ. Въ Никоновой лѣто-
писи заключалась цѣлая энциклопедія свѣ-

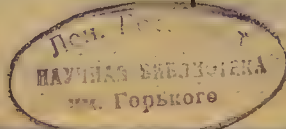
дѣній, самая подробная лѣтопись особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтопись и не совсѣмъ надежная: точность изложенія пострадала отъ литературной переработки; поправляя безхитростный слогъ прежнихъ лѣтописей, невольно искажали и смыслъ нѣкоторыхъ событій. Въ 1674 г. появился въ Кіевѣ и первый учебникъ русской исторіи — „Синопсисъ" Иннокентія Гизеля, очень распространившійся въ эпоху Петра Великаго [онъ часто вс встрѣчается и теперь]. Если рядомъ со всѣми этими переработками лѣтописей помянемъ рядъ литературно написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ [напр, Сказаніе кн. Курбскаго, повѣсти о Смутномъ времени; со всѣми ими встрѣтимся ниже], то мы обнимемъ весь тотъ скудный запасъ историческихъ трудовъ, съ которыми Русь дожила до эпохи Петра Великаго, до учрежденія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петръ Великій очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены

Петербургской Академіи; изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать <u>Готлиба Сигфрида Байера</u> (1694–1738.) Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно Варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ 2= довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ, и теперь уже имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи, это „<u>Сѣверная Географія</u>" и „<u>Изслѣдованія о Варягахъ</u>" [ихъ перевели по русски въ 1767 г.]. Гораздо плодотворные были труды <u>Герарда Фридриха Миллера</u>, жившаго въ Россіи при императрицахъ: Аннѣ, Елизаветѣ и Екатеринѣ II-ой, и уже настолько владѣвшаго русскимъ языкомъ, что писалъ свои произведенія по русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи [прожилъ 10 лѣтъ съ 1733–1743 г. въ Сибири] и хорошо изучилъ ее. На литературно-историческомъ поприщѣ онъ выступилъ к.к. издатель русскаго журнала: „<u>Ежемѣсячныя Сочиненія</u>" (1755–1765 г.) и сборника на нѣмецкомъ языкѣ „<u>Sammlung Russischer Geschichte</u>" [9 т. т. 1732–1765]. Главною заслугою Миллера было собираніе матеріаловъ по русской исторіи; его рукописи [т.к. назыв. Миллеровскіе портфели] служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и из-

слѣдователей. И изслѣдованія Миллера имѣли значеніе; онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи, имъ посвящены его труды: „Опытъ новѣйшей исторіи Россіи" и „Изслѣдованіе о дворянахъ Россійскихъ." Наконецъ, онъ былъ первымъ ученымъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи, директоромъ котораго и умеръ. (1783) Среди академиковъ XVIII вѣка видное мѣсто трудами по русской исторіи занялъ и Ломоносовъ, написавшій учебную книгу русской исторіи и 1ый томъ „Древней Русской исторіи" (1766). Его труды по исторіи были обусловлены полемикой съ академиками — нѣмцами. Послѣдніе вели Русь — Варяговъ отъ Норманновъ и Норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до пришествія Варяговъ представляли страною дикою. Ломоносовъ же Варяговъ признавалъ за славянъ и такимъ образомъ русскую культуру считалъ самобытною.

Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя отдѣльные вопросы нашей исторіи, не успѣли дать общаго обзора Русской исторіи, необходимость котораго чувствовалась

Литографія А. И. Гуднева, Гос. пер. д. 5. С.П.Б.

Директоръ Высш. Курсовъ: [signature]

русскими образованными людьми. Попытка дать такой обзор появилась вне академической среды.

Первая принадлежитъ В. Н. Татищеву (1686–1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ, что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи, и будучи человѣкомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся составленіемъ ея. В теченіи многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, переработалъ его не одинъ разъ, но только въ 1768 началось его изданіе. Въ теченіи 6ти лѣтъ вышло 4е тома, 5ый же томъ былъ случайно найденъ уже въ нашемъ вѣкѣ и изданъ: „Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ." Въ этихъ 5ти томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII в. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи; мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ экскурсовъ о древнихъ народахъ — Варягахъ, Славянахъ и др. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ, т.к. напр., онъ воспользовался изслѣдованіемъ „о Варягахъ" Байера, и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія Тат-ва теперь конечно устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла т.к. Татищевъ (въ XVIII в.) обладалъ такими источника-

ми, которыхъ теперь нѣтъ и слѣдовательно многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ, уже возстановить нельзя. Это дало поводъ заподозрѣть существованіе нѣкоторыхъ источниковъ на которые онъ ссылался и обвинить Татищева въ недобросовѣстности. Особенно недовѣряли приводимой имъ „Іоакимовской Лѣтописи." Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало только, что Татищевъ не сумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ со всѣми ея баснями въ свою исторію. Строго говоря трудъ Татищева есть ничто иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; тяжелый его языкъ и отсутствіе литературной обработки дѣлали его неинтереснымъ для современниковъ. Попытка популярнаго изложенія русской исторіи впервые принадлежала Екатеринѣ II, но трудъ ея „Записки касательно Русской исторіи," доведенный до конца XIII вѣка, научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только какъ первая попытка разсказать обществу легкимъ языкомъ его прошлое. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была „Исторія Россіи" князя Щербатова, 15 частей. (1770 — 1792.) которою впослѣдствіи пользовался и Карамзинъ. Щербатовъ былъ человѣкомъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшимся просвѣтитель

ной литературы XVIII вѣка и всецѣло сложившимся подъ ея вліяніемъ. Это повліяло на его трудъ, въ который онъ внесъ много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не ускивалъ разбираться, что заставлялъ иногда своихъ героевъ по 2 раза умирать. Но не смотря на такіе крупные недостатки, „Исторія Щербатова" имѣетъ научное значеніе, благодаря многимъ приложеніямъ, заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическія бумаги XVI и XVII вѣковъ. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи. Случилось что при Екатеринѣ II нѣкто французъ Леклеркъ, совершенно не знавшій ни русскаго государственнаго строя, ни народа, ни его быта, написалъ: „L'histoir de la Russie" (67 г.) причемъ въ ней было такъ много клеветъ, что она возбудила всеобщее негодованіе. И. Н. Болтинъ, (1735 – 1792) любитель русской исторіи, написалъ рядъ замѣтокъ въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка, и которыя издалъ въ 2-хъ томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ возраженіе, Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на „Исторію" Щербатова. Труды Болтина обнаруживающіе въ немъ историческій та-

лантъ и интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина, не совсѣмъ точно, зовутъ иногда «первымъ славянофиломъ», потому что онъ отмѣчалъ много темныхъ сторонъ въ слѣпомъ подражанiи западу, подражанiи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра, и желалъ чтобы Россiя крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ какъ историческое явленiе. Онъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII вѣкѣ въ обществѣ даже у не спецiалистовъ по исторiи былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ Н. И. Новиковъ, извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенiя, собравшiй „Древнюю Россiйскую Вивлiоѳику" (20 томовъ), обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованiй изданный въ 1788 – 1791 г. Одновременно съ нимъ какъ собиратель историческихъ матерiаловъ выступилъ купецъ Голиковъ, издавшiй сборникъ истор. данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названiемъ „Дѣянiя Петра В." [1ое изданiе въ 1788 – 1790, IIое 1837 г.]. Такимъ образомъ рядомъ съ попытками дать общую исторiю Россiи, зарождается и стремленiе подготовить матерiалы для такой исторiи. Помимо инициативы частной, въ этомъ направленiи рабо-

етъ и сама Академія Наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.

Но во всемъ томъ, что нами перечислено еще было мало научности, въ нашемъ смыслѣ; не существовало строгихъ критическихъ пріемовъ, не говоря ужъ объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.

Впервые рядъ научно-критическихъ пріемовъ въ изученіи русской исторіи внесъ ученый иностранецъ Шлёцеръ (1735–1809) въ Россіи съ 1751–62. Познакомившись съ русскими лѣтописями онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ — ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи и будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи. Результатомъ этого изученія былъ знаменитый трудъ напечатанный подъ заглавіемъ: „Несторъ" [1805г. по нѣмецки, 1809–1819 по русски]. Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ даетъ краткій обзоръ того, что сдѣлано по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи — печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ,

считаетъ свою книгу почти единственнымъ годнымъ трудомъ по руской исторіи. Издѣйствительно трудъ его далеко оставлялъ за собою всѣ прочіе по степени научнаго сознанія и пріемовъ автора. Эти пріемы создали у насъ какъ бы школу учениковъ Шлёцера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей, вродѣ М. П. Погодина. Послѣ Шлецера стали возможны у насъ строгія исторические изысканія, для которыхъ, правда, создавались благопріятныя условія и въ другой средѣ, во главѣ которой стоялъ Миллеръ. Среди собранныхъ имъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи людей, особенно выдѣлились: Штриттеръ, Малиновскій, Бантышъ-Каменскій. Они создали первую школу ученыхъ архиваріусовъ, которыми Архивъ былъ приведенъ въ полный порядокъ, и которые кромѣ внѣшней группировки архивнаго матеріала производили рядъ серьезныхъ ученыхъ изысканій на основаніи этого матеріала. Такъ мало по малу созрѣвали условія, создавшіе у насъ возможность серьезной исторіи. Въ началѣ XIX вѣка создался наконецъ и цѣльный взглядъ на руское историческое прошлое — въ извѣстной „Исторіи Государства Россійскаго" Н. М. Карамзина. Обладая цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, литературнымъ талантомъ и пріемами хоро-

шаго ученаго критика, Карамзинъ во всей русской исторической жизни видѣлъ одинъ главнѣйший процессъ — созданіе національного — государственнаго могущества.

Къ этому могуществу привелъ Русь рядъ талантливыхъ дѣятелей изъ которыхъ два главныхъ: Иванъ III и Петръ Великій своею дѣятельностью ознаменовали переходные моменты въ нашей исторіи и стали на рубежахъ основныхъ ея эпохъ: древней [до Ивана III] средней [до Петра В.] и новой [до начала XIX в]. Свою систему Русской исторіи Карамзинъ изложилъ увлекательнымъ для своего времени языкомъ, а свой разсказъ онъ основалъ на многочисленныхъ изысканіяхъ, которые и до нашего времени сохраняютъ за его исторіей важное ученое значеніе.

Но односторонность основнаго взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображеніемъ только судебъ государства, а не общества съ его культурой, юридическими и экономическими отношеніями, была вскорѣ замѣчена уже современниками Карамзина. Журналистъ 30-хъ годовъ Н. А Полевой упрекалъ его за то что онъ назвавъ свое произведеніе: „Исторіей государства Россійскаго" оставилъ безъ вниманія „исторію Русскаго народа."

именно этими словами Полевой озаглавилъ свой трудъ, в которомъ думалъ изобразить судьбу русскаго общества. На смѣну системы Карамзина онъ ставилъ свою систему но не совсѣмъ удачную, т.к. былъ диллетантъ въ сферѣ историческаго вѣдѣнія. Увлекаясь историческими трудами на западѣ онъ пробовалъ чисто механически прикладывать ихъ выводы и термины къ русскимъ фактамъ; такъ напр., онъ отыскалъ феодальную систему в древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно что трудъ Полевого не могъ смѣстить труда Карамзина: въ немъ вовсе не было цѣльной системы.

Менѣе рѣзко и съ большею осторожностью выступилъ противъ Карамзина петербургскій профессоръ Устряловъ, въ 1836 году написавшій „Разсужденіе о системѣ прагматической русской исторіи." Онъ требовалъ чтобы исторія была картиной постепеннаго развитія общественной жизни, изображеніемъ перехода гражданственности изъ одного состоянія въ другое. Но и онъ еще вѣритъ въ могущество личности въ исторіи и на ряду съ изображеніемъ народной

жизни, требуетъ и біографій ея героевъ. Самъ Устряловъ однако отказался дать опредѣленную общую точку зрѣнія на нашу исторію и замѣчалъ, что для этаго еще не наступило время. Такимъ образомъ недовольство трудомъ Карамзина, сказавшееся и въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ, не исправило Карамзинской системы и не замѣнилось другою. Надъ явленіями руской исторіи, какъ ихъ связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создалось научной системы. Устряловъ былъ правъ говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшіе профессора Руской Исторіи начавшіе въ эпоху близкую къ Карамзину: Погодинъ и Каченовскій еще были далеки отъ одной общей точки зрѣнія, послѣдняя сложилась лишь тогда, когда руской исторіей стали дѣятельно ~~занаться~~ интересоваться образованные кружки нашего общества. [Погодинъ и Каченовскій воспитывались на ученыхъ пріемахъ Шлёцера и подъ его вліяніемъ, которое особенно сильно сказывалось на Погодинѣ]. Погодинъ во многомъ продолжалъ изслѣдованія Шлецера и изучая древнѣйшіе періоды нашей исторіи не шелъ далѣе частныхъ выводовъ и мелкихъ

обобщеній которыми однако умѣлъ увлекать своихъ слушателей, не привыкшихъ къ строго-научному и самостоятельному изложенію предмета. Каченовскій за русскую исторію принялся тогда, когда пріобрѣлъ уже много знаній и опыта въ занятіяхъ другими отраслями историческаго вѣдѣнія. Слѣдя за развитіемъ классической исторіи на Западѣ; которую въ то время вывели на новый путь изысканія Нибура, Каченовскій овлекался тѣмъ отрицаніемъ съ которымъ стали относиться къ древнѣйшимъ даннымъ по исторіи, напр. Рима. Это отрицаніе Каченовскій перенесъ и на русскую исторію: всѣ свѣдѣнія относящіеся къ первымъ вѣкамъ русской исторіи онъ считалъ не достовѣрными; достовѣрные же факты, по его мнѣнію, начинались лишь съ того времени, какъ появились у насъ письменные документы гражданской жизни. Скептицызмъ Каченовскаго имѣлъ послѣдователей: подъ его вліяніемъ образовалась такъ наз. „<u>Скептическая школа</u>“ не богатая выводами, а сильная новымъ скептическимъ отношеніемъ къ научному матеріалу. Этой школѣ принадлежа

ло и нѣсколько статей, составленныхъ подъ руководствомъ Каченовскаго. При несомнѣнной талантливости Погодина и Каченовскаго, оба они разрабатывали хотя и крупные но частные вопросы русской исторіи, оба они сильны были критическими методами, но ни тотъ ни другой не возвышался еще до цѣльнаго міровоззрѣнія; давая методъ, они не давали еще результатовъ, къ которымъ можно было прійти съ помощью этого метода.

Въ 30хъ только годахъ нашего столѣтія въ русскомъ обществѣ сложилось цѣльное историческое міровоззрѣніе, но развилось оно не на научной, а на метафизической почвѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка русскіе образованные люди все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ интересомъ обращались къ исторіи, какъ отечественной, такъ и Западно-Европейской. Участіе въ освободительныхъ войнахъ 1813–1814 г. и заграничные походы и жизнь познакомили нашу молодежь съ философіей и политической жизнью Западной Европы. Изучая жизнь и идеи Запада, они раздѣлились на двѣ группы, — одна породила политическое движеніе Декабристовъ, другая — увлекалась болѣе

отвлеченной философіей чѣмъ политикой. Не имѣя специальныхъ историческихъ знаній и научной подготовки, эта послѣдняя группа чаще размышляла надъ русской исторіей нежели изучала ее. Въ толкованіе своего прошлаго эти русскіе люди вносили тѣ общія точки зрѣнія, которыя почерпнули въ знакомствѣ съ ходомъ западно-европейской мысли. Къ числу ихъ принадлежалъ и Чаадаевъ. Онъ написалъ „философское письмо" напечатанное Надеждинымъ въ „Телескопѣ." Въ этомъ письмѣ Чаадаевъ говоритъ, что онъ страстно желалъ уразумѣть свое національное прошлое, ибо думалъ, выражаясь его словами, „что можно быть полезнымъ своему отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть". Но „ясно видѣть" прошлое безъ научной подготовки Чаадаевъ, конечно, не могъ и только старался угадать его. Работа уединеннаго ума, знавшаго европейскій бытъ больше Русскаго, привела Чаадаева къ тому заключенію, что Русь не имѣла ни исторіи ни культуры, и должна была войти въ тѣсное сближеніе съ Западомъ даже съ религіознымъ его бытомъ, чтобы пріобщиться къ прогрессу. Единственною свѣтлою точкою на горизонтѣ русской жизни для Ча=

адаева былъ Петръ, «который отрекся отъ древней
Россiи передъ лицомъ цѣлаго мiра.»... «Вырылъ
пропасть между нашимъ прошедшимъ и на-
шимъ настоящимъ и бросилъ въ нее кучей всѣ на-
ши преданiя.» Въ Петрѣ сосредоточивался для
Чаадаева весь смыслъ нашей исторiи и этимъ
онъ предупредилъ взгляды, такъ наз. Западни-
ковъ. Но онъ не принадлежалъ къ нимъ ни въ ос-
нованiи своей философiи, ни по житейскимъ
отношенiямъ. Онъ стоитъ совершенно особня-
комъ въ исторiи русской мысли. Его остро-
умно наз. человѣкомъ 30-хъ годовъ оставшим-
ся позади поколѣнiя 20-хъ годовъ.

Тотъ кружекъ, изъ котораго берутъ нача-
ло Западники и Славянофилы развивалъ
свои взгляды одновременно съ Чаадаевымъ, но раз-
вивалъ ихъ болѣе стройно и свѣтлѣе смот-
рѣлъ на русскую жизнь въ ея прошломъ и насто-
ящемъ. Это зависѣло отъ того, что кружокъ
этотъ выросъ всецѣло на почвѣ Германской
метафизической философiи начала нашего вѣ-
ка. А эта философiя отличалась стройностью
логическихъ построенiй и оптимизмомъ выво-
довъ. Въ Германской метафизикѣ ХIХ и въ Гер-
манскомъ романтизмѣ, сказался протестъ
протестъ противъ сухого рацiонализма фра-
нцузской философiи XVIII вѣка. Революцiон-

ному космополитизму Франціи Германія противополагала начало народности и выясняла его въ привлекательныхъ образахъ народной поэзіи и въ ряду метафизическихъ системъ. Эти системы стали извѣстны образованнымъ русскимъ людямъ и увлекли ихъ. Въ Германской философіи русскіе образованные люди видѣли цѣлое откровеніе, Германія была для нихъ „Іерусалимомъ новѣйшаго человѣчества." — такъ называлъ ее Бѣлинскій. Изученіе новѣйшихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля соединило въ тѣсный кружокъ нѣсколькихъ талантливыхъ представителей русскаго общества, и заставило ихъ обратиться къ изученію своего [русскаго] національнаго прошлаго. Результатомъ этаго изученія были 2ые совершенно противоположныя системы русской исторіи, построенныя на одинаковой метафизической основѣ. Въ Германіи въ это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнѣнію Шеллинга каждый историческій народъ долженъ осуществлять какую-нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею міру — историческое призваніе народа. Исполняя его, народъ дѣлаетъ шагъ впередъ на поприщѣ всемірной цивилизаціи; исполнивъ ее, онъ сходитъ съ исторической

сцены. Тѣ народы, бытіе которыхъ не одухотворено своей идеей безусловнаго, суть народы неистори-ческіе, они осуждены на духовное рабство у других націй. Такое же дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе даетъ и Гегель, но онъ развивая почти тотъ же принципъ, пошелъ еще дальше. Онъ далъ общую картину міроваго прогресса. Вся мі-ровая жизнь, по мнѣнію Гегеля, была развиті-емъ абсолютнаго духа, котор. стремится къ самопознанію въ исторіи различныхъ народовъ, но достигаетъ его окончательно въ Германо-Романской цивилизаціи. Культурные наро-ды древняго востока, античнаго міра и роман-ской Европы, были поставлены Гегелемъ въ из-вѣстный порядокъ, представлявшій собой лѣстницу по котор. восходилъ міровой духъ. На верху этой лѣстницы стояли Германцы и имъ Гегель пророчилъ вѣчное міровое главенст-во. Славянъ же на этой лѣстницѣ не было сов-сѣмъ. Ихъ онъ считалъ за неисторическую рас-су и тѣмъ осуждалъ на ~~вѣчное~~ духовное рабст-во у Германской цивилизаціи. Такимъ об-разомъ Шеллингъ требовалъ для своего народа [?] только всеміркнаго гражданства, а Гегель все-мірнаго главенства. Но несмотря на такое ра-зличіе взглядовъ оба философа одинаково пов-ліяли на русскіе умы, въ томъ смыслѣ, что возбу-

ждали стремленіе оглянуться на русскую истори
ческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею,
кот. раскрывалась въ русской исторической
жизни опредѣлить мѣсто и значеніе русскаго
народа въ ходѣ мірового прогресса. И тут-то,
въ приложеніи началъ германской метафизи-
ки къ русской дѣйствительности, русскіе люди
разошлись между собою. Одни изъ нихъ, запад
ники повѣрили тому, что германо-протест-
антская цивилизація есть послѣднее слово мі-
рового прогресса. Для нихъ древняя Русь, не
знавшая западной, германской цивилизаціи
и не имѣвшая своей была страной неистори-
ческой, лишенной прогресса, осужденной на
вѣчный застой, страной „азіатской" кк назвал
ее Бѣлинскій [въ его статьѣ о Кошихинѣ]. Изъ вѣковой
азіатской косности вывелъ ее Петръ, кот., пріоб-
щивъ Россію къ Германской цивилизаціи, создалъ
ей возможность прогресса и исторіи. Во всей
русской исторіи, стало быть только эпоха Петра I
можетъ имѣть историческое значеніе. Она гла-
вный моментъ въ русской жизни, она отдѣля-
етъ Русь азіатскую отъ Руси европейской. До
Петра полная пустыня, полное ничто, въ древ-
ней Русской Исторіи нѣтъ никакого смысла, т.к.
въ древней Руси нѣтъ своей культуры.
Но не всѣ русскіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ думали

Литографія Д. Руднева Нев. пр. д. 5 С.П.Б.

такъ; нѣкоторые не соглашались съ тѣмъ, что германская цивилизація есть верхняя ступень прогресса, что Славянское племя, есть племя неисторическое. Они не видѣли причины, почему міровое развитіе должно остановиться на Германцахъ. Изъ русской исторіи выносили они убѣжденіе что Славянство было далеко отъ застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами въ своемъ прошломъ, и что оно, наконецъ, имѣло свою культуру. Это ученіе было хорошо изложено Кирѣевскимъ. Онъ говорилъ, что славянская культура въ основаніяхъ своихъ была самостоятельна, и отлична отъ германской. Во 1) Славяне получили христіанство изъ Византіи (а Германцы изъ Рима) и ихъ религіозный бытъ получилъ иныя формы, чѣмъ тѣ, кот. сложились у Германцевъ подъ вліяніемъ католичества. Во 2) Славяне и Германцы выросли на различной культурѣ; первые — на греческой, — вторые — на римской. Въ то время, какъ культура германская выработала свободу и значеніе личности, ~~куль-тура~~ славянскія общины совершенно поработили ее. Во 3) государственный строй созданъ различно. Германія сложилась на римской почвѣ. Германцы были народъ пришлый; побѣждая туземное населеніе они порабощали его, борьба между побѣжденными и побѣдителями, кот.

легла въ основаніи государственнаго строя Запад-ной Европы перешла впослѣдствіи въ антогонизмъ сословій, у Славянъ государство создалось путемъ мирнаго договора, добровольнаго призванія власти. Вотъ различіе между Россіей и Зап. Европой, различіе религіи, культуры, государственнаго строя. Такъ думали славянофилы, болѣе самостоятельные послѣдователи германскихъ философскихъ ученій. Они были убѣждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшаго развитія своихъ началъ въ эпоху Московскаго государства. Петръ I грубо разрушилъ это развитіе, насильственною реформою внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложный путь заимствованія, т. к. онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего національнаго духа. Цѣль славянофиловъ — вернуться на путь естественнаго развитія, сгладивъ слѣды насильственной Петровской реформы.

Общія точки зрѣнія западниковъ и славянофиловъ служили имъ для толкованія не только общаго смысла нашей исторіи, но и отдѣльныхъ ея фактовъ: можно насчитать много историческихъ трудовъ написанныхъ западниками и особенно славянофилами [изъ славянофиловъ-историковъ слѣдуетъ упомянуть Константина С. Аксакова]. Но изъ Пого-

ди были гораздо болѣе философскими или публицистическими чѣмъ собственно историческими, а отношеніе къ исторіи гораздо болѣе философскимъ, чѣмъ научнымъ.

Строго-научная цѣльность историческихъ воззрѣній впервые создана была у насъ только въ 40ыхъ годахъ. Первыми носителями новыхъ историческихъ идей были 2а молодые профессора Московскаго университета Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ и Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Ихъ воззрѣніе на русскую исторію въ то время наз: „теоріею родоваго быта," а впослѣдствіи всѣ ученія ихъ направленія стали извѣстны подъ названіемъ „историко-юридической школы". Воспитались они подъ вліяніемъ германской философіи. Въ началѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели такъ наз. „Германской исторической школы" внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя, руководящія идеи и новыя методы изслѣдованія. Главною мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ общинъ, не есть результатъ случайностей, или единичной воли отдѣльныхъ лицъ: развитіе общества совершается кк. развитіе организма по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ ни историческая случайность, ни личность,

кая бы геніальна она ни была. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія Фридрихъ Августъ Вольфъ, въ произведеніяхъ „Prolegomena ad Homerum" въ кот. онъ занимался изслѣдованіемъ происхожденія и состава Греческаго эпоса „Одиссеи" и „Иліады". Давая въ своемъ трудѣ рѣдкій образецъ исторической критики, онъ утверждалъ, что Гомеровскій эпосъ не могъ быть произведеніемъ отдѣльной личности, а былъ постепенно, органически созданнымъ произведеніемъ поэтическаго генія цѣлаго народа. Послѣ труда Вольфа такого органическаго развитія стали искать не только въ памятникахъ поэтическаго творчества, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Искали и въ исторіи и въ правѣ. Признаки органическаго роста античныхъ общинъ наблюдали Нибуръ въ Римской исторіи, Карлъ Готфридъ Миллеръ въ Греческой. Органическое развитіе прававаго сознанія изучали историки-юристы: Эйхгорнъ [Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte] 5 томовъ 1808. и Савиньи [Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter въ 6-ти томахъ 1815 — 1831.] Эти труды носившіе на себѣ печать новаго направленія, къ половинѣ XVIII вѣка создали въ Германіи блестящую школу историковъ, которая и до сихъ поръ еще не пережила вполнѣ своихъ идей.

Въ идеяхъ и пріемахъ ея выросли наши уче-

ные историко — юридической школы. (Одни усвоили их себѣ путемъ чтенія кк. напр. Кавелинъ, другіе — прямо слушаніемъ лекцій кк напр. Соловьевъ, кото-рый былъ ученикомъ Ранке). Они усвоили себѣ все содержаніе нѣмецкаго историческаго направленія. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и германской философіей Гегеля. Въ Германіи точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими ученіями гегеліанства, тѣмъ не менѣе и историки и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію кк на закономѣрное развитіе человѣческихъ общинъ. И историки и Гегель одинаково отрицали въ ней случайность, поэтому ихъ воззрѣнія могли ужиться въ одной и той же личности. Эти воззрѣнія и были впервые приложены къ русской исторіи Соловьевымъ и Кавелинымъ, кот. думали показать въ ней органическое развитіе тѣхъ началъ, кот. были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени и кот. коренились въ природѣ нашего народа. На бытъ культурный и экономическій они обращали меньше вниманія, чѣмъ на внѣшніе формы общественныхъ союзовъ, т.к. они были убѣждены, что главнымъ содержаніемъ русской исторической жизни была именно естественная смѣна однихъ законовъ другими. Они надѣялись под-

мътить порядокъ этой смъны и въ немъ найти законъ нашего историческаго развитія. Вотъ почему ихъ историческіе трактаты носятъ нъсколько односторонній историко-юридическій характеръ. Такая односторонность не составляла индивидуальности нашихъ ученыхъ, а была внесена или отъ ихъ германскихъ наставниковъ. Нъмецкая исторіографія считала главной своей задачей изслъдованіе именно юридическихъ формъ въ исторіи, корень этаго взгляда кроется въ идеяхъ Канта, который понималъ исторію, какъ «путь государства къ созданію совершенныхъ государственныхъ формъ». Таковы были тъ основанія, на которыхъ строилось первое научно-философское воззрѣніе на русскій историческій бытъ. Это не было простое заимствованіе чужихъ выводовъ, не было только механическое приложеніе чужихъ идей къ плохо понятому матеріалу, это было самостоятельное научное движеніе, въ которомъ взгляды и научные пріемы были тождественны съ германскими, но выводы отнюдь не предръшались и зависъли отъ матеріала. Это было научное творчество шедшее въ направленіи своей эпохи, но самостоятельно. Вотъ почему каждый дъятель этаго движенія сохранялъ свою индивидуальность, и оставилъ по себъ цънныя монографіи, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего историческаго развитія, подъ вліяніемъ которой до

сихъ поръ живетъ руская исторіографія.

Исходя изъ мысли что отличительныя черты исторіи каждаго народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили вниманіе на эту первоначальную форму руского общественнаго быта, которая по ихъ мнѣнію, опредѣлялась началами родового быта. Всю рускую исторію представляли они к к послѣдовательный, органически стройный переходъ отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ, отъ родового быта — къ быту государственному. Между эпохою кровныхъ союзовъ и государственною лежитъ промежуточный періодъ, въ которомъ происходила борьба начала кровнаго съ началомъ государственнымъ. Въ первый періодъ личность безусловно подчинялась роду и опредѣляла свое положеніе не индивидуальной дѣятельностью или способностями, а положеніемъ въ родѣ; кровное начало господствовало не только въ княжескихъ, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ; оно опредѣляло собою всю политическую жизнь Россіи. Россія въ первой стадіи своего развитія считалась родовою собственностью князей, она дѣлилась на волости соотвѣтственно числу членовъ княжескаго рода. Порядокъ владѣнія обуславливался родовыми счетами. Положеніе каждаго князя опредѣлялось его мѣстомъ въ родѣ. Нарушеніе старшинства порождало междусобицы, которыя, съ точки зрѣнія Соловьева ведутся не за волости, и не за нѣчто конкретное, а

за нарушеніе старшинства, за идею. Съ теченіемъ времени измѣнились обстоятельства княжеской жизни и дѣятельности на сѣверо-востокѣ Руси, гдѣ князья являлись полными хозяевами земли, сами призывали населеніе, сами строили города и сообщали первое благоустройство княженіямъ. Чувствуя себя создателемъ новой области, князь предъявляетъ на нее новыя требованія: въ силу того, что князь самъ «налѣзъ» себѣ волость, онъ не считаетъ послѣднюю уже родовой. Онъ образовалъ ее своими личными трудами и она не должна переходить въ родъ, она его личное владѣніе которое остается въ его семьѣ. Отсюда возникаетъ понятіе о собственности семейной, понятіе, вызвавшее окончательную гибель родового быта. Семья, а не родъ стало главнымъ принципомъ, князья даже стали смотрѣть на своихъ дальнихъ родственниковъ, кк на людей чужихъ, враговъ своей семьи. Наступаетъ новая эпоха, когда одно начало разложилось, другаго еще не создалось. Наступаетъ хаосъ, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Изъ этого хаоса выростаетъ случайно усилившаяся семья Московскихъ князей, которые свою вотчину ставятъ выше другихъ по силѣ и богатству. Въ этой вотчинѣ мало по малу вырабатывается начало единонаслѣдія — первый признакъ новаго государственнаго порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра I.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ взглядъ С. М. Соловье-

ва на ходъ нашей исторіи, взглядъ, разработанный имъ въ 2-хъ его диссертаціяхъ: 1) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ,“ и 2) „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома.“ Система Соловьева была талантливо поддержана К.Д. Кавелинымъ въ нѣсколькихъ его историческихъ статьяхъ [см. томы I и II его „Собранія сочиненій“]. Въ одной лишь существенной частности расходился Кавелинъ съ Соловьевымъ: онъ думалъ, что и безъ случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ на сѣверѣ руси родовой бытъ княжескій долженъ былъ разложиться и перейти въ семейный, а затѣмъ въ государственный. Смѣну, неизбѣжную и послѣдовательную смѣну начал въ нашей исторіи, онъ изображалъ въ такой краткой формулѣ: „родъ и общее владѣніе; семья и вотчина или отдѣльная собственность; лице и государство.“ [т. II, стр 474].

Толчекъ данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина руской исторіографіи былъ очень великъ. Стройная учена система, впервые данная нашей исторіи, увлекла многихъ и вызвала оживленное научное движеніе. Много монографій было написано прямо въ духѣ историко-юридической школы, но много и возраженій, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильныхъ, раздалось противъ ученія этой школы. Рядъ горячихъ научныхъ споровъ въ концѣ концевъ окончательно расшаталъ стройное теоретическое построеніе Соловьева и Кавелина

въ томъ его видѣ, въ какомъ оно появилось въ ихъ первыхъ трудахъ. Первое возраженіе противъ школы родового быта принадлежало славянофиламъ. Въ лицѣ К. Аксакова они обратились къ изученію историческихъ фактовъ (къ нимъ отчасти примкнули Московскіе профессора Лешковъ и Бѣляевъ); на первой ступени нашей исторіи увидѣли эти люди не родовой бытъ, а общинный и мало по малу создали свое ученіе объ общинѣ. Оно встрѣтило нѣкоторую поддержку въ трудахъ Одесскаго профессора Леонтовича, кт. постарался опредѣлить точнѣе примитивный характеръ древней славянской общины; эта община по его мнѣнію, очень походитъ на существующую еще Сербскую „задругу" основанную отчасти на родственныхъ, отчасти на территоріальныхъ отношеніяхъ. На мѣстѣ рода, точно опредѣленнаго школою родового быта, стала не менѣе точно опредѣленная община и так. образ. первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность.

Второе возраженіе противъ частностей этой схемы сдѣлано было ученымъ, близкимъ по общему своему направленію къ Соловьеву и Кавелину — Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, воспитавшійся въ той же научной обстановкѣ кк Соловьевъ и Кавелинъ, отодвинулъ за предѣлы исторіи эпоху кровныхъ родовыхъ союзовъ на Руси. На первыхъ страницахъ нашей исто-

рическаго бытія он видѣлъ уже разложеніе древних началъ родовыхъ. Первая форма нашей общественности, какую знаетъ исторія, по его взгляду, была построена не на кровныхъ связяхъ, а на началах гражданскаго права. Въ древне русском быту личность не ограничивалась ничѣмъ, ни кровным союзомъ, ни государственными порядками. Всѣ общественныя отношенія опредѣлялись гражданскими сдѣлками — договорами. Изъ этого то договорнаго порядка естественным путемъ выросло государство. Теорія Чичерина изложенная въ его трудѣ: „О духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей великихъ и удѣльныхъ" получила дальнѣйшее развитіе въ трудахъ профессора В. И. Сергѣевича и въ этой послѣдней формѣ уже совсѣмъ отошла отъ первоначальной схемы, данной школою родового быта. Вся исторія общественнаго быта у В. И. Сергѣевича дѣлится на два періода: первый — съ преобладаніемъ частной личной воли надъ началомъ государственнымъ, второй — съ преобладаніемъ государственнаго интереса надъ личною волею.

Если первое славянофильское возраженіе явилось на почвѣ объ общей культурной самостоятельности славянства, если второе выросло на почвѣ изученія правовыхъ институтовъ, то третье возраженіе школѣ родового быта сдѣлано скорѣе всего съ точки зрѣнія историко-экономической. Древній

шая Кіевская Русь не есть страна патріархальная; ея общественныя отношенія довольно сложены и построены на тимократической основѣ. Въ ней преобладаетъ аристократія капитала, представители которой сидятъ въ княжеской думѣ. Таковъ взглядъ профессора В. О. Ключевскаго [въ его трудѣ „Боярская дума Древней Руси".]

Всѣ эти возраженія уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой либо новой исторической схемы. Славянофильство осталось вѣрно своей метафизической основѣ, а въ позднѣйшихъ представителяхъ отошло отъ историческихъ розысканій. Система Чичерина и Сергѣевича сознательно считаетъ себя только системой исторіи права. А точка зрѣнія историко-экономическая не приложена къ объясненію всего хода нашей исторіи. Наконецъ, въ трудахъ другихъ историковъ не встрѣчаемъ сколько нибудь удачной попытки дать основанія для самостоятельнаго и цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія.

Чѣмъ же живетъ теперь наша исторіографія? Вмѣстѣ съ К. Аксаковымъ можемъ мы сказать, что у насъ теперь нѣтъ „исторіи" что, у насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій не болѣе!" Но отмѣчая этимъ отсутствіе одной господствующей въ исторіографіи доктрины, мы не отрицаемъ существованія у ~~насъ~~ нашихъ современныхъ историковъ общихъ взглядовъ, новизною и плодотворностью, которыхъ обуславливаются послѣдніе успѣхи нашей исторіографіи. Эти общіе

взгляды возникли у насъ одновременно съ тѣмъ, какъ появлялись въ европейской наукѣ; касались они и научныхъ методовъ и историческихъ представленій вообще. Возникшее на западѣ стремленіе приложить къ изученію исторіи пріемы естественныхъ наукъ сказалось и у насъ въ трудахъ извѣстнаго Щапова. Сравнительный исторический методъ выработанный англійскими учеными по преимуществу (Фриманъ) и требующій чтобы каждое историческое явленіе изучалось въ связи съ подобными же явленіями другихъ народовъ и эпохъ, — прилагался и у насъ многими учеными [напр. В.И. Сергѣевичемъ). Развитіе этнографіи вообще вызвало стремленіе создать историческую этнографію и съ точки зрѣнія этнографической разсмотрѣть вообще явленія древнѣйшей нашей исторіи (Н.И. Костомаровъ.) Интересъ къ исторіи экономическаго быта, выросшій на Западѣ сказался и у насъ многими попытками изученія народно-хозяйственной жизни въ разныя эпохи. (В.О. Ключевскій и др.) Такъ наз. эволюціонизмъ имѣетъ и у насъ своихъ представителей въ лицѣ молодыхъ университетскихъ преподавателей.

Не только то, что вновь вносилось въ научное сознаніе двигало впередъ нашу исторіографію. Пересмотръ старыхъ, уже разработанныхъ вопросовъ давалъ новые выводы, ложившіеся въ основаніе новыхъ и

и новыхъ изысканій. Уже въ 70хъ годахъ С. М. Соловьевъ въ своихъ „Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ В." яснѣе и доказательнѣе высказалъ свою старую мысль о томъ, что Петръ В. былъ традиціоннымъ дѣятелемъ и въ своей реформаціонной дѣятельности руководился идеалами старыхъ людей XVII в. и пользовался тѣми средствами, которыя были подготовлены раньше его. Едва ли не подъ вліяніемъ трудовъ именно Соловьева началась дѣятельная разработка исторіи Московской Руси, показывающая теперь, что до Петровская Москва не была азіатски-коснымъ государствомъ и дѣйствительно шла къ реформѣ еще до Петра, который самъ идею реформы воспринялъ изъ окружавшей его Московской среды. Пересмотръ старѣйшаго изъ вопросовъ русской историографіи Варяжскаго вопроса (въ трудахъ В. Гр. Васильевскаго, А. А. Куника, С. А. Гедеонова и др). освѣщаетъ новымъ свѣтомъ начало нашей исторіи. Новыя изслѣдованія по исторіи Западной Руси открыли передъ нами любопытныя и важныя данныя по исторіи и быту Литовско-русскаго государства (В. Б. Антоновичъ и др.) Указанными примѣрами не исчерпывается, конечно, содержаніе новѣйшихъ работъ по нашему предмету; но эти примѣры указываютъ, что современная исторіографія трудится надъ темами

весьма крупными. До попытокъ историческаго синтеза поэтому можетъ быть и не далеко.

Въ заключеніе нашего историографическаго обзора, намъ слѣдуетъ назвать тѣ труды по Русской исторіографіи, въ которыхъ изображается постепенное развитіе и современное состояніе нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами. Для знакомства съ нашею исторіографіею помянемъ: 1) К.Н. Бестужева-Рюмина «Русская Исторія» [2 т.т. конспективное изложеніе фактовъ и ученыхъ мнѣній съ очень цѣннымъ введеніемъ объ источникахъ и исторіографіи]. 2) К.Н Бестужевъ-Рюминъ „Біографіи и характеристики" [Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, и др.] СПБ. 1882.; 3) С. М. Соловьевъ. статьи по исторіографіи указанныя на страницѣ 530-его книги: „Сочиненія С. М. Соловьева." СПБ. 1882. 4) М. О. Кояловичъ, Исторія русскаго самосознанія, СПБ 1884. 5) В. С. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи томъ I книги 1-я и 2-я. Кіевъ 1891. 6) П. А Милюковъ „Главныя теченія русской исторической жизни" — въ „Русской Мысли" за 1893 годъ (и отдѣльно.)

Обзоръ источниковъ.

Въ обширномъ смыслѣ понятіе историческаго источника, заключаетъ въ своемъ содержаніи

всякій остатокъ старины, будетъ ли это сооруженіе, предметъ искусства, вещь житейскаго обихода, печатная книга, рукопись или, наконецъ, устное преданіе. Но въ узкомъ смыслѣ источникомъ мы называемъ печатный или письменный остатокъ старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучаетъ историкъ. Нашему вѣдѣнію подлежатъ лишь остатки послѣдняго рода.

Обзоръ источниковъ можетъ быть веденъ 2-мя путями: 1) онъ можетъ быть простымъ, логически систематичнымъ перечнемъ различныхъ видовъ историческаго матеріала, съ указаніемъ главнѣйшихъ его изданій; во 2) обзоръ источниковъ можетъ быть построенъ исторически и совмѣстить въ себѣ перечень матеріала съ обзоромъ движенія у насъ археографическихъ трудовъ. Второй путь ознакомленія съ источниками для насъ гораздо интереснѣе, во первыхъ потому что здѣсь мы можемъ наблюдать появленіе археографическихъ трудовъ въ связи съ тѣмъ, какъ въ обществѣ развивалось чувство цѣнности рукописной старины, и во 2-хъ потому еще, что здѣсь мы познакомимся съ тѣми дѣятелями, которые собираніемъ матеріаловъ для родной исторіи составили себѣ вѣчное имя въ нашей наукѣ.

Въ эпоху до Петровскую отношеніе къ рукописямъ въ грамотныхъ слояхъ московскаго общества было самымъ внимательнымъ, потому что въ то

время рукопись замѣняла книгу, была источникомъ и знаній и эстетическихъ наслажденій и составляла цѣнные предметы обладанія; рукописи постоянно переписывались съ большой тщательностію и часто жертвовались владѣльцами передъ смертью въ монастыри «по душѣ»: жертвователь за свой даръ проситъ монастырь или церковь о вѣчномъ поминовеніи его грѣшной души. Акты законодательные и вообще всѣ рукописи юридическаго характера, т. е. то, что назвали бы теперь офиціальными и дѣловыми бумагами, такъ же ревниво сберегались. Печатныхъ законоположеній, кромѣ уложенія, тогда не существовало, и этотъ рукописный матеріалъ былъ какъ бы кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права, руководствомъ тогдашнихъ администраторовъ и судей. Законодательство тогда было письменнымъ, какъ теперь оно печатное. Кромѣ того на рукописныхъ же грамотахъ монастыри и частныя лица основывали свои льготы и различнаго рода права. Понятно, что весь этотъ письменный матеріалъ былъ дорогъ въ обиходѣ тогдашней жизни и что его должны были цѣнить и хранить.

Въ XVIII в. подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ вкусовъ и съ распространеніемъ печатной книги и печатныхъ законоположеній, отношеніе къ старымъ рукописямъ очень измѣняется: упадокъ чувства ихъ цѣнности замѣчается у насъ въ продолженіи всего XVIII в. Въ XVIII в.

рукописи очень цѣнилась тогдашнимъ культурнымъ классомъ, а теперь въ XVIII вѣкѣ этотъ классъ уступилъ мѣсто новымъ культурнымъ слоямъ, к-рые къ рукописнымъ источникамъ старины относились презрительно, какъ къ старому негодному хламу. Духовенство также перестало понимать историческую и духовную цѣнность своихъ богатыхъ рукописныхъ собраній и относилось къ нимъ небрежно. Обиліе рукописей перешедшихъ изъ XVII вѣка въ XVIII в. способствовало тому, что ихъ не цѣнили. Рукопись была еще т. к. сказать вещью житейской, а не исторической и мало по малу съ культурныхъ верховъ общества, гдѣ прежде вращалась, переходила въ низшіе его слои между прочимъ и раскольникамъ, к-рыхъ нашъ археографъ Строевъ наз. «попечителями нашихъ рукописей». Старые же архивы и монастырскія древле-хранилища, заключавшіе въ себѣ массу драгоцѣнностей, оставались безъ всякаго вниманія въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ. Вотъ примѣры уже изъ нашего вѣка, к-рые показываютъ, какъ невѣжественно обращались съ рукописной стариной ея владѣльцы и хранители. «Въ одной обители благочестія, къ которой въ исходѣ XVII в. было приписано болѣе 15-ти другихъ монастырей» писалъ П. М. Строевъ въ 1823 г. «старый ея архивъ помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ на полъ-аршина кучу книгъ и столбцевъ на

валенныхъ безъ разбору и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ Геркуланa. Этому 6ть лѣтъ, — слѣдовательно, снѣгъ 6ть разъ покрывалъ сіи рукописи и столько же на нихъ таялъ, теперь вѣрно осталась одна ржавая пыль..."

Тотъ же Строевъ въ 1829 г. доносилъ Академіи Наукъ, что архивъ стариннаго города Кевроля по упраздненіи его перенесенный въ Пинегу, «сгнилъ тамъ въ ветхомъ сараѣ и, какъ мнѣ сказывали, послѣдніе остатки его не задолго передъ симъ (т. е. до 1829 г.) брошены въ воду».

Извѣстный любитель и изслѣдователь старины митрополитъ Кіевскій Евгеній [Болховитиновъ, 1767–1837 г.], будучи архіереемъ во Псковѣ пожелалъ осмотрѣть богатый Новгородскій Юрьевъ-монастырь. «Впередъ онъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ,» — пишетъ біографъ митрополита Евгенія, Ивановскій, — «и этимъ разумѣется заставилъ начальство обители нѣсколько посуетиться и привести нѣкоторыя изъ монастырскихъ помѣщеній въ болѣе благовидный порядокъ. Ѣхать въ монастырь онъ могъ одной изъ 2хъ дорогъ: или верхнею, болѣе проѣзжею, но скучною, или нижнею близь Волхова, менѣе удобною, но болѣе пріятною. Онъ поѣхалъ нижнею. Близь самого монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока. Желая узнать что везетъ инокъ къ рѣкѣ, онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ что онъ везетъ разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ навозную кучу нельзя, а надобно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ подошелъ къ возу, велѣлъ при

поднять рогожу, увидѣлъ порванныя книжки и рукописные листы и затѣмъ велѣлъ иноку возвратиться въ монастырь.» Въ этомъ возу оказались драгоцѣнные остатки письменности даже XI в. [Ивановскій „Митр. Евгеній", стр. 41–42].

Таково было у насъ отношеніе къ памятникамъ старины еще въ XIX в. въ XVIII в. оно было конечно не лучше; хотя нужно отмѣтить что рядомъ съ этимъ съ начала уже прошлаго столѣтія являются уже личности сознательно относившіеся къ старинѣ. Самъ Петръ I собиралъ старинныя монеты, медали и другіе остатки старины; по западноевропейскому обычаю, кк. необыкновенные и курьезные предметы, кк. своего рода „монстры." Но собирая любопытныя вещественные остатки старины Петръ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ «вѣдать государства россійскаго исторію" и полагалъ, что «о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ понеже о семъ много писано». Въ 1708–1715 г. по приказу Петра надъ сочиненіемъ русской исторіи (XVI и XVII вв.) трудился тогдашній дѣятель славяно-греко-латинской Академіи Өедоръ Поликарповъ но трудъ его не удовлетворилъ Петра, а намъ остался неизвѣстенъ. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петръ до конца своего царствованія не забывалъ мысли о полной русской исторіи и заботился о собраніи для нея матеріала: въ 1720 г. онъ приказалъ губернаторамъ пересмотрѣть всѣ замѣчательныя историчес-

кіе документы и лѣтописныя книги во всѣхъ монастырях, епархіяхъ и соборахъ, составить имъ описи и доставить эти описи въ сенатъ. А въ 1722 г. синоду было указано по этимъ описямъ отобрать всѣ историческія рукописи изъ епархіи въ синодъ и сдѣлать съ нихъ списки. Но синоду не удалось привести это въ исполненіе: большинство епархіальныхъ начальствъ отвѣчало на запросы синода, что у нихъ нѣтъ такихъ рукописей, а всего въ синодъ было прислано до 40 рукописей, кк можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, и изъ нихъ только 8 собственно историческихъ, остальныя же — духовнаго содержанія. Такъ желаніе Петра имѣть историческое повѣствованіе о Россіи и собрать для этого матеріалъ — разбилось о невѣжество и небрежность его современниковъ.

При Петрѣ, так. обр., для русской исторіи не было сдѣлано ничего въ смыслѣ результатовъ. Историческая наука родилась у насъ уже позже Петра и научная обработка историческаго матеріала началась вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ ученыхъ нѣмцевъ, тогда стало выясняться мало по малу и значеніе рукописнаго матеріала для нашей исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи неоцѣнимыя услуги нашей наукѣ оказалъ извѣстный уже намъ: Герардъ Фридрихъ Миллеръ [р. 1705 – ум. 1785 г.] Добросовѣстный и трудолюбивый ученый, осторож-

ный критикъ-изслѣдователь и въ тоже время неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ своею разнообразною дѣятельностью вполнѣ заслуживаетъ имя: „отца русской исторической науки", какое ему даютъ наши историографы. Наша наука еще до сихъ поръ пользуется собраннымъ имъ матеріаломъ. Въ такъ наз. „портфеляхъ" Миллера, сохраняющихся въ Академіи Наукъ и въ Московскомъ главномъ архивѣ Министр. Иностр. Дѣлъ, заключается болѣе 900 нумеровъ разнаго рода историческихъ бумагъ. Эти портфели и теперь еще для изслѣдователя составляютъ цѣлое сокровище, и новые историческіе труды часто черпаютъ изъ нихъ свои матеріалы: такъ археографическая коммисія до послѣдняго времени наполняла его матеріаломъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій [Сибирскія дѣла въ дополненіяхъ къ „Актамъ историческимъ".]. Миллеръ собралъ письменные памятники не въ одной только Европейской Россіи но и въ Сибири, гдѣ онъ провелъ около 10 лѣтъ (1733-1743) Эти изысканія въ Сибири дали важные результаты: тъ. только здѣсь Миллеру удалось найдти массу цѣнныхъ документовъ о смутѣ, кот. были потомъ напечатаны въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ II томъ. При Императрицѣ Екатеринѣ II Миллеръ былъ назначенъ начальникомъ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и имѣлъ отъ императрицы порученіе: издать собраніе дипломатическихъ документовъ по примѣру Амстердамскаго изданія Дюмона

[Corps universel diplomatique du droit des Gens 8 m. 1726-1731]
Но Миллеръ былъ уже старъ для такого грандіознаго труда и т.к. начальникъ архива успѣлъ только начать разборъ и упорядоченіе архивнаго матеріала и приготовилъ цѣлую школу своихъ учениковъ к-рые по смерти учителя продолжали работать въ этомъ архивѣ и впослѣдствіи развернули свои силы позднѣе въ т.к. наз. „Румянцовскую эпоху." Рядомъ съ Миллеромъ дѣйствовалъ В.Н. Татищевъ. Онъ намѣревался писать Географію Россіи, но понималъ что географія безъ исторіи невозможно и потому рѣшилъ сперва написать исторію и обратился къ собиранію и изученію рукописнаго матеріала. Собирая матеріалы онъ нашелъ и первый оцѣнилъ „Русскую Правду" и „Царскій Судебникъ". Эти памятники и самая „Исторія Россіи" Татищева изданы были уже послѣ его смерти (†1750 г.) Миллеромъ. Кромѣ собственно историческихъ трудовъ Татищевъ составилъ инструкцію для собиранія этнографическихъ, географическихъ и археологическихъ свѣдѣній о Россіи. Эта Инструкція была принята Академіей Наукъ. Со времени Екатерины II дѣло собиранія и изслѣдованія историческаго матеріала очень развилась. Сама Екатерина находила досугъ для занятія русской исторіей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала историческіе труды. При такомъ настроеніи императрицы въ русскомъ обществѣ живѣе сталъ интересъ къ прошлому и стало

сознательнаго отношенія къ остаткамъ этаго прошлаго. При Екатеринѣ, как собиратель историческаго матеріала дѣйствуетъ между прочимъ гр. Мусинъ-Пушкинъ нашедшій „слово о Полку Игоревѣ" и возобновившій заботу о томъ, чтобы собрать изъ монастырскихъ библіотекъ въ столицу всѣ рукописныя лѣтописи въ видахъ ихъ лучшаго храненія и изданія. При Екатеринѣ начинаются многочисленныя изданія лѣтописей въ Академіи Наукъ и при Синодѣ, изданія впрочемъ еще не совершенныя, и не научныя. И въ провинціи начинается тоже движеніе въ пользу изученія старины: въ Архангельскѣ, напр., составляется археологическое общество, гдѣ дѣйствуютъ Крестининъ и Фокинъ. Въ столицахъ частные люди начинаютъ издавать памятники.

Въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто занимаетъ Николай Ивановичъ Новиковъ, болѣе извѣстный нашему обществу изданіемъ сатирическихъ журналовъ, масонствомъ и заботами о распространеніи образованія. По своимъ личнымъ качествамъ и гуманнымъ идеямъ это рѣдкій въ своемъ вѣкѣ человѣкъ, свѣтлое явленіе своего времени. Онъ намъ уже извѣстенъ как собиратель и издатель „Древней Россійской Вивліоѳики" — обширнаго сборника старыхъ актовъ разнаго рода, лѣтописцевъ, литературныхъ старинныхъ произведеній и историческихъ статей. Изданіе свое онъ началъ въ 1773 г. и в 3 г. издалъ 10 частей. Въ предисловіи къ Вивліоѳикѣ Нови-

ковъ опредѣляетъ свое изданіе, кк. «начертаніе нравовъ и обычаевъ предковъ» съ цѣлью познать «великость духа ихъ, украшеннаго простотою». [Надо замѣтить, что идеализація старины уже сильна была и въ первомъ сатирическомъ журналѣ Новикова „Трутень" 1769-1770.]. Первое изданіе „Вивліоѳики" теперь уже забыто ради второго болѣе полнаго, въ 20-ти томахъ (1788-1791). Новикова въ этомъ его изданіи поддерживала сама Екатерина II и деньгами и тѣмъ что допустила его къ занятіямъ въ архивѣ Иностранной коллегіи, гдѣ ему очень радушно помогалъ старикъ Миллеръ. По содержанію своему „Древняя Россійская Вивліоѳика" была случайнымъ сводомъ подъ руку попавшагося матеріала, изданнаго почти безъ всякой критики и безо всякихъ научныхъ пріемовъ, кк мы ихъ понимаемъ теперь.

Въ этомъ отношеніи еще ниже стоятъ: „Дѣянія Петра Великаго" Курскаго купца Голикова, ктрй, еще съ дѣтства восторгался дѣяніями Петра, имѣлъ несчастіе попасть подъ судъ, но былъ освобожденъ по манифесту, по случаю открытія памятника Петра. По этому поводу Голиковъ рѣшилъ всю свою жизнь посвятить работѣ надъ біографіей Петра. Онъ собиралъ всѣ извѣстія, какія только могъ достать, безъ разбора ихъ достоинствъ, письма Петра, анекдоты о немъ и т.п. Въ началѣ своего повѣствованія онъ помѣстилъ краткій обзоръ XVI и XVII вв. На трудъ Голи-

кова обратила вниманіе Екатерина и открыла ему архивы, но этотъ трудъ лишенъ всякаго научнаго значенія, хотя по недостатку лучшихъ матеріаловъ имъ пользуются и теперь. Для своего же времени онъ былъ крупнымъ археографическимъ фактомъ (I-е изд. 30 т. 1788—1798 г. II-е изд. 15 т., 1837 г.)

Кромѣ Академіи и частныхъ лицъ, къ памятникамъ старины обратилась и дѣятельность «Вольнаго Россійскаго собранія» ученаго общества, основаннаго при Московскомъ университетѣ въ 1771 г. Это общество было очень дѣятельно въ помощи отдѣльнымъ ученымъ силамъ, открывая имъ доступъ въ Архивъ, сооружая ученыя этнографическія экспедиціи и т. д., но само издавало не много памятниковъ старины: въ 10 лѣтъ оно выпустило только 6-ть книгъ своихъ „Трудовъ" (1774—1783 г.)

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность второй половины прошлаго вѣка по собиранію и изданію матеріаловъ. Эта дѣятельность отличалась случайнымъ характеромъ, захватывала только тотъ матеріалъ, который, если можно такъ выразиться, самъ шелъ въ руки; заботъ о тѣхъ памятникахъ которые были въ провинціи, не проявлялось. Сибирская экспедиція Миллера и собраніе лѣтописей по мысли Мусина-Пушкина были отдѣльными эпизодами исключительнаго характера и историческое богатство провинціи оставалось пока безъ оцѣнки и вниманія. Что же касается историческихъ изданій прошлаго столѣтія,

что они не выдерживаютъ и слабаго прикосновенія ны-нѣшней научно-издательской критики. Кромѣ раз-ныхъ техническихъ подробностей мы требуемъ те-перь отъ ученаго издателя, чтобы онъ пересмотрѣлъ по возможности всѣ известные списки, издаваемаго памятни-ка, выбралъ изъ нихъ древнѣйшіе и лучшіе, т. ес. съ исправнѣйшимъ текстомъ; одинъ изъ лучшихъ по-ложилъ въ основу изданія и печаталъ его текстъ, приводя къ нему всѣ варіанты другихъ исправныхъ списковъ, избѣгая малѣйшихъ неточностей и опеча-токъ въ текстѣ. Изданію должна предшествовать провѣрка исторической цѣнности и памятни-ка; если памятникъ окажется простой компи-ляціей, то лучше издать ея источники, чѣмъ са-мую компиляцію. Но въ XVIII в. на дѣло смотрѣли не такъ; считали возможнымъ издавать напр. лѣто-писъ по одному ея списку со всѣми ошибками, такъ что теперь, по нуждѣ, пользуясь нѣкоторыми изъ изданій за неимѣніемъ лучшихъ, историкъ постоян-но въ опасности сдѣлать ошибку, допустить неточ-ность и т. п. Только Шлецеръ теоретически уста-навливалъ пріемы ученой критики, да Мюллеръ въ изданіи „Степенной книги" (1775 г.) соблюдалъ нѣко-торыя изъ основныхъ правилъ ученаго изданія. Въ предисловіи къ этой лѣтописи онъ говоритъ о сво-ихъ пріемахъ изданія: они у него научны, хотя еще не выработаны. Но въ этомъ его нельзя упрекать:

полная разработка критическихъ пріемовъ явилась у насъ только въ нашемъ столѣтіи и ей болѣе всего способствовали ученики Миллера.

Старѣясь Миллеръ просилъ импер. Екатерину назначить послѣ его смерти начальникомъ архива иностранной коллегіи кого нибудь изъ его учениковъ. Просьба его была уважена и послѣ Миллера архивомъ завѣдовали его ученики: сперва Стриттеръ, потомъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій; составляя описаніе дѣлъ своего архива, онъ на основаніи этихъ дѣлъ занимался и изслѣдованіями, которыя къ сожалѣнію далеко не всѣ напечатаны. Они очень много помогли Карамзину для его Исторіи. Когда въ первые годы нашего столѣтія Архивъ Иностранной Коллегіи поступилъ въ главное вѣдѣніе графа Н. П. Румянцева, въ Архивѣ уже воспиталась цѣлая семья археографовъ и для Румянцева были готовы уже достойные помощники. Именемъ Румянцева означаютъ цѣлую эпоху въ ходѣ нашего народнаго самопознанія и справедливо графъ Николай Петровичъ Румянцевъ явился въ ту самую пору когда приготовлялась „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, когда назрѣвало сознаніе, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда наконецъ явились и дѣятели по этой части съ научными пріемами. Гр. Румянцевъ сталъ выразителемъ сознательнаго отношенія къ старинѣ и, благодаря своему положенію и средствамъ явил-

ся въ центрѣ новаго историко-археологическаго движенія такимъ почтеннымъ меценатомъ, предъ памятью котораго должны преклоняться и мы и всѣ грядущія поколѣнія.

Родился Румянцевъ въ 1754 г., отцемъ его былъ знаменитый графъ Румянцевъ-Задунайскій. Началъ свою службу Николай Петровичъ въ средѣ русскихъ дипломатовъ екатерининскаго вѣка и болѣе 15-ти лѣтъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. При Павлѣ I, хотя Румянцевъ и былъ въ милости у императора, но не занималъ никакихъ должностей и оставался не у дѣлъ. При Александрѣ I ему былъ данъ портфель министра коммерціи, а затѣмъ въ 1809 г. поручено управленіе Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ съ сохраненіемъ поста министра коммерціи. Съ теченіемъ времени онъ былъ возведенъ въ званіе Государственнаго Канцлера и назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Во время управленія его Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и сказалась его любовь къ старинѣ, хотя почвы для нее повидимому не было никакой. Уже въ 1810 г. графъ Николай Петровичъ предлагаетъ Бантышъ-Каменскому составить планъ изданія сборника государственныхъ грамотъ и договоровъ. Этотъ планъ былъ скоро готовъ и гр. Румянцевъ ходатайствовалъ передъ Государемъ объ учрежденіи при Архивѣ Иностранной Коллегіи „Коммисіи для печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ."

Всѣ издержки по изданію онъ принималъ на свой счетъ, но съ условіемъ, что Коммисія останется въ его вѣдѣніи и тогда, когда онъ оставитъ управленіе вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Желаніе его было исполнено и 3-го мая 1811 г. Коммисія была учреждена. Двѣнадцатый годъ задержалъ выпускъ I-го тома, но Бантышъ-Каменскій успѣлъ спасти вмѣстѣ съ Архивомъ и напечатанные листы этаго I-го тома, и I-й т. вышелъ въ 1813 г. подъ заглавіемъ: „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ." На заглавномъ листѣ красовался гербъ Румянцева, какъ и на всѣхъ прочихъ его изданіяхъ. Во вступленіи къ первому тому главный его редакторъ Бантышъ-Каменскій такъ объяснялъ потребности, вызвавшія изданіе, и цѣли, какія оно преслѣдовало: „Испытатели древностей Россійскихъ и желавшіе пріобрѣсти познаніе въ дипломатикѣ отечественной не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ въ „древней Вивліоѳикѣ" помѣщенныхъ, ибо потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествіяхъ и союзахъ своего государства у иностранныхъ писателей и сочиненіями ихъ руководствоваться." [С. Г. Г. и Д. т. I стр. 2]. Слова эти справедливы, потому что изданіе гр. Румянцева было пер-

вемъ систематическимъ сводомъ документовъ, съ кот[орымъ] не могло соперничать ни одно предшествовавшее изданіе. Въ выпущенномъ I-мъ томѣ были собраны замѣчательныя грамоты времени 1229-1613 г.г. Съ ихъ появленіемъ входила въ научный оборотъ масса цѣннаго матеріала, изданнаго добросовѣстно и роскошно. Своимъ достоинствамъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ, изданіе это обязано тѣмъ, что и до сихъ поръ занимаетъ первенствующее мѣсто въ длинномъ ряду позднѣйшихъ археографическихъ изданій.

Довѣривъ редакцію Бантышъ-Каменскому, Румянцевъ и самъ до мелочности живо интересовался дѣломъ изданія. Такъ онъ замѣтилъ, что въ напечатанномъ томѣ не достаетъ нѣкоторыхъ древнихъ документовъ и требовалъ отъ Бантышъ-Каменскаго, чтобы пропущенныя грамоты не были забыты при выпускѣ II-го тома. Этотъ II-й томъ вышелъ въ 1819 г. и заключаетъ въ себѣ грамоты до XVI в. и документы смутнаго времени. Бантышъ-Каменскій умеръ до выхода II-го тома (1814 г.) и вмѣсто него работалъ надъ изданіемъ Малиновскій. Подъ его редакціей вышелъ въ 1822 г. III-й томъ, а въ 1828, когда Румянцева уже не стало въ живыхъ, и IV-й. Оба эти тома заключаютъ въ себѣ документы XVII в. Въ предисловіи къ IV-му тому Малиновскій объявилъ, что изданіе грамотъ переходитъ въ вѣдѣніе Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженій; однако и до сей поры было не пошло дальше начала V-го тома;

которое съ недавняго времени обращается въ продажѣ и заключаетъ въ себѣ дипломатическія бумаги.- Если бы дѣятельность Румянцева ограничилась только этимъ изданіемъ, [на которое затратилъ до 40,000 р.] то и тогда память о немъ жила бы вѣчно въ нашей наукѣ: такое значеніе имѣетъ этотъ сборникъ документовъ. Какъ историческое явленіе, это первый научный сборникъ актовъ, ознаменовавшій собою у насъ начало научнаго отношенія къ старинѣ, а какъ историческій источникъ это и до сихъ поръ важнѣйшій сводъ матеріала, имѣющаго значеніе для основныхъ вопросовъ общей исторіи нашего государства.

Стремясь такъ старательно къ извлеченію на свѣтъ архивнаго матеріала, гр. Румянцевъ не былъ простымъ дилетантомъ, но обладалъ большой эрудиціей въ русскихъ древностяхъ и не переставалъ жалѣть, что въ немъ поздно пробудился вкусъ къ старинѣ, хотя и его позднее появленіе не помѣшало ему потратить массу труда и матеріальныхъ жертвъ на отысканіе и спасеніе памятниковъ. Общая сумма его научныхъ издержекъ доходила до 300,000 рубл. сер. Онъ не разъ на свой счетъ отправлялъ научныя экспедиціи, самъ совершалъ экскурсіи кругомъ Москвы, тщательно розыскивая всевозможные остатки старины, и щедро платилъ за каждую находку. Изъ его переписки видно между прочимъ, что за одну рукопись онъ отпустилъ на волю цѣлую крестьянскую

съмью. Высокое служебное положеніе Румянцева облегчало ему любимое дъло и помогало вести его въ самыхъ широкихъ размърахъ: такъ онъ обращался ко многимъ губернаторамъ и архіереямъ, прося ихъ указаній о мъстныхъ древностяхъ и посылалъ имъ для руководства свои программы собиранію памятниковъ старины. Мало того, онъ руководилъ изысканіями въ заграничныхъ книгохранилищахъ по части русской исторіи и кромъ русскихъ памятниковъ, хотълъ предпринять обширное изданіе иностранныхъ писателей о Россіи: имъ было отмъчено до 70 иностранныхъ сказаній о Россіи, былъ составленъ и планъ изданія, но къ сожалънію это было не состоялось. Но не одно дъло собиранія памятниковъ интересовало канцлера; часто онъ оказывалъ поддержку и изслъдователямъ старины, поощряя ихъ трудъ, а часто и самъ вызывалъ молодыя силы на изслъдованія ставя имъ научные вопросы и оказывая материальную поддержку. Передъ смертью графъ Румянцевъ завъщалъ для общаго пользованія соотечественниковъ свое богатое собраніе книгъ, рукописей и др. древностей. Императоръ Николай I открылъ это собраніе для публики подъ названіемъ: „Румянцевскаго музея", первоначально въ Петербургъ; но при императоръ Александръ II^мъ музей переведенъ былъ въ Москву, гдъ и соединенъ съ такъ называемымъ Публичнымъ музеемъ въ знаменитомъ Пашковскомъ домъ. Эти Музеи одно изъ самыхъ драгоцънныхъ хранилищъ

нашей древней письменности. Такъ широка была дѣятельность графа Румянцева на пользу нашей исторической науки. Стимулы ея заключались въ высокомъ образованіи этого человѣка и въ его патріотическомъ направленіи. У него было много ума, образованности и матеріальныхъ средствъ для достиженія его научныхъ цѣлей, но надо сознаться, что онъ не сдѣлалъ бы многаго изъ того, что онъ сдѣлалъ, если бы за нимъ не стояли, въ качествѣ его помощниковъ, замѣчательные люди того времени. Помощниками его были дѣятели архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Начальниками архива при Румянцевѣ были: Бантышъ-Каменскій и Малиновскій, совѣтами и трудами которыхъ пользовался Н. М. Карамзинъ и которые очень много сдѣлали для благоустройства своего архива. А изъ молодыхъ ученыхъ начавшихъ свою дѣятельность въ этомъ архивѣ при Румянцевѣ, упомянемъ только самыхъ видныхъ: Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева. Оба они замѣчательно много сдѣлали и по числу и по значенію ихъ работъ: они положили основаніе научному изданію памятниковъ; собирали и описывали рукописи во всеоружіи прекрасныхъ критическихъ пріемовъ, писали изслѣдованія.

Біографія Калайдовича мало извѣстна. Родился онъ въ 1792 году, жилъ не много, всего 40 лѣтъ и кончилъ умопомѣшательствомъ и почти нищетою. Въ 1829 году

Погодинъ писалъ о немъ Строеву: «Калайдовича сумасшествіе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Онъ въ нуждѣ....» Въ своей дѣятельности Калайдовичъ почти всецѣло принадлежалъ къ Румянцевскому кружку и былъ любимымъ сотрудникомъ Румянцева. Онъ участвовалъ въ изданіи „Собр. Госуд. Грам. и Договор.", вмѣстѣ со Строевымъ совершилъ въ 1817 году поѣздку по Московской и Калужской губерніи для розысканія старыхъ рукописей. Это была первая по времени научная экспедиція въ провинцію съ исключительной цѣлью палеографической. Создалась она по почину гр. Румянцева и увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Строевъ и Калайдовичъ нашли Изборникъ Святослава 1073 г. Илларіонову „Похвалу Когану Владиміру" и между прочимъ въ Волоколамскомъ монастырѣ Судебникъ Ивана III. Это была тогда полная новинка: княжескаго Судебника не зналъ никто въ русской редакціи и Карамзинъ пользовался имъ въ латинскомъ переводѣ Герберштейна. Графъ привѣтствовалъ находки и благодарилъ молодыхъ ученыхъ за ихъ труды. Судебникъ былъ изданъ на его средства Строевымъ и Калайдовичемъ въ 1819 г. [„Законы В. К. Іоанна Васильевича и внука его царя Іоанна Васильевича" М. 1819 г. второе изд. М. 1878 г.] — Кромѣ своихъ издательскихъ трудовъ и палеографическихъ изысканій Калайдовичъ извѣстенъ и своими филологическими изслѣдованіями („Іоаннъ Экзархъ"

Богарскій.¹) Ранняя смерть и печальная жизнь не дали этому таланту возможности вполнѣ развернуть свои богатыя силы.

Въ близкомъ общеніи съ Калайдовичемъ въ дни юности былъ Павелъ Михайловичъ Строевъ. Строевъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, родился въ Москвѣ въ 1796 году и очень молодымъ былъ отданъ въ пансіонъ Виллерса, а оттуда перешелъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Въ 1812 году онъ долженъ былъ поступить въ университетъ но военныя событія, прервавшія ходъ университетскаго преподованія, помѣшали этому, такъ что только въ августѣ 1813 года при возобновленіи лекцій удалось ему поступить туда. Замѣчательнѣйшими изъ учителей его здѣсь были: Романъ Өедоровичъ Тимковскій (+1820 г.) профессоръ римской словесности, знаменитый изданіемъ лѣтописи Нестора [вышла въ 1824 г. къ изданію ея онъ примѣнилъ пріемы изданія древнихъ классиковъ] и Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (+1842 г.) – основатель такъ наз. „скептической школы" въ нашей наукѣ. Строевъ, к. к. кажется, больше тяготѣлъ къ Тимковскому. Благотворное вліяніе послѣдняго сказалось на пріемахъ Строева, всегда научныхъ и строго-точныхъ. Тотъчасъ по поступленіи въ университетъ т. е. 17 лѣтъ, Строевъ уже составилъ краткую Россійскую Исторію кот. издана была въ 1814 г., стала общепринятымъ учебникомъ и черезъ пять

лѣтъ потребовала новаго изданія. Этотъ учебникъ употреблялся у насъ до тѣхъ поръ, пока не появился учебникъ Устрялова. Въ 1815 году Строевъ выступаетъ уже со своимъ собственнымъ журналомъ: „Современный наблюдатель Россійской Словесности" кот., онъ думалъ сдѣлать еженедѣльнымъ и который выходилъ только съ Марта по Іюль. Въ концѣ того же 1815 года Пав. Мих. выходитъ изъ Университета не окончивъ курса и поступаетъ по предложенію Румянцева: „Главнымъ смотрителемъ въ Коммисію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ." Румянцевъ высоко цѣнилъ его и, кк, увидимъ, былъ правъ. Кромѣ удачныхъ кабинетныхъ работъ, Строевъ съ 1817-го по 1820-й г. на средства Румянцева объѣзжаетъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ Книгохранилища Московской и Калужской эпархіи. Мы уже знаемъ какіе важные памятники были тогда найдены. Кромѣ главнѣйшихъ находокъ было описано до 2000 рукописей, и Строевъ, въ этихъ поѣздкахъ пріобрѣлъ большое знаніе рукописнаго матеріала, которымъ онъ много помогъ Карамзину. И до и послѣ своихъ экспедицій Строевъ продолжаетъ работать при Румянцевѣ, участвуетъ въ трудахъ по изданію „Собранія Госуд. Гр. и Договор." издаетъ Судебники и такъ наз. „Софійскій Временникъ", одну изъ Новгородскихъ лѣтописныхъ редакцій (въ 1823 г.). Въ предисловіи къ Временнику Строевъ пишетъ цѣлый трактатъ о составѣ древнерусскихъ лѣтописей, о томъ, кк

на Руси составлялись извѣстные лѣтописные своды, онъ понималъ ихъ, какъ компилятивные труды. Въ то время взглядъ этотъ казался слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, но потомъ онъ подтвердился въ позднѣйшихъ изысканіяхъ и особенно блестяще въ трудахъ К. Н. Бестужева-Рюмина [«О составѣ русскихъ лѣтописей» 1868 г.] Въ концѣ 1822 года Строевъ вышелъ въ отставку изъ архива Румянцева, ссылаясь на свое нездоровье. Настоящая причина его ухода намъ неизвѣстна: съ архивнымъ кружкомъ онъ остается въ дружескихъ отношеніяхъ, а съ графомъ Румянцевымъ отношенія у него не всегда бывали одинаково хороши.

Въ Апрѣлѣ 1823 г. Строевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Это общество учреждено было въ 1804 г. для изданія древнихъ лѣтописей, существовало безъ устава, и до 1811 года почти ничѣмъ себя не заявило. Въ 1811 году былъ составленъ уставъ этого общества и въ первомъ послѣ того засѣданіи предсѣдателемъ общества былъ выбранъ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, а въ числѣ 30-и вновь выбранныхъ членовъ былъ и Карамзинъ. Благодаря удачному избранію предсѣдателя дѣла общества пошли б... ще: Тимковскій работалъ для изданія лѣтоп... стора; положено было начало повременному и... «Трудовъ» общества; Калайдовичъ составлялъ ... вую часть «Русскихъ Достопамятностей» [...

историческихъ материаловъ] После 1816 года дѣла пошли хуже, а въ 1818ᵐᵘ и въ 1819ᵐᵘ году не было ни одного засѣданія. Въ 1820ᵐᵘ году Бекетовъ отказался отъ должности председателя и 3ᵉ года, т.е до 1823ᵉᵍᵒ года, общество существовало только номинально. Въ 1823 году председателемъ былъ избранъ нѣкто Писаревъ и 14 новыхъ членовъ въ числѣ коихъ былъ выбранъ и 27ᵐⁱ лѣтний Строевъ. Въ засѣданіи Общества 14 іюля 1823ᵉᵍᵒ года Строевъ выступилъ съ грандіознымъ проэктомъ. По поводу своего выбора онъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой благодарилъ за избраніе, указалъ, что цѣль общества – изданіе лѣтописей – слишкомъ узка, и предложилъ замѣнить ее разборомъ и изданіемъ всѣхъ вообще историческихъ памятниковъ, какими Общество будетъ имѣть возможность располагать: „Общество должно" говорилъ Строевъ „извлечь, привести въ извѣстность и если не само обработать, то доставить другимъ средства обрабатывать, всѣ письменные памятники нашей исторіи и древней словесности....."... „Пусть цѣлая Россія", говорилъ онъ, „превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей должны мы ограничить наши занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ: въ монастырях и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ, въ архивах кои нещадно опустошаютъ время и нерадивое невѣжество, въ кладовыхъ и подва-

лахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ кажется снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля, могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе!"... Строевъ, словомъ, предлагалъ Обществу привести въ наличность всю письменную старину, какою располагали провинціальныя библіотеки и предлагалъ для достиженія этой цѣли послать ученую экспедицію, чтобы описать провинціальныя книгохранилища. Пробная поѣздка этой экспедиціи должна быть совершена, по проэкту Строева въ Новгородъ, гдѣ слѣдовало разобрать находившуюся въ соборѣ Софійскомъ библіотеку. Далѣе экспедиція должна была совершить первую свою или Сѣверную поѣздку, въ районъ которой входили по плану Строева 10 губерній [Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская, Тверская] Эта поѣздка должна была занять два слишкомъ года и дать, кк надѣялся Строевъ, блестящіе результаты „богатую жатву" потому что на сѣверѣ много монастырей съ библіотеками; тамъ жили и живутъ старообрядцы, которые очень внимательно относятся къ рукописной старинѣ; а затѣмъ, на сѣверѣ меньше всего было непріятельскихъ погромовъ. Вторая или „Средняя" поѣздка по проэкту Строева должна была занять 2 года времени и охватить среднюю полосу Россіи [12 губерній: Московскую, Владимірскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Ря-

занскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую]. Третья или „Западная" поѣздка должна была направиться въ юго-западную Россію (9 губерній: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Кіевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую) и потребовала бы годъ времени. Этими поѣздками Строевъ надѣялся достичь систематическаго описанія всего историческаго матеріала въ провинціи, преимущественно въ библіотекахъ духовныхъ. Издержки онъ опредѣлялъ въ суммѣ 7000 рубл. въ годъ. Всѣ составленныя экспедиціей описанія, онъ предполагалъ слить въ одну общую роспись лѣтописнаго и историко-юридическаго матеріала и предлагалъ Обществу издавать потомъ историческіе памятники по лучшимъ изъ описанныхъ экспедиціей редакцій, а не по случайнымъ спискамъ, к.к. это дѣлалось до того времени. Рисуя такія завлекательныя перспективы, Строевъ искусно доказывалъ возможность исполненія своего проэкта и настаивалъ на его принятіи. Рѣчь свою онъ закончилъ хвалой Румянцеву, благодаря которому онъ могъ пріобрѣсти навыкъ и опытъ въ археографическомъ дѣлѣ. Конечно, Румянцевскія экспедиціи 1817—20 года заставили Строева размечтаться о той грандіозной экспедиціи, какую онъ предлагалъ.

Общество въ своемъ большинствѣ, приняло рѣчь Строева за смѣлую мечту молодого ума и въ цѣломъ она потерпѣла фіаско... Общество дало Строеву средства для обозрѣнія одной лишь Софій-

ской библіотеки въ Новгородѣ, которая и была имъ описана. Рѣчь Строева даже не была напечатана въ журналѣ общества, а появилась въ „Сѣверномъ Архивѣ." ее прочли и забыли. Самъ Строевъ занимался въ то время исторіей Донского Казачества и составилъ свой извѣстный „Ключъ къ исторіи государства Россійскаго" Карамзина, писалъ въ журналахъ, поступилъ библіотекаремъ къ гр. Ѳ.А. Толстому, вмѣстѣ съ Калайдовичемъ составилъ каталогъ богатаго собранія рукописей графа Толстого, нынѣ находящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, и издалъ въ свѣтъ. Труды Строева были замѣчены Академіей Наукъ и она, въ 1826 году дала ему званіе своего корреспондента. Среди своихъ послѣднихъ трудовъ Строевъ будто бы забылъ о своей рѣчи: на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ. По преданію, Великая Княгиня Марія Павловна съ большимъ участіемъ отнеслась къ рѣчи Строева, которую она прочитала въ „Сѣверномъ Архивѣ", и это участіе ея, говорятъ, побудило Строева обратиться съ письмомъ къ президенту Академіи Наукъ графу <u>С.С. Уварову.</u> Въ этомъ письмѣ онъ развиваетъ тѣ же планы, кот͡ре онъ развивалъ и въ Обществѣ, предлагаетъ себя ея опытнаго археографа, для археографическихъ поѣздокъ, и сообщаетъ подробный планъ практическаго исполненія предлагаемаго имъ дѣла. Уваровъ передалъ письмо Строева въ Академію, Академія

же своему члену Кругу поручила его разборъ и оцѣнку. 21го мая 1828 года, благодоря прекрасному отзыву Круга, важное дѣло было рѣшено. Академія признавая, что археографическая экспедиція есть „священная обязанность отъ которой первое ученое заведеніе Имперіи не можетъ уклониться, не подвергаясь справедливымъ упрекамъ въ равнодушіи," рѣшила отправить Строева въ путешествіе, ассигновавъ ему 10,000 рублей ассигнаціями. Археографическая экспедиція была такимъ образомъ учреждена. Выборъ помощниковъ для археографической ~~(коммисіи)~~ экспедиціи былъ предоставленъ самому Строеву. Онъ выбралъ двухъ чиновниковъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и заключилъ съ ними очень любопытное условіе, гдѣ между прочимъ писалъ слѣдующее: „Экспедицію ожидаютъ не забавы различныя но труды, трудности и лишенія всякаго рода. Поэтому спутники мои должны одушевиться терпѣніемъ и готовностью переносить все тяжкое и непріятное; да не овладѣютъ ими малодушіе, нерѣшительность и ропотъ!..." Далѣе онъ предупреждаетъ своихъ помощниковъ, что имъ часто придется имѣть дурную квартиру, тѣлѣгу, вмѣсто рессорнаго экипажа, не всегда чай и т. п. Строевъ, очевидно, зналъ, въ какой обстановкѣ будетъ онъ трудиться, и сознательно шелъ на встрѣчу лишеніямъ. Первые же его спутники, испытавъ

трудности дѣла, черезъ полъ года отъ него отказались.
Приготовивъ все для поѣздки, запасшись офиціальными бумагами, которые должны были открыть ему входъ во всѣ архивы, Строевъ 15-го мая 1829 года выѣхалъ изъ Москвы къ берегамъ Бѣлаго Моря. Слишкомъ долго было бы излагать любопытнѣйшія подробности этой экспедиціи. Лишенія, трудности сообщеній и самой работы, убійственныя гигіеническія условія жизни и труда, болѣзни, подчасъ недоброжелательство и подозрительность невѣжественныхъ хранителей архивовъ и библіотекъ,- все это стоически вынесъ Строевъ. Всего себя отдавалъ онъ работѣ, часто удивительно трудной и сухой, и лишь изрѣдка, пользуясь отпусками, для отдыха на какой нибудь мѣсяцъ возвращался къ своей семьѣ. Утѣшительно то, что въ этихъ трудахъ онъ нашелъ себѣ достойнаго помощника въ лицѣ <u>Як. Ив. Бередникова</u>, которымъ онъ въ 1830 году замѣнилъ прежнихъ чиновниковъ. Энергія этихъ 2-ухъ тружениковъ достигла чудесныхъ результатовъ; пять съ половиною лѣтъ трудились они, изъѣздивъ всю сѣверную и среднюю Россію, осмотрѣли болѣе 200 библіотекъ и архивовъ, списали болѣе до 3000 историко-юридическихъ документовъ, относящихся къ: XIV, XV, XVI и XVII вѣкамъ обслѣдовали массу памятниковъ лѣтописнаго и литературнаго характера. Собранный ими матеріалъ,

будучи переписанъ, занялъ 10 огромныхъ фоліантовъ, а въ ихъ черновыхъ портфеляхъ осталась масса справокъ, выписокъ и указаній, которыя позволяли Строеву составить два грандіозныхъ труда, появившихся въ печати уже послѣ его смерти. Это: 1) Списки Іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви", весь которыхъ помнитъ исторія [вышли въ 1877 году] и 2) „Библіологическій словарь" или алфавитный перечень всѣхъ рукописей историческаго и литературнаго содержанія, какія только Строевъ видѣлъ на своемъ вѣку. [напечатанъ въ 1882 году въ XXIX томѣ „Сборника Отд. 1 л. Русск. яз. и словес. Имп. Ак. Наук"].

За путешествіемъ Строева слѣдила вся образованная Россія. Ученые обращались къ нему прося выписокъ, указаній и справокъ. Сперанскій, готовя тогда въ печать „Полное собраніе законовъ Россійской имперіи" [вѣрнѣе указовъ съ 1649 по 1825 г.] обращался къ Строеву за помощь въ собираніи этихъ указовъ. Ежегодно, 29го декабря въ день годичнаго засѣданія Академіи Наукъ между прочимъ читались и отчеты и о дѣйствіяхъ археографической экспедиціи. Свѣдѣнія о ней помѣщались въ журналахъ. Императоръ Николай прочитывалъ „отъ доски до доски" большіе томы переписанныхъ на бѣло актовъ, собранныхъ экспедиціею.

Въ концѣ 1834 года Строевъ былъ близокъ къ окончанію своего дѣла. Сѣверная и средняя поѣздки его

были окончены. Оставалась самая меньшая — западная, т. е. Малороссія, Волынь, Литва и Бѣлоруссія. Въ своемъ отчетѣ Академіи за 1834 г. Строевъ съ торжествомъ заявлялъ объ этомъ и перечисляя результаты археографической ~~коммисіи~~ экспедиціи за все время ея существованія, говорилъ: „Отъ благоусмотрѣнія Имп. Акад. Наукъ зависитъ: а) продолжить археографическую ~~ко~~ экспедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: „болѣе сего нѣтъ" т. е. нѣтъ неизвѣстнаго матеріала, или в) начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ и собраніе разныхъ писаній (т. е. лѣтописныхъ) по моимъ указаніямъ..." Этотъ отчетъ Строева читался въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29 Декабря 1834 г. и почти въ тотъ же день Строевъ узналъ, что волей начальства (не Академіи) археографическая экспедиція прекратила свое существованіе, что для разбора и изданія добытыхъ Строевымъ актовъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена <u>археографическая коммисія</u> подъ предсѣдательствомъ князя <u>Ширинскаго-Шихматова</u> директора Департамента Народнаго Просвѣщенія. Строевъ же былъ назначенъ простымъ членомъ этой коммисіи наравнѣ со своимъ прежнимъ помощникомъ Бередниковымъ и еще 2-я лицами къ экспедиціи вовсе не причастными. Учрежденіемъ коммисіи

скоро превратившейся въ постоянную (она существуетъ и до сихъ поръ) начинается новая эра въ изданіи памятниковъ нашей старины.

Тяжело было Строеву видѣть дорогое дѣло въ чужомъ распоряженіи, поэтому онъ скоро выходитъ изъ коммисіи; поселяется въ Москвѣ, но невольно сохраняетъ съ членами коммисіи живыя сношенія. На первыхъ порахъ, коммисія въ своей научной дѣятельности много отъ него зависитъ. Для нея онъ продолжаетъ работать до конца жизни: съ 1839 г. живя въ Москвѣ, онъ снова принимаетъ званіе члена коммисіи и разрабатываетъ въ ея видахъ Московскіе архивы. Здѣсь подъ его руководствомъ начинаютъ свои труды нынѣ всѣмъ извѣстные И. Е. Забѣлинъ и Н. В. Калачевъ. Въ это же время Строевъ продолжаетъ трудиться и для Общества Исторіи и Древностей: описываетъ между прочимъ библіотеку Общества и издаетъ это описаніе. Изъ прочихъ его изданій заслуживаютъ большаго вниманія такъ наз: „Выходы государей царей Михаила Феодоровича Алексѣя Михаиловича и Феодора Алексѣевича" (дворцовые дневники) и „Записки маіора Данилова" любопытнѣйшій памятникъ культуры XVIII вѣка. До самой смерти Строевъ непрестанно дополнялъ и отдѣлывалъ свой любимый трудъ „Списки Іерарховъ" Скончался онъ 5го Января 1876 года, восьми десяти лѣтъ.

Археографическая коммиссія, которая была учрежде-
на сначала съ временною цѣлью изданія найденныхъ
Строевымъ актовъ, стала въ 1837 году, какъ мы
упомянули, постоянной коммиссіей для разбора и
изданія историческаго матеріала вообще. Дѣятель-
ность ея выразилась за все время ея существованія
многочисленными изданіями, изъ которыхъ необхо-
димо указать главнѣйшія такъ какъ всѣ они имѣ-
ютъ отношеніе къ исторіи XVII вѣка. Въ 1836 го-
ду издала она четыре первыхъ своихъ фоліанта
подъ заглавіемъ: „Акты собранные въ библіотекахъ и
архивахъ Россійской Имперіи Археографической экспе-
диціею Императорской Академіи Наукъ". [Въ просторѣ-
чіи изданіе это носитъ названіе „Актовъ Экспедиціи",
а въ ученыхъ ссылкахъ означается буквами А. Э.] Въ 1838 г.
явились „Акты юридическіе или собраніе формъ
старинного дѣлопроизводства." [одинъ томъ]. Въ этомъ
изданіи помѣщены акты частнаго быта до
XVIII вѣка. Въ 1841 и 1842 году вышли пять томовъ:
„Актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ
Археографической коммиссіей." [1-мъ томъ, акты до
XVII вѣка; отъ II-го — V-го томовъ акты XVII вѣка] Затѣмъ
стали выходить „Дополненія къ актамъ историче-
скимъ" [всего XII томовъ заключающихъ документы отъ
XII-го — XVII вѣковъ] Съ 1846 года коммиссія принялась за си-
стематическое изданіе „Полнаго Собранія Русскихъ Лѣто-
писей." Довольно скоро успѣло оно выпустить восемь томовъ.

 Директоръ Д. Ж. К.: [signature]

[I-й томъ Лаврентьевская лѣтопись, II-й т. Ипатьевская, III и IV Новгородская конецъ IV-й V томъ Псковская, VI Софійскій Временникъ VII и VIII Воскресенская лѣтопись.] Затѣмъ изданіе нѣсколько замедлилось и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ вышли IX и X-й томы, а затѣмъ XV-й т. заключающій Тверскую лѣтопись и XVI-й томъ („Лѣтопись Авраамки"). Весь этотъ матеріалъ громадный по числу и по важности документовъ, оживилъ нашу науку. Исключительно почти на немъ основывались многія монографіи, (напр. прекрасные труды Соловьева и Чичерина) уяснились вопросы древняго общественнаго быта; стала возможна разработка многихъ частностей древней жизни.

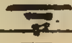
Послѣ своихъ первыхъ монументальныхъ трудовъ, Коммиссія продолжала дѣятельно работать. До сихъ поръ ею выпущено болѣе сорока изданій; изъ нихъ нѣкоторые заключаютъ въ себѣ болѣе 10-ти томовъ. Наибольшее значеніе сверхъ уже названныхъ имѣютъ: 1) „Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи" 5 томовъ, 2) „Акты, относящіеся къ исторіи Западной и Южной Россіи (15 томовъ) 3) „Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи" (3 том) 4) „Великія Минеи Четьи Митр. Макарія" (6 выпусковъ) 6) „Писцовыя книги" Новгородскія и Ижорскія XVII-го вѣка. 7) „Акты на иностранныхъ языкахъ относящіеся къ Россіи" (3-и тома съ дополненіемъ) и 8) „Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи" [Rerum Rossicarum scriptores exteri] 2 т. и т. д.

По образцу главной Археографической Коммиссіи возникли такія же въ Кіевѣ и Вильнѣ — какъ разъ въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ не успѣлъ побывать Строевъ. Онѣ занимаются изданіями и изслѣдованіями мѣстнаго матеріала и сдѣлали уже очень много. Особенно успѣшно идетъ дѣло въ Кіевѣ.

Помимо изданій Археографическихъ коммиссій мы располагаемъ еще цѣлымъ рядомъ казенныхъ изданій. Второе отдѣленіе Е.В. Канцеляріи не ограничилось изданіемъ „Полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи" [законы отъ 1649 года до настоящаго времени] оно издало еще „Памятники дипломатическихъ отношеній съ Московскаго государства съ Европой" [9 томовъ], „Дворцевые разряды" (5 томовъ) и „Книги разрядныя". (2 тома) Рядомъ съ казенной развернулась и частная дѣятельность по изданію древнихъ памятниковъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое во время Строева едва влачило свое существованіе, – ожило и постоянно заявляетъ о себѣ новыми изданіями. Послѣ „Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Ист. и Древностей" редактированныхъ Бодянскимъ, оно издавало подъ редакціей И.Д. Бѣляева: „Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей." [25 книгъ, заключающихъ богатый матеріалъ: изслѣдованія и цѣлый рядъ документовъ]. Въ 1858 году секретаремъ Общества былъ вновь избранъ Бодянскій, который сталъ издавать по прежнему „Чтенія" вмѣсто „Временника" Бѣляева. Послѣ Бодянскаго секретаремъ былъ избранъ въ 1871 году Андрѣй Ник. Поповъ, а послѣ смерти его въ 1881 году Е.В. Барсовъ, при которыхъ и продолжаются тѣ же „Чтенія". Издавали и издаютъ свои тру-

дыи Археологическія Общества: Петербургское (основано въ 1846г.) и Московское (основано въ 1864г.). Занималось и занимается археологіей и исторіей Географическое Общество (въ Петербургѣ съ 1864г.). Изъ его изданій для насъ интересны въ особенности „Писцовыя книги“ [2 тома подъ редакціей Н.В. Калачева]. Съ 1866 года работаетъ [преимущественно надъ исторіей XVIII вѣка] Императорское Русское Историческое Общество, которое успѣло издать уже до сотни томовъ своего „Сборника“. Ученыя Историческія Общества начинаютъ основываться въ провинціи напр: Одесское Общество Исторіи и Древностей, Губернскія ученыя архивныя коммиссіи. Проявляется и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ: частные сборники Муханова, Оболенскаго, Федотова-Чеховского, и др. заключаютъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы. Съ 30ых и 40ых годовъ въ нашихъ журналахъ начинаютъ печататься матеріалы для исторіи, являются даже журналы спеціально посвященные исторіи, напр: Русскій Архивъ, Русская Старина и др.

Перейдемъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ видовъ историческаго матеріала и прежде всего остановимся на источникахъ лѣтописнаго типа и въ частности на лѣтописи т.к. ей главнымъ образомъ мы обязаны знакомствомъ съ древнѣйшей исторіей Руси. Но для того, чтобы изучать лѣтописную литературу, надобно знать употребительные въ ней термины. Въ наукѣ „лѣтописью“ наз. погодный разсказъ о событіяхъ, мѣстами краткій, мѣстами болѣе подробный, всегда съ точнымъ

указаніемъ лѣтъ. Лѣтописи наши сохранились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ или списковъ XIV по XVIII в.в. По мѣсту и времени составленія, по содержанію лѣтописи дѣлятся на разряды. (есть Новородскіе, Суздальскіе, Кіевскіе, Московскіе) Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою не только въ словахъ и выраженіяхъ, но даже и въ самомъ выборѣ извѣстій и часто въ одномъ изъ списковъ извѣстнаго разряда есть событіе котораго нѣтъ въ другомъ; вслѣдствіи этого списки дѣлятся на редакціи или изводы. Различія въ спискахъ одного разряда и навели нашихъ историковъ на мысль, что лѣтописи наши суть сборники и что ихъ первоначальные источники не дошли до насъ въ чистомъ видѣ. Впервые эта мысль была выражена П. М. Строевымъ въ его предисловіи къ „Софійскому Временнику". Дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями привело окончательно къ убѣжденію, что лѣтописи, которыя намъ извѣстны представляютъ своды извѣстій и сказаній, компиляціи изъ нѣсколькихъ трудовъ. И теперь въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что даже самыя древнѣйшія лѣтописи суть компилятивные своды. Такъ лѣтопись Нестора есть сводъ XII[го] вѣка Суздальская лѣтопись — сводъ XIV вѣка, Московскія, — своды XVI и XVII в. и т. д.

Знакомство съ лѣтописной литературой начнемъ съ такъ называемой лѣтописи Нестора, которая начинается съ разсказа о разселеніи племенъ послѣ

потопа, а кончается около 1110 года. Заглавіе ея таково: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ“. [Въ иныхъ спискахъ прибавлено: черноризца Өедосьева Печерскаго монастыря], „откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первые княжети, и откуда Русская земля стала есть.“ Такимъ образомъ по заглавію мы видимъ, что авторъ обѣщаетъ сказать только слѣдующее: кто первый сталъ княжить въ Кіевѣ и откуда произошла Русская земля. Самая исторія этой земли не обѣщана и между тѣмъ она ведется до 1110 года. Послѣ этого года мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующую приписку: „Игуменъ Селивестръ Святого Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимірѣ, княжащю ему въ Кыевѣ, а мнѣ то время игуменящю у св. Михаила въ 6624 индикта 9 лѣта“ (т. е. въ 1116 году). Такимъ образомъ выходитъ что авторомъ лѣтописнаго свода былъ Сильвестръ, по другимъ же даннымъ не Сильвестръ, игуменъ Выдубецкаго монастыря, написалъ лѣтопись извѣстную подъ названіемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ,“ а монахъ Печерскаго монастыря Несторъ: еще Татищевъ приписывалъ ее Нестору. Въ древнемъ „Патерики Печерскомъ,“ мы читаемъ разсказъ о томъ, что Несторъ пришелъ къ Өеодосію 17ти лѣтъ въ монастырь, былъ имъ постриженъ, писалъ лѣтопись и умеръ въ монастырѣ. Въ лѣтописи же подъ 1051 г. въ разсказѣ о Өеодосіи лѣтописецъ говоритъ о себѣ: „къ нему же [Өеодосію] и азъ пріидохъ худый

и прiяхъ мя лѣтъ ми сущу семнадцати." Далѣе под 1074 годомъ лѣтописецъ передаетъ разсказъ о великихъ подвигахъ Печерскихъ и по поводу ихъ подвиговъ говоритъ, что многое онъ слышалъ отъ монаховъ, а другое и „самовидецъ быхъ." Подъ 1091 годомъ лѣтописецъ отъ своего лица разсказываетъ о томъ, какъ при немъ и даже съ его участiемъ Печерская братiя перенесла на новое мѣсто мощи св. Феодосiя; въ разсказѣ этомъ лѣтописецъ называетъ себя „рабомъ" и „ученикомъ" св. Феодосiя Подъ 1093 г. слѣдуетъ разсказъ о нападенiи Половцевъ на Кiевъ и о взятiи ими Печерскаго монастыря, разсказъ цѣликомъ веденный въ 1-мъ лицѣ, затѣмъ подъ 1110 годомъ мы находимъ выше приведенную приписку Сильвестра игумена не Печерскаго, а Выдубецкаго монастыря.

На томъ основанiи, что авторъ лѣтописи говоритъ о себѣ, какъ о Печерскомъ монахѣ и въ виду того, что извѣстiя, посторонния лѣтописи, называютъ въ Печерскомъ монастырѣ лѣтописцемъ монаха Нестора, Татищевъ такъ увѣренно приписывалъ лѣтопись до 1110 года — Нестору, а Сильвестра считалъ только переписчикомъ лѣтописи. Мнѣнiе Татищева встрѣтило поддержку въ Карамзинѣ, но съ тою лишь разницею, что первый думалъ что Несторъ велъ лѣтопись только до 1093 г., а второй что до 1110 г. Такимъ образомъ вполнѣ установилось мнѣнiе, что лѣтопись принадлежала перу одного лица изъ Печер-

ской браніи, составлявшаго ее вполнѣ самостоятельно. Но Строевъ при описаніи рукописей графа Толстого открылъ греческую хронику Георгія Мниха (Амартола) которая мѣстами оказалась дословно сходною съ введеніемъ къ лѣтописи Нестора. Такой фактъ освѣтилъ этотъ вопросъ съ совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить источники лѣтописи. Строевъ первый и намекнулъ что лѣтопись есть ничто иное какъ сводъ разнаго историко-литературнаго матеріала. Авторъ ея дѣйствительно сводилъ и греческія хроники и русскій матеріалъ: краткія монастырскія записи, народныя преданія и т. д. Мысль, что лѣтопись есть компилятивный сборникъ, должна была вызвать новыя изысканія. Многіе историки занялись изслѣдованіемъ достовѣрности и состава лѣтописи. Этому вопросу посвящалъ свои ученыя статьи и Каченовскій. Онъ пришелъ къ тому выводу, что первоначальная лѣтопись составлена не Несторомъ и вообще намъ не извѣстна. Извѣстныя намъ лѣтописи по словамъ Каченовскаго суть: „сборники XIII или даже XIV столѣтія, коихъ источники большею частью намъ неизвѣстны." Несторъ, по своему образованію, живя въ эпоху общей грубости, не могъ составить ничего подобнаго, дошедшей до насъ обширной лѣтописи; ему могли принадлежать только тѣ вставленныя въ лѣтопись „монастырскія записки", въ которыхъ онъ какъ очевидецъ повѣствуетъ о жизни своего монастыря въ XI в. и говоритъ о самомъ себѣ. Мнѣнія Каченовскаго.

вызвали основательныя возраженія со стороны Погодина [см. „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи" Погодина, т. I. М. 1846 г.] Погодинъ утверждаетъ, что если мы не сомнѣваемся въ достовѣрности лѣтописи, начиная съ XIV вѣка, то не имѣемъ основанія сомнѣваться и въ показаніи лѣтописи и о первыхъ вѣкахъ. Идя отъ достовѣрности подлиннаго разсказа ~~ряда~~ лѣтописи Погодинъ восходитъ все въ большую и большую древность и доказываетъ что и въ древнѣйшіе вѣка лѣтопись совершенно вѣрно изображаетъ событія и состояніе гражданственности. Скептическіе взгляды на лѣтопись Каченовскаго и его учениковъ вызвали въ защиту лѣтописи книгу Буткова („Оборона лѣтописи русской". М. 1840 г.) и статьи Кубарева („Несторъ" и „о Патерикѣ Печерскомъ".) Трудами этихъ трехъ лицъ: Погодина Буткова и Кубарева, окончательно утверждена была въ 40хъ годахъ мысль, что именно Нестору, человѣку XIго вѣка, принадлежитъ древнѣйшій лѣтописный сводъ. Но въ 50хъ годахъ это убѣжденіе стало колебаться, трудами И. С. Казанскаго [статьи во Временникѣ М. Общ. Ист. и Древ.] Срезневскаго [„Чтенія о древн. русск. лѣтописяхъ"], Сухомлинова [„О древн. русской лѣтописи, к.к. памятникѣ литературномъ"], Бестужева-Рюмина („О составѣ древнерусскихъ лѣтописей до XIV в."] и другихъ — вопросъ о лѣтописи Нестора былъ поставленъ иначе: къ изслѣдованію ея были привлечены новые историко-литературные матеріалы (несомнѣнно принадлежащія Нестору житія святыхъ) и приложены новые пріемы. Компилятивный, сводный характеръ лѣтописи былъ

установленъ вполнѣ, источники свода были указаны очень опредѣленно; сличеніе трудовъ Нестора съ показаніями лѣтописи обнаружило противорѣчія. Вопросъ о роли Сильвестра, какъ собирателя лѣтописнаго свода сталъ серьезнѣе, чѣмъ былъ раньше. Въ настоящее время первоначальную лѣтопись ученые представляютъ себѣ, какъ сводъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, составленныхъ разными лицами въ разное время изъ разнообразныхъ источниковъ. Эти литературныя извѣстія въ началѣ XII-го вѣка были соединены въ одинъ литературный памятникъ, быть можетъ, тѣмъ самымъ Сильвестромъ, который подписалъ свое имя. Внимательное изученіе первоначальной лѣтописи позволило намѣтить въ ней слѣдующія составныя части или точнѣе слѣдующія самостоятельныя литературныя произведенія: во 1) Собственно „Повѣсти временныхъ лѣтъ" — разсказъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и о водвореніи на Руси варяжскихъ князей [только къ этой первой части лѣтописнаго свода и можетъ относиться заглавіе свода приведенное выше: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ" и пр.] во 2) обширный разсказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, въ началѣ XI-го вѣка и въ 3) лѣтопись о событіяхъ XI-го в. которую приличнѣе всего назвать Кіевскою перво-

начальною лѣтописью. Въ составѣ этихъ 3-хъ произве-
деній, образовавшихъ сводъ, и особенно въ составѣ
перваго и третьяго изъ нихъ, можно замѣтить
слѣды другихъ болѣе мелкихъ литературныхъ про-
изведеній, „отдѣльныхъ сказаній" и такимъ образомъ
можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ
есть компиляція, составленная изъ компиляцій, —
настолько сложенъ его внутренній составъ.

Знакомясь съ извѣстіями Лаврентьевскаго списка,
древнѣйшаго изъ тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ так
наз. Несторову лѣтопись [онъ написанъ монахомъ Лаврентi-
емъ въ Суздалѣ 1377 г.], мы замѣчаемъ что за 1110 годомъ,
за лѣтописью первоначальной, въ Лаврентьевскомъ
спискѣ идутъ извѣстія, по преимуществу отно-
сящіяся къ Сѣверо-восточной, Суздальской Руси, зна-
читъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лѣтописью мѣст-
ною. Ипатьевскій списокъ [XIV - XV в] за первоначаль
ной лѣтописью даетъ намъ наоборотъ очень подроб-
ный разсказъ о событіяхъ Кіевскихъ, а затѣмъ вни-
маніе лѣтописи сосредоточивается на событіяхъ
въ Галичѣ и Волынской землѣ; и здѣсь, стало быть
мы имѣемъ дѣло съ мѣстными же лѣтопися-
ми. Этихъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей
дошло до насъ очень много. Виднѣйшее мѣсто ме-
жду ними занимаютъ лѣтописи Новгородскія
[ихъ нѣсколько редакцій и есть очень цѣнныя] и Псковскія,
доводящія свой разсказъ до XVI даже XVII вѣка. Не

малое значеніе имѣютъ и лѣтописи Литовскія, дошедшія въ разныхъ редакціяхъ и освѣщающія исторію Литвы и соединенной съ ней Руси въ XIV и XV вѣкахъ. —Съ XV вѣка являются попытки собрать въ одно цѣлое историческій матеріалъ, разбросанный въ этихъ ~~лѣтописныхъ~~ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Такъ какъ эти попытки являлись въ эпоху Московскаго государства и часто офиціальными средствами Московскаго правительства, то онѣ и слывутъ подъ именемъ Московскихъ сводовъ или Московскихъ лѣтописей, тѣмъ болѣе, что даютъ обильный матеріалъ именно для Московской исторіи. Изъ этихъ попытокъ болѣе ранняя - Софійскій Временникъ (двѣ редакціи), который соединяетъ извѣстія Новгородскихъ лѣтописей съ извѣстіями Кіевской, Суздальской и др. мѣстныхъ лѣтописей, дополняя этотъ матеріалъ отдѣльными сказаніями историческаго характера. Софійскій Временникъ относится къ XV-му вѣку и представляетъ собой чисто внѣшнее соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, соединеніе подъ опредѣленнымъ годомъ всѣхъ относящихся къ этому году данныхъ безъ всякой ихъ переработки. Такой же характеръ простого соединенія матеріала изъ всѣхъ доступныхъ составителю лѣтописей имѣетъ Воскресенская лѣтопись, возникшая во второй половинѣ XVI вѣка, или же на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ и едва ли не при патріаршемъ Московскомъ дворѣ. Моди XVIII в

называли эту лѣтопись „лѣтописцемъ патріарха Гермогена." Воскресенскій сводъ сохранилъ до насъ въ чистомъ видѣ массу цѣнныхъ извѣстій по исторіи удѣльной и Московской эпохъ, почему и можетъ быть названъ самымъ богатымъ и надежнымъ источникомъ для изученія XIV–XVI в.в. Иной характеръ имѣютъ: Степенная книга [приписываемая митроп. Кипріану XV в. и митр. Макарію XVI в.] и Никоновская лѣтопись (XVI–XVII в.в.) Пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, что и прежде названные своды, эти памятники даютъ намъ этотъ матеріалъ въ переработанномъ видѣ, съ риторикой въ языкѣ, съ извѣстными тенденціями въ освѣщеніи фактовъ. Это — первыя попытки обработки историческаго матеріала, вводящія насъ уже въ исторіографію.

Позднѣйшее русское лѣтописаніе пошло въ Московскомъ государствѣ двумя путями. Съ одной стороны оно стало оффиціальнымъ дѣломъ: при дворѣ Московскомъ записывались погодно дворцовыя и политическія событія (лѣтописи времени Грознаго, напр.: Александро-Невская, Царственная книга и вообще послѣднія части Московскихъ сводовъ: Никоновскаго, Воскресенскаго, Львовскаго) а съ теченіемъ времени и самый типъ лѣтописей сталъ измѣняться: онѣ стали замѣняться такъ наз: разрядными книгами. Съ другой стороны въ разныхъ мѣстностяхъ Руси стали являться лѣтописи мѣстнаго, областного, даже городскаго, характера въ большинствѣ лишенные

значенія для политической исторіи [таковы: Нижегородская, Двинская, Углицкая, и др. таковы до нѣкоторой степени и Сибирскія]
Съ XVI в. рядомъ съ лѣтописями возникаетъ новый видъ историческихъ произведеній: это – Хронографы или обзоры исторіи всемірной (точнѣе: библейской, византійской, славянской и русской.) Первый хронографъ былъ составленъ въ 1512 г. преимущественно на основаніи греческихъ источниковъ съ дополнительными свѣдѣніями по русской исторіи. Въ 1616–1617 г. былъ составленъ хронографъ второй редакціи. Это произведеніе интересно въ томъ отношеніи, что болѣе древнія событія изображаетъ на основаніи первой редакціи хронографа, а русскія – начиная съ XVI, XVII в.в. описываетъ за ново, самостоятельно. Авторъ его несомнѣнно обладалъ литературнымъ талантомъ, и кто хочетъ ознакомиться съ древне русской риторикой въ ея удачныхъ образцахъ, долженъ прочитать русскія статьи этого хронографа. Въ XVII вѣкѣ Московское общество начинаетъ проявлять особенную склонность къ хронографамъ, которые ростутъ въ большомъ количествѣ. Погодинъ въ свою библіотеку собралъ до 50ти экземпляровъ; нѣтъ сколько нибудь крупнаго собранія рукописей, гдѣ бы ихъ не считали десятками. Распространенность хронографовъ легко объяснить: краткіе по системѣ изложенія, написанные литературнымъ языкомъ, они давали русскимъ людямъ тѣ же свѣдѣнія что и лѣтописи, но въ болѣе удобномъ

видъ.

Кромѣ собственно лѣтописей, въ древнерусской письменности можно найти много литературныхъ произведеній, служащихъ источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древнерусская литературная письменность должна разсматриваться какъ историческій источникъ и часто трудно бываетъ предугадать, изъ какого литературнаго труда историкъ почерпнетъ лучшее разъясненіе интересующаго его вопроса. Такъ, напримѣръ, смыслъ сословнаго наименованія Кіевской Руси „огнищанинъ" толкуется въ историографіи не только изъ памятниковъ законодательства, но и изъ древняго славянскаго текста поученій святого Григорія Богослова, въ которомъ встрѣчаемъ архаическое реченіе „огнище" въ смыслѣ „рабы, челядь" [„гордящеіся мьногы огнищи и стады"]. Переводы священныхъ книгъ, сдѣланные княземъ А.М. Курбскимъ, даютъ матеріалъ для біографіи и характеристики этого знаменитаго дѣятеля XVI вѣка. Но при такомъ значеніи всего историко-литературнаго матеріала, нѣкоторые его виды имѣютъ все таки особенный интересъ для историка; таковы отдѣльныя сказанія о лицахъ и фактахъ, носящія на себѣ характеръ то историческій, то публицистическій. Рядъ историческихъ сказаній цѣликомъ занесенъ въ наши лѣтописные своды; таковы, напримѣръ, сказанія о Кре

щенiи Руси, объ ослѣпленiи Князя Василька, о битвѣ на Липицѣ, о Батыевомъ нашествiи, о Куликовской битвѣ и много другихъ. Въ отдѣльныхъ спискахъ или также въ сборникахъ дошли до насъ любопытныя публицистическiя произведенiя древней Руси, которыми особенно богатъ былъ XVI вѣкъ; изъ нихъ видное мѣсто занимаетъ «Исторiя» написанная княземъ А. М. Курбскимъ о Грозномъ; памфлетистическiя произведенiя такъ называемаго Ивашки Пересвѣтова, защитника правительственной системы Грознаго; „Повѣсть нѣкоего боголюбива мужа," бывшаго противникомъ этой системы; „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ," въ которой видятъ произведенiе боярской среды, не довольной московскими порядками, и т. п. Рядомъ съ публицистикой въ XVI–XVII в. в. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядомъ любопытныхъ повѣстей и сказанiй, принимавшихъ часто крупные внѣшнiе объемы. Отдѣльнымъ томомъ напечатана въ 1791 году составленная въ XVI вѣкѣ „Исторiя о Казанскомъ царствѣ" излагающая исторiю Казани и паденiе ея въ 1552 году. Въ XIII томѣ „Русской Исторической Библiотеки" издана цѣлая серiя русскихъ повѣстей о смутномъ времени XVI–XVII вѣковъ изъ которыхъ многiя давно уже стали извѣстны изслѣдователямъ смуты. Среди десятковъ этихъ повѣстей выдаются: 1) такъ называемое Иное Сказанiе, представляющее собою политическiй памфлетъ,

вышедшiй изъ партiи Шуйскихъ въ 1606 году; 2) Сказанiе келаря Троице Сергiевой Лавры Авраамiя Палицына, написанное въ окончательномъ видѣ въ 1620 году; 3) Временникъ Ивана Тимофеева мало извѣстная и очень любопытная хроника смуты; 4) Повѣсть Князя Ив. Мих. Катырева Ростовскаго, отмѣченная печатью большого литературнаго таланта; 5) Новый Лѣтописецъ — попытка фактическаго обзора смутной эпохи и т. д. Къ болѣе поздней эпохѣ относятся сказанiя о взятiи Азова казаками, описанiе Московскаго государства, сдѣланное Григорiемъ Карповичемъ Котошихинымъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка и наконецъ цѣлый рядъ записокъ русскихъ людей [А.А. Матвѣева, С. Медвѣдева, Желябужскаго и другихъ] о времени Петра Великаго. Этими записками открывается бесконечный рядъ мемуаровъ русскихъ дѣятелей, принимавшихъ участiе въ правительственной дѣятельности и общественной жизни прошлаго и настоящаго столѣтiя. Общеизвѣстность нѣкоторыхъ мемуаровъ [Болотова, Дашковой] избавляетъ отъ необходимости перечислять виднѣйшiе изъ нихъ.

Рядомъ съ историческими сказанiями въ качествѣ историческаго источника стоятъ сказанiя агiографическiя, или житiя святыхъ и повѣствованiя о чудесахъ. Не только самое житiе святаго даетъ иногда цѣнныя историческiя показанiя объ эпохѣ, въ которую жилъ и дѣйствовалъ свя-

 Директоръ В. Ж. К.:

той, но и въ „чудесахъ" святаго, приписанныхъ къ житію, историкъ находитъ цѣнныя указанія объ обстоятельствахъ того времени, когда совершились чудеса. Такъ въ житіи Стефана Сурожскаго одно изъ повѣствованій о чудѣ святаго даетъ возможность установить существованіе народа Русь и его дѣйствія въ Крыму ранѣе того 862 года, когда по лѣтописи, Русь была призвана въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Безыскусственная форма древнѣйшихъ житій даетъ особенную цѣнность ихъ показаніямъ, но съ XV вѣка вырабатываются особые пріемы въ писаніи житій, замѣняющіе риторикой фактическую содержательность, и искажающіе смыслъ факта въ угоду литературной модѣ. Житія [св. Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго], составленные въ XV вѣкѣ Епифаніемъ Премудрымъ уже страдаютъ риторикой, хотя и блещутъ литературнымъ талантомъ и силою искренняго чувства. Больше риторики и холодной условности въ житіяхъ, составленныхъ учеными сербами, жившими на Руси въ XV вѣкѣ митрополитомъ Кипріяномъ и монахомъ Пахоміемъ Логофетомъ. Сочиненія этихъ лицъ создали на Руси условную форму житійнаго творчества, распространеніе которой замѣтно на житіяхъ XVI и XVII вѣковъ. Эта условная форма, подчиняя себѣ содержаніе житій, лишаетъ ихъ показанія свѣжести и точности.

Мы закончимъ перечень историческихъ источниковъ литературнаго типа, если упомянемъ о баль-

шомъ числѣ тѣхъ записокъ о Россіи, которые были въ разные вѣка составлены иностранцами, посѣщавшими Русь. Изъ сказаній иностранцевъ замѣтнѣе труды: католика-монаха Плано Карпини (XIII вѣка) Сигизмунда Герберштейна (начало XIV вѣка), Павла Іовія (XVI вѣка), Іеронима Горсея (XVI вѣка), Гейденштейна (XVI вѣка), Флетчера (1591), Маржерета (XVII вѣка), Конрада Буссова (XVII вѣка), Жолкѣвскаго (XVII в.), Олеарія (XVII) фонъ-Мейерберга (XVII вѣка), Гордона (конецъ XVII вѣка) Корба (конецъ XVII вѣка). Для исторіи XVIII вѣка и большое значеніе имѣютъ дипломатическія депеши западно-европейскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ и безконечный рядъ мемуаровъ иностранцевъ, знакомыхъ съ русскими дѣлами. На ряду съ сочиненіями ~~по~~ иностранныхъ писателей, знавшихъ историческую Россію, слѣдуетъ помнить и тотъ иноземный матеріалъ, которымъ пользуются историки при изученіи первыхъ страницъ исторіи Славянъ и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя напримѣръ изучать безъ знакомства съ арабскими писателями [IX–X вѣковъ и позднѣе] знавшими Хозаръ, Русь и вообще народы, обитавшіе на нашей равнинѣ; одинаково необходимо пользоваться сочиненіями и византійскихъ писателей, пристальное знакомство съ которыми въ послѣднее время даетъ особенные результаты въ трудахъ В. Г. Васильевскаго, Ѳ. И. Успенскаго и другихъ нашихъ византинистовъ. Наконецъ свѣдѣнія о Славянахъ и Ру-

сахъ находятся у средневѣковыхъ писателей запа-
дно-европейскихъ и польскихъ: Готскаго историка
Іорнанда (VI в.), польскихъ Мартина Галла (XII в.) Яна
Длугоша (XV в) и другихъ.

Перейдемъ къ памятникамъ юридическаго харак-
тера, къ памятникамъ правительственной дѣятель-
ности и гражданскаго общежитія.

Этотъ матеріалъ обыкновенно зовется актами и
грамотами и во множествѣ хранится въ правительст-
венныхъ архивахъ [изъ которыхъ замѣчательны: въ Москвѣ Архивъ Минис-
терства Иностранныхъ Дѣлъ и Архивъ Министерства Юстиціи, въ Петербургѣ
Архивы Государственный и Сенатскій, наконецъ Архивы въ Вильнѣ, Витебскѣ и
Кіевѣ]. Чтобы освоиться съ архивнымъ матеріаломъ, слѣдуетъ
его по возможности точно классифицировать, но памят-
никовъ юридическаго характера до насъ дошло такъ мно-
го и они такъ разнообразны, что это довольно трудно сдѣ-
лать. Мы можемъ отмѣтить только главные виды:

1) Государственные акты, т. е. всѣ документы, которые
касаются важнѣйшихъ сторонъ государственной жиз-
ни; таковы, напримѣръ договоры. Памятники этого
рода сохранились у насъ отъ самаго начала нашей исто-
ріи, — это замѣчательные договоры съ Греками Олега
и послѣдующихъ князей. Далѣе, рядъ междукняжес-
кихъ договоровъ дошелъ до насъ отъ XIV – XVI вѣковъ. Въ
этихъ договорахъ опредѣляются политическія отно-

шенія древнерусскихъ князей. Рядомъ съ договорными грамота-
ми надо поставить грамоты душевныя т. е. духовныя завѣ-
щанія князей. До насъ напримѣръ дошли два духовные завѣща-
нія Ивана Калиты. Первое написано передъ поѣздкой въ
орду, второе передъ смертью. Въ нихъ онъ дѣлитъ свое иму-
щество между сыновьями и поэтому перечисляетъ его, та-
кимъ образомъ душевная грамота является подробнѣйш-
имъ перечнемъ земельныхъ владѣній и имущества русскихъ
князей и съ этой точки зрѣнія представляетъ весьма цѣн-
ный историческій и географическій матеріалъ. За душев-
ными грамотами помянемъ грамоты избирательныя
Первая относится къ избранію Бориса Годунова на Московскій
престолъ, ея составленіе приписывается патріарху Іову;
вторая — къ избранію Михаила Ѳеодоровича Романова. Нако-
нецъ къ государственнымъ актамъ должны быть причислены
памятники древнерусскаго законодательства. Къ нимъ пре-
жде всего слѣдуетъ отнести Русскую Правду, поскольку
ее можно признавать актомъ правительственной дѣя-
тельности, а не частнымъ сборникомъ. Затѣмъ сюда
же относятся судныя грамоты Новгорода и Пскова, утвер-
жденныя вѣчемъ; онѣ заключаютъ рядъ постановленій
по судебнымъ дѣламъ. Такимъ же характеромъ отлича-
ется и судебникъ Ивана III 1497 года [называемый первымъ
или княжескимъ] Спустя полвѣка въ 1550 году, за этимъ
Судебникомъ послѣдовалъ второй или царскій судебникъ
Ивана Грознаго, болѣе полный, а черезъ сто лѣтъ послѣ
него въ 1648—1649 годахъ было составлено знаменитое

Соборное Уложение царя Алексѣя Михайловича, которое сравнительно было уже очень полнымъ кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права. Рядомъ съ сборниками свѣтскаго законодательства дѣйствовали въ сферѣ церковнаго суда и администрацiи сборники законодательства церковнаго [Кормчая книга или Номоканонъ и др.]; эти сборники составлены были въ Византiи, но втеченiи вѣковъ понемногу приноравлялись къ особенностямъ русской жизни.

2) Вторымъ видомъ историко-юридическаго матерiала являются административныя грамоты; это - отдѣльныя правительственныя распоряженiя, дававшiя или на частные случаи административной практики или отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ, для того, чтобы опредѣлить отношенiе этихъ лицъ и общинъ къ власти. Изъ такихъ грамотъ нѣкоторыя имѣли довольно широкое содержанiе; это - напримѣръ, грамоты уставныя и губныя, опредѣлявшiя порядокъ самоуправленiя цѣлыхъ волостей. Въ большинствѣ же это отдѣльныя распоряженiя правительства по текущимъ дѣламъ. Въ Московскомъ государствѣ законодательство развивалось именно путемъ накопленiя отдѣльныхъ законоположенiй, изъ которыхъ каждое, возникая ~~путемъ~~ по поводу частнаго случая, обращалось затѣмъ въ прецедентъ для всѣхъ подобныхъ случаевъ, становилось постояннымъ закономъ. Та-

кой казуистическій характеръ законодательства создалъ въ Москвѣ такъ называемыя Указныя Книги Приказовъ или отдѣльныхъ вѣдомствъ: каждое вѣдомство записывало у себя въ хронологическомъ порядкѣ царскіе указы, которые его касались, и возникала «указная книга», становившаяся руководствомъ для всей административной или судебной практики вѣдомства.

3) Третьимъ видомъ юридическаго матеріала можно считать челобитья, т.е. просьбы, которыя по разнымъ дѣламъ подавались правительству. Право челобитій ничѣмъ не было стѣснено въ древней Руси до середины XVII вѣка и законодательная дѣятельность правительства зачастую была прямымъ отвѣтомъ на челобитья; отсюда ясно большое историческое значеніе челобитій: они не только знакомятъ съ нуждами и бытомъ населенія, но объясняютъ и направленіе законодательства.

4) На четвертомъ мѣстѣ помянемъ грамоты частнаго, гражданскаго быта, въ которыхъ отражались личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ; кабальныя записи, купчія и т. д.

5) Далѣе, особымъ видомъ памятниковъ можно считать памятники судопроизводства, въ которыхъ находимъ много данныхъ для исторіи не только суда, но и тѣхъ гражданскихъ отношеній, той реальной жизни, которыхъ касался судъ.

6) Наконецъ, особое мѣсто въ ряду источниковъ занимаютъ такъ называемыя Приказныя книги [одинъ видъ ихъ — Указныя книги уже упомянуты]. Приказныхъ книгъ было много видовъ, и намъ слѣдуетъ ознакомиться только съ важнейшими въ историческомъ отношеніи. Любопытнѣе всѣхъ: книги писцовыя, содержащія въ себѣ поземельную опись уѣздовъ Московскаго государства, производившуюся съ податными цѣлями; книги переписныя, содержащія въ себѣ перепись людей податныхъ классовъ населенія; книги „кормленныя" и десятни, заключающія въ себѣ переписи придворныхъ и служилыхъ людей съ указаніями на ихъ имущественное положеніе; книги разрядныя (и такъ называемые дворцовые разряды), въ которыхъ записывалось все, что относилось къ придворной и государственной службѣ боярства и дворянства. [Иначе говоря, это дневники придворной жизни и служебныхъ назначеній].—

Если мы упомянемъ о матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній [наказы" т. е. инструкціи посламъ;„ статейные списки" т. е. дневники переговоровъ, ~~где~~ отчеты пословъ и т. п.] то историко-юридическіе памятники будутъ нами перечислены съ достаточною ~~точностью~~ полнотою. Что касается до этого рода памятниковъ Петровской Руси, то ихъ терминологія и классификація въ XVIII вѣкѣ въ главныхъ чертахъ настолько мало разнится отъ современной

намъ, что не требуетъ поясненій

Древнѣйшая исторія нашей страны.

Въ настоящее время нѣтъ нужды указывать на то, что природа страны вліяетъ на бытъ народа, обуславливаетъ особенности народнаго хозяйства, налагаетъ свой отпечатокъ и на весь ходъ историческаго развитія общества. (Тотъ, кто захотѣлъ бы познакомиться о вліяніи нашей страны на разселеніе, бытъ и исторію русскаго племени, найдетъ прекрасный матеріалъ въ I-мъ томѣ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Этотъ историкъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на объясненіи того значенія, какое имѣла наша равнина въ качествѣ историческаго фактора. Въ нашемъ же курсѣ мы можемъ дать только намеки на главнѣйшія стороны этого вопроса.) Прежде всего мы отмѣтимъ, что равнинность страны и обиліе рѣчныхъ путей, идущихъ въ разныя стороны, должны были содѣйствовать широкому разселенію славянъ, должны были облегчать и даже вызывать тотъ грандіозный процессъ колонизаціи, которымъ славянское племя освоивало громадныя пространства земель. Фактъ колонизаціи — одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ

нашей исторіи, много объясняющій историку и въ сферѣ народнаго хозяйства и въ сферѣ народнаго права. Далѣе, плодородная почва страны и обиліе лѣсовъ должны были развить земледѣльческій и лѣсные промыслы, тогда какъ рѣки выходившія изъ центра равнины во всѣ четыре окраинныхъ моря, должны были содѣйствовать зарожденію и развитію торговли и внутри страны и съ сосѣдними странами. Такъ, особенности страны предопредѣляли разнообразіе хозяйственной дѣятельности народа.

Но давая широкій просторъ для передвиженія жителей, содѣйствуя сложенію ихъ въ крупныя общества, природа страны не охраняла въ то же время эти общества отъ чуждыхъ вторженій. Ничѣмъ не защищенные со стороны Азіи, наши предки неразъ дѣлались жертвами дикихъ азіатскихъ кочевниковъ, и въ природѣ не имѣли вѣрнаго союзника противъ этихъ враговъ. Въ первые вѣка нашей исторіи, какъ мы знаемъ, Кіевскіе князья искусственной границей, цѣпью укрѣпленій обороняли свою землю отъ степныхъ кочевниковъ; позднѣе Московскіе государи создали такую же искусственно-укрѣпленную границу [„черту" и „берегъ"] отъ татаръ. Такъ рядомъ съ условіями, содѣйствовавшими успѣхамъ народной жизни, страна создавала и условія противо-

дѣйствующія этимъ успѣхамъ.
Условія русскаго юга благопріятныя для развитія человѣческой производительности очень рано привлекли вниманіе древнихъ грековъ. За 500 лѣтъ до Р. Х. на сѣверномъ берегу Черного моря существовали уже греческіе города, жители которыхъ торговали съ окрестными туземцами. Геродотъ оставилъ намъ пространный разсказъ объ этихъ туземцахъ, которыхъ греки называли общимъ именемъ скиѳовъ. По этому разсказу, были скиѳы кочевые, но были скиѳы и осѣдлые, достигшіе уже извѣстной гражданственности. Многочисленность скиѳскихъ племенъ, разнообразіе формъ ихъ быта, позволяютъ съ большимъ вѣроятіемъ думать что греки называли общимъ именемъ скиѳовъ не одно обширное племя, а нѣсколько племенъ различнаго происхожденія, жившихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря. Во время болѣе позднее, около Рождества Христова, на мѣстахъ поселенія древнихъ скиѳовъ греческіе и римскіе писатели помѣщаютъ народы съ иными уже названіями. Общее наименованіе этихъ народовъ - Сарматы; видовыя имена: - язиги, аланы, роксоланы; всѣ эти народы причисляются нынѣ къ арійской расѣ, хотя и о нихъ мы знаемъ очень мало. Нѣсколько опредѣленнѣе данныя о такъ называемомъ Воспорскомъ царствѣ на Азовскомъ побережьѣ;

оно было основано скиѳами и греками-колонистами и жило въ такихъ формахъ быта, которыя отражали въ себѣ влiянiе и варваровъ-скиѳовъ и эллиновъ. Вещественные остатки этого быта [курганъ и Куль-Оба около Керчи и пр.] ярко рисуютъ намъ эту смѣшанную культуру, такъ же какъ и остатки, находимые въ болѣе сѣверныхъ могилахъ скиѳо-сарматскихъ, даютъ довольно хорошее представленiе о бытѣ скиѳовъ и сарматовъ, жившихъ особо отъ грековъ [Чертомлыцкiй или Никопольскiй курганъ на Днѣпрѣ]. Собирая всѣ скудныя данныя о жизни на Черноморскомъ побережьѣ въ наиболѣе древнее время мы получаемъ возможность сказать что уже до Рожд. Христ. югъ нашей страны былъ ареною оживленнаго торговаго движенiя. Предметами вывоза отсюда служили хлѣбъ, рыба, воскъ и медъ, кожи и мѣха, шерсть, лошади; ввозились же сюда преимущественно предметы роскоши и искусствъ.

Во II и III вѣкахъ въ исторiи великой сѣверной равнины произошли крупныя событiя: большое германское племя готовъ передвинулось отъ Балтiйскаго моря къ Черному и основало въ Черноморьѣ сильное государство. Готскiй король Германарихъ владѣлъ приблизительно южной половиной нынѣшней Европейской

Россіи и ему, какъ полагаютъ, повиновались кромѣ готовъ и финскія племена [Чудь, Весь, Меря, Мордва]. Въ числѣ подданныхъ Германариху племенъ видимъ и нашихъ предковъ Славянъ подъ именемъ венедовъ. Несмотря на свою силу, готское царство въ IV вѣкѣ пало подъ натискомъ еще болѣе сильнаго врага гунновъ. Придя изъ Азіи гунны заставили готовъ всею массою отступить отъ Черного моря на западъ и войти въ предѣлы Римской имперіи; на Черноморьи [въ Крыму и Тамани] осталась лишь небольшая часть готскаго племени, державшаяся тамъ очень долго. Оттѣснивъ готовъ гунны подчинили себѣ венедовъ т. е. славянъ и въ то же время стали подъ ихъ культурное вліяніе. Разсказъ писателя Приска прямо свидѣтельствуетъ о славянизаціи гунновъ, чѣмъ и даетъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ считать гунновъ за славянъ, несмотря на многіе признаки ихъ монгольскаго происхожденія [Д. И. Иловайскій отстаивалъ славянство гунновъ передъ В. Г. Васильевскимъ]. Съ паденіемъ гунновъ въ VI вѣкѣ славяне попали подъ владычество народа аваровъ или обровъ, которыхъ знаетъ уже и наша первоначальная лѣтопись: истребленіе обровъ Карломъ Великимъ, а затѣмъ болгарами создало въ древней Руси

поговорку, записанную летописцем: „погибоша, аки обри."

Такъ изъ за племенъ чуждыхъ и мало извѣстныхъ выступаютъ мало по малу и наши предки славяне въ качествѣ обитателей великой сѣверной равнины. Но не въ первый разъ выступаютъ они въ исторіи подъ властью готскаго Германариха: можно собрать и болѣе раннія указанія на существованіе славянъ въ Европѣ.

Уже Геродотъ въ V вѣкѣ до Р. Х. называетъ на Висл<u>ѣ</u> Генетовъ, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Писатели I–II вѣковъ по Р. Х. [Тацитъ и др.] говорятъ о венедахъ у Балтійскаго моря, подъ которыми позже разумѣются опредѣленно славяне. Тацитъ приравниваетъ венедовъ къ сарматамъ, но указываетъ то различіе, что венеды — народъ осѣдлый. Писатели VI вѣка, готъ Іорнандъ и византійцы Прокопій и Маврикій уже хорошо знаютъ славянъ, подъ именами славяне и анты и помѣщаютъ первыхъ между Вислой и Днѣпромъ, а вторыхъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Предгорья Карпатъ были такимъ образомъ древнѣйшими мѣстами славянскихъ поселеній. Отъ Карпатъ [отъ Дуная] ведетъ славянъ на Днѣпръ и наша лѣтопись. Славяне шли съ Дуная, тѣсни-

мые волхами [неизвѣстнымъ народомъ] и посели лись на русскихъ рѣкахъ раздѣляясь на племена: Поляне сѣли на среднемъ Днѣпрѣ, Древляне на Припети, Дреговичи на Березинѣ, Полочане на западной Двинѣ, Сѣверяне — по Деснѣ, Радимичи по Сожи, Кривичи на водораздѣлѣ з. Двины и Днѣстра. Ильменскіе славяне на Ильменѣ и Волховѣ; Тиверцы и Уличи на нижнемъ теченіи Днѣпра и Днѣстра, Волыняне [бужане, дулебы] по западному Бугу.

Повѣствованіемъ лѣтописи о жизни всѣхъ этихъ племенъ и начинается исторія Руси. Въ дополненіе къ даннымъ нашего лѣтописца о первыхъ порахъ нашей исторіи, привлекаются историками и всѣ извѣстія иноземныхъ писателей какія только извѣстны въ настоящее время. Съ помощью ихъ и рѣшаются вопросы о формахъ первоначальнаго быта славянъ и о началѣ государственной жизни на Руси.

Но раньше чѣмъ приступить къ знакомству съ этими (~~предметами~~) вопросами, слѣдуетъ остановиться на томъ замѣчаніи что славянскія племена въ началѣ своей исторіи не владѣли всей территоріей нынѣшней европейской Россіи. На сѣверъ отъ нихъ, отъ Балтійскаго моря до Урала, жили многочисленныя финскія племена. При Балтійскомъ морѣ въ бассейнѣ рѣки Нѣмана

сидѣли племена литовскія. По Камѣ и средней Волгѣ были владѣнія тюркскаго народа Болгаръ, а на нижней Волгѣ и Донѣ было государство тюркскаго же народа хазаръ управлявшееся ханомъ носившимъ титулъ кагана. Не останавливаясь теперь на подробномъ изложеніи данныхъ обо всѣхъ этихъ народахъ, мы будемъ еще говорить о нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Общественный бытъ древнихъ славянъ.

Мы познакомились съ тѣми извѣстіями о славянахъ, которыя позволяютъ намъ сказать, что русскіе до начала самобытнаго политическаго существованія имѣли нѣсколько вѣковъ примитивной жизни. Тѣ же древніе писатели раскрываютъ намъ черты первоначальнаго быта славянъ, съ которыми интересно ознакомиться, чтобы уяснить себѣ въ какомъ положеніи, на какой степени общественнаго развитія застаетъ славянъ исторія? Придя въ предѣлы теперешней Россіи, въ Поднѣпровье, славяне не нашли здѣсь такой культуры и цивилизаціи какъ германское племя, вторгшееся въ Западно-Римскую имперію. Послѣдніе сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы, славяне же предстаютъ передъ нами въ достаточной чистотѣ примитивнаго быта. Объ этомъ бытѣ еще въ XVIII вѣкѣ сложилось два воззрѣнія.

Представителемъ перваго былъ извѣстный Шлёцеръ, другая же теорія получила окончательное развитіе въ «Исторіи русской жизни» современнаго намъ ученаго И. Е. Забѣлина. Шлецеръ представлялъ себѣ первоначальный бытъ словянъ не выше быта дикарей Ирокезцевъ. Еще лѣтописецъ говорилъ, что Славяне „живяху звѣриньскимъ образомъ", такъ думалъ и Шлецеръ. Первыя смѣна гражданственности и культуры, по его мнѣнію были брошены Варягами, которые вызвали славянъ на историческую арену. Это взглядъ очевидно крайній. Забѣлинъ же [«Исторія русской жизни 2 тома М 1876-1879 г.] рисуетъ намъ бытъ славянъ русскихъ въ IX-X вѣкахъ очень сложнымъ и развитымъ и впадаетъ по этому въ иную крайность. Отрѣшимся отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и разсмотримъ какія несомнѣнныя данныя для выясненія этого вопроса можемъ мы найти у древнихъ историковъ?

Прежде всего славяне народъ не кочевой, а осѣдлый. Уже Тацитъ, который сближаетъ ихъ съ Сарматами, отмѣчаетъ, что они были дикимъ народомъ, но отличались отъ Сарматовъ тѣмъ, что жили осѣдло и строили дома. Осѣдлость Славянъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что главный капиталъ ихъ состоялъ не въ стадахъ и табунахъ, а въ землѣ, и хозяйство было основано на эксплоатаціи земли. Но осѣдлость Славянъ была не прочна, такъ какъ истощивъ пашню въ одномъ мѣстѣ, они легко покидали

жилище и искали другого, какъ только пашня пере ставала давать урожай. Такимъ образомъ поселки славянъ имѣютъ первоначально очень подвижной харак теръ. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ и гре ческіе писатели и лѣтописецъ, который говоритъ о Древлянахъ и Вятичахъ, такъ, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые по словамъ лѣтописца „живяху звѣрин скимъ образомъ", уже къ началу лѣтописи „дѣлаютъ нивы своя и земля своя."

Страны, въ которыхъ приходилось жить и пахать Славянамъ, были лѣсныя, поэтому рядомъ съ земле дѣліемъ возникаетъ и эксплоатація лѣсовъ, развива ются лѣсные промыслы: бортничество, охота съ цѣлью промышленною. Воскъ, медъ и шкуры были искони предметами торговли, которыми славил ась Россія на Дунаѣ. Святославъ, напримѣръ, желая остаться на Дунаѣ говорилъ: «хочю жити въ Переясла вцы на Дунай, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся... [перечисляетъ, что привозят изъ Греціи и Рима, а о Руси говоритъ:]... изъ Руси же скора и медъ, воскъ и челядь.» Охота на пушнаго звѣ ря составляла одинъ изъ основныхъ промысловъ Славянъ, точно такъ же, какъ и издѣлія изъ дерева: лодки и т. п. Конечно это обусловливалось тѣмъ, что пашня Славя нина стояла въ лѣсу. Вотъ такимъ образомъ, хозяй ство, въ которомъ, мы какъ мы видимъ, всѣ отрасли

промышленности тѣсно связаны съ землею.

Другая сторона хозяйственной жизни славянъ заключалась въ торговлѣ. Давно уже на пространствѣ отъ южнаго прибрежья Балтійскаго моря до Урала находятъ клады съ арабскими [куфическими] монетами, относящимися къ VIII, даже и къ VII вѣку [693 г.] Если принять во вниманіе, что у Арабовъ былъ обычай при каждомъ новомъ ханѣ перечеканивать монеты, то можно приблизительно точно опредѣлить время, по крайней мѣрѣ вѣкъ, въ который былъ зарытъ кладъ. На основаніи этого и дѣлаютъ выводъ, что въ VIII, IX и X вѣкѣ, тѣ народы, которые жили на Руси, вели торговлю съ Арабами. Эти археологическія предположенія совпадаютъ съ разсказами Арабскихъ писателей, которые передаютъ намъ, что Арабы торговали въ предѣлахъ и нынѣшней Россіи и между прочимъ съ народомъ Россъ. Велась торговля, вѣроятно рѣчными путями, по крайней мѣрѣ клады своимъ мѣстонахожденіемъ намекаютъ на это. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить, напримѣръ по тому, что у Великихъ Лукъ найденъ кладъ, оцѣненный въ семь тысячъ рублей. Возможность зарыть въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ что торговля велась большими капиталами. Въ торговлѣ съ Востокомъ для Славянъ большое значеніе имѣли Хозары, которые покоривъ южныхъ славянъ, открыли имъ безопасный путь къ Каспійскому морю. Подъ покровительствомъ

этихъ же хозаръ Славяне проникли и въ Азiю. Это было одно направленiе торговли славянъ-русскихъ. Второе ведетъ насъ на югъ. Древнiй договоръ Олега съ Греками показываетъ, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что въ X вѣкѣ сложились уже опредѣленные формы и традицiи торговыхъ сношенiй. Указываютъ и на 3^{iй} торговый путь, который шелъ изъ Руси въ Западную Европу. Профессоръ Васильевскiй, основываясь на хорошихъ данныхъ говоритъ, что Славяне въ глубокой древности подъ именемъ „ругов" были постоянными торговыми гостями на верхнемъ Дунаѣ. Такимъ образомъ свѣдѣнiя, которыя мы имѣемъ отъ древнѣйшей поры показываютъ, что рядомъ съ земледѣлiемъ Славяне занимались и торговлею. А при такомъ условiи мы можемъ предположить у Славянъ раннее существованiе городовъ, какъ торговопромышленныхъ центровъ. Этотъ выводъ, - выводъ несомнѣнный, проливаетъ яркiй свѣтъ на нѣкоторыя явленiя древней Кiевской жизни.

Хотя писатель Iорнандъ и утверждаетъ, что у Словянъ не было городовъ, тѣмъ не менѣе съ перваго же времени исторической жизни Славянъ, мы видимъ у нихъ признаки развитiя городской жизни. Скандинавскiя саги, знакомыя съ Русью зовутъ ее „Гордарикъ" т. е. страна городовъ. Лѣтопись уже не помнитъ времени возникновенiя на Руси многихъ городовъ: они были „изначала" Главнѣйшiе города древней Ру-

си [Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ] всѣ расположены на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ и имѣли значеніе именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вотъ тѣ несомнѣнныя данныя о первоначальномъ бытѣ славянъ, которыя показываютъ, что послѣдніе были далеко не дикимъ народомъ, что лѣтописецъ впалъ въ неточность, говоря, что въ большинствѣ своемъ они „живяху звѣриньскимъ образомъ"; но съ другой стороны у насъ нѣтъ никакой возможности утверждать что этотъ бытъ достигалъ высокихъ степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацію имѣли Славяне? Разрѣшеніе этого вопроса вводитъ насъ въ интересную полемику.

Бытъ Славянъ несомнѣнно въ началѣ былъ племенной. На первыхъ страницахъ лѣтописецъ постоянно называетъ ихъ по племенамъ, но читая лѣтопись далѣе, мы видимъ что имена Полянъ, Древлянъ, Вятичей, и т. п. постепенно исчезаютъ и замѣняются разсказами о волостяхъ: «Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне, и Полочане, и вся власти [т. е. волости] яко же на думу на вѣча сходятся,» — говоритъ лѣтописецъ и подъ именемъ этихъ „властей" разумѣетъ не членовъ какого нибудь племени, а жителей городовъ и волостей. Такимъ образомъ бытъ племенной постепенно переходитъ въ бытъ волост-

ной. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но нужно рѣшить изъ какихъ же мелкихъ союзовъ состояли сперва племена, а затѣмъ волости? Какая связь скрѣпляла людей: родовая, или сосѣдственная территоріальная? Дерптскій профессоръ Эверсъ въ 1826 г. издалъ книгу „Das älteste Recht der Russen,“ въ которой впервые попробовалъ дать научный отвѣтъ на эти вопросы, (его книга переведена и по русски). Во 1-хъ онъ отмѣчаетъ у Славянъ фактъ общаго владѣнія при отсутствіи личной собственности; во 2-хъ въ лѣтописи постоянно упоминается о родѣ: „живяху родомъ,“ „воста родъ на родъ,“ Святославъ „имаше за убіенные глаголя: яко родъ его возьметъ“; и въ 3-хъ Русская Правда умалчиваетъ о личной поземельной собственности. На основаніи этихъ данныхъ и создается теорія, по которой Славяне на первыхъ ступеняхъ жизни жили родомъ, составленнымъ по образцу Римскаго т. е. жили обществами построенными на родовыхъ началахъ, во главѣ рода стояла властъ родовладыки — авторитетъ патріархальный. Со смертью родоваго патріарха родовая собственность не дѣлилась и движимое и недвижимое имущество все находилось во владѣніи рода. Родовой бытъ дѣйствительно исключалъ возможность личнаго владѣнія. Теорія Эверса была принята нашею школою родоваго быта" Соловьевъ и Кавелинъ развили ее и перенесли въ сферу политической исторіи.

Но когда родовая теорія легла въ основаніе всей нашей исторіи она встрѣтила безпощаднаго критика въ лицѣ извѣстнаго Славянофила К. С. Аксакова, выступившаго со статьею „о древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности,“ и историковъ юристовъ Бѣляева и Лешкова. Они утверждаютъ что слово „родъ“ въ лѣтописи употребляется не какъ римское „gens,“ но имѣетъ нѣсколько значеній, такъ какъ иногда подъ нимъ подразумѣвается семья [въ сказаніи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ], иногда родъ [въ призваніи князей]; стало быть народъ, а съ нимъ и лѣтописецъ подъ этимъ словомъ понималъ различныя вещи. Общее же владѣніе и отсутствія личнаго землевладѣнія могутъ доказывать не родовые формы быта, а общинную организацію. Подъ ударами критики родовое ученіе потеряло свою непреложность; стали говорить что родовой бытъ существовалъ лишь во времена глубокой древности, быть можетъ во времена доисторическія, а затѣмъ замѣнился общиннымъ. Ученіе объ общинѣ было развито Аксаковымъ и Бѣляевымъ. По ихъ мнѣнію Славяне жили общиною, не на основаніи физіологическихъ, кровныхъ началъ, а на основаніи общаго сожительства на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и единства хозяйственныхъ, матеріальныхъ интересовъ. Общины управлялись властью избранныхъ старшинъ, т. называемымъ вѣчемъ. Мелкія общины или верви сливались въ волости, которые были общинами уже политическими. Въ первоначальныхъ разсужденіяхъ объ общинѣ было много неопредѣленнаго. Гораздо удачнѣе, конкретнѣе поставилъ вопросъ о первоначальномъ бытѣ Славянъ профессоръ Одесскаго [нынѣ Варшавскаго] университета Леонтовичъ (его поддерживалъ Бестужевъ-Рюминъ). Взгляды Леон-

товича извѣстны подъ названіемъ задружно общиннаго быта. По этой теоріи родственныя славянскія семьи не прини мали строгой родовой организаціи, но жили, не забывая сво его физическаго родства, уже на началахъ территоріальныхъ, сосѣдственныхъ. Образцомъ подобнаго рода общинъ была Серб ская задруга. Въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ (Ефимен ко и др.) указано было на существованіе своеобразныхъ общинъ архаическаго склада и у русскихъ людей въ историческое уже вре мя. Эти труды окончательно позволяютъ утверждать что у Славянъ на первой стадіи исторической жизни суще ствовалъ своеобразный общинный, а не кровный бытъ.

Если же Славяне не знали исключительности кровнаго быта и слагались въ общины по интересамъ хозяйствен нымъ, то очень легко объяснить себѣ, какъ и почему такъ скоро распался племенной бытъ и замѣнился волостнымъ. Города становились центрами для извѣстной области („во лости") которая жила общимъ хозяйственнымъ интересомъ и смотрѣла на городъ, какъ на свое средоточіе. Такъ Новго родъ притянулъ къ себѣ часть Кривичей, Кіевъ притягивалъ не только Полянъ но и Древлянъ, Черниговъ - Сѣверянъ и Вятичей. Такимъ образомъ границы города и его волости не совпадали съ границами племенъ. Племенной бытъ сталъ разлагаться и напротивъ, яснѣе становилось городское устройство, при которомъ города, имѣя свое вѣче, посредствамъ его управляли и волостями. Однако рядомъ съ вѣчемъ, независимо отъ призванія Варяже скихъ князей, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы видимъ

существованіе княжеской власти. Въ Полоцкѣ былъ свой князь, у Древлянъ были князья, о которыхъ лѣтописецъ говоритъ что „они добры суть." Асколъдъ и Диръ были нѣкѣмъ инымъ, какъ такими мѣстными князьями, неизвѣстно откуда пришедшими. Олегъ уничтожилъ ихъ, но онъ же требовалъ съ Грековъ дани не только на дружину свою но и на города:, по тѣмъ бо городамъ сѣдяху великіи князи подъ Олегомъ суще."

Трудно объяснить власть и происхожденіе этихъ князей, изъ которыхъ одни носятъ характеръ городскихъ охранителей, другіе - племенныхъ вождей. Несомнѣнно одно, что русскіе славяне на первыхъ порахъ составляли рядъ мелкихъ политическихъ міровъ и управлялисѣ двумя властями: властью городскихъ вѣчей и властью городскихъ и племянныхъ князей. На рубежѣ IX и X вѣковъ эти мелкіе міры были соединены въ одно политическое тѣло силами и способностями Новгородскаго князя Олега.

Кіевская Русь

Образованіе Кіевскаго Княжества.

Вопросъ объ образованіи одного княженія, (Кіевскаго) приводитъ насъ къ вопросу о Варягахъ-Руси, которымъ приписывается водвореніе на Руси политическаго единства и порядка.

Кто же были эти Варяги-Русь, покорившіе сперва Новгородъ, а затѣмъ и Кіевъ? Вопросъ этотъ возникъ въ русской исторіографіи уже давно, но изслѣдованія за 150 лѣтъ на столько осложнили его, что и теперь разрѣшать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двухъ мѣстахъ лѣтописи, мѣстахъ важныхъ, которыя въ сущности и породили варяжский вопросъ: 1) Лѣтописецъ перечисляя племена жившія по берегамъ Балтійскаго моря, говоритъ: „По сему же морю Варяжскому [т.е. Балтійскому] сѣдятъ Варязи," а сосѣдиихъ: „(Варязи) Свеи, Урмане (Норвежцы) Готъ, Русь Англяне...." Все это Скандинавскія племена и Варяги поставленны среди нихъ; о славянахъ же балтійскихъ говорится въ другомъ мѣстѣ. 2) Далѣе, въ разсказѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: „Идоша за море къ Варягамъ-Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи-Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Англяне, Урмане, другіе же Готѣ тако и си." Такимъ образомъ по словамъ лѣтописи изъ Варяговъ одни назывались Русью, какъ другіе Англянами, Урманами и т.д. лѣтописецъ, очевидно, думаетъ что Варяго-Руссы есть Норманы. На основаніи этихъ и другихъ показаній лѣтописи стали искать болѣе точныхъ свѣдѣній и увидали, что Варяговъ зналъ не только нашъ лѣтописецъ но и Греки. Слово Варягъ писалось съ юсомъ и стало быть произносилось какъ „Варенгъ." Такое слово встрѣчается и у греческихъ писателей и служитъ совершенно опредѣленнымъ понятіемъ.- У Грековъ подъ именемъ Βαραγγοι [варанги] разумѣлись наемныя дружины сѣверныхъ людей, пришедшихъ съ острова Туле [въ Британіи] и служившихъ въ Византіи. Съ тѣмъ же значеніемъ сѣверныхъ дружинъ, встрѣчается сло-

во Waeringer, варанги, и у лѣтописца среднихъ вѣковъ; и арабскіе писатели знаютъ варанговъ какъ Норманновъ. Слѣдовательно „варанги" представляютъ собою нѣчто вполнѣ опредѣленное въ смыслѣ этнографическомъ: -сборную дружину норманскаго происхожденія. Въ послѣднее время удалось, какъ кажется, опредѣлить точно и родину варяговъ т. е. страну Варангію. Удалось это, главнымъ образомъ благодаря одному извѣстію, найденному и напечатанному профессоромъ Васильевскимъ въ его статьѣ: „Совѣты и отвѣты Византійскаго боярина XI вѣка." Этотъ Византійскій бояринъ пересказывая извѣстную сагу о Гаральдѣ, прямо называетъ Гаральда сыномъ короля Варангіи; а извѣстно что Гаральдъ былъ изъ Норвегіи. Такъ отождествляются Норвегія и Варангія, Норвежцы и Варяги. Этотъ выводъ очень важенъ въ томъ отношеніи, что раньше была тенденція толковать слово варанги, какъ техническое названіе бродячаго наемнаго войска [варягъ - врагъ - шатунъ - бродячій]; на основаніи такого толкованія Соловьевъ нашелъ возможнымъ утверждать, что Варяги не представляли отдѣльнаго племени, а только сбродную дружину и не могли имѣть племенного вліянія на Славянъ.

И такъ Варяги - Норманны. Но этотъ выводъ еще не рѣшаетъ такъ называемаго „варяжскаго" вопроса, потому что не говоритъ намъ кто назывался именемъ Русь. Лѣтописецъ отождествляетъ

варяговъ и Русь, теперь же ученые ихъ различаютъ и имѣютъ на это свои основанія. У иностранныхъ писателей Русь не смѣшивается съ варягами и дѣлается извѣстной раньше варяговъ. Древніе арабскіе писатели не разъ говорятъ о народѣ Русь и жилища его помѣщаютъ у Чернаго моря, на побережьѣ котораго указываютъ и городъ Русію. Въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами помѣщаютъ Русь въ Черноморьи и нѣкоторые греческіе писатели (Константинъ Багрянородный и Зонара). Два греческихъ житія (Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго), разработанные В. Г. Васильевскимъ удостовѣряютъ присутствіе народа Русь на Черномъ морѣ въ началѣ IX вѣка стало быть раньше призванія Варяговъ въ Новгородъ. И рядъ другихъ извѣстій свидѣтельствуетъ также о томъ, что варяги и Русь дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга и не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя Русь принадлежало не варягамъ а Славянамъ и всегда обозначало тоже что оно значило и въ XII вѣкѣ, т. е. Кіевскую область съ ея населеніемъ. Но есть извѣстія по которымъ нельзя считать „Русь" славянскимъ племеннымъ названіемъ,

Первое изъ этихъ извѣстій — знаменитыя Бертинскія лѣтописи, составлявшіяся въ Карловой монархіи. Въ нихъ говорится что въ 839 году цареградскій императоръ Феофилъ отправилъ пословъ къ Людовику Благочестивому, а съ ними людей: „Rhos vocari dicebant"—

т. е. людей называвшихъ себя Россами, которыхъ послалъ въ Византію ихъ царь, называемый Хаканомъ [„rex illorum Chacanus vocabulo"] Людовикъ спросилъ у нихъ о цѣли ихъ прихода и они отвѣчали что желаютъ вернуться къ себѣ на родину черезъ его, Людовика, землю. Людовикъ заподозрилъ ихъ въ шпіонствѣ и сталъ разузнавать кто они и откуда. Оказалось что они принадлежатъ къ Шведскому племени (eos gentis esse Sueonum). Такимъ образомъ въ 839 году Россовъ относятъ къ Шведскому племени; но этому въ то же время какъ будто противорѣчитъ имя ихъ царя - „Chacanus" - Хаканъ, вызвавшее много различныхъ толкованій. Подъ этимъ именемъ одни разумѣютъ германское скандинавское имя „Гаконъ" другіе же прямо переводятъ это Chacanus словомъ „каганъ" разумѣя козарскаго хана, который назывался титуломъ „каганъ" Во всякомъ случаѣ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей сбиваетъ до сихъ поръ всѣ теоріи Не лучше и слѣдующее извѣстіе: - писатель X^го вѣка Ліутпрандъ Кремонскій говоритъ „Греки зовутъ Russos тотъ народъ который мы зовемъ Nordmannos - по мѣсту жительства, (a positione loci);" и тутъ же перечисляетъ народы „Печенѣги, Козары, Руссы, которыхъ мы зовемъ Норманнами". Очевидно тутъ авторъ окончательно запутался: сначала онъ говоритъ что Руссы - это Норманны потому что они живутъ на сѣверѣ, а вслѣдъ за

тьми помѣщаетъ ихъ съ хозарами и печенѣгами на югѣ Россіи.

Такимъ образомъ, опредѣляя Варяговъ какъ Скандинавовъ, мы не можемъ опредѣлить Руси. По однимъ извѣстіямъ Русь — тѣ же Скандинавы, по другимъ Русь живетъ у Чернаго, а не Балтійскаго моря, и въ сосѣдствѣ съ хозарами и печенѣгами. Самый надежный матеріалъ для опредѣленія національности Руси — остатки ея языка очень скуденъ. Но на немъ то главнымъ образомъ и держится такъ называемая „Норманская школа" Она указываетъ что собственныя имена князей — Руси — норманскія Рюрикъ (Hrœrikr) Аскольдъ (Осколдъ Höskuldr) Труворъ (Труваръ, Торвардъ), Игорь (Ингваръ) Олегъ, Ольга (Helgi, Helga; у Константина Багрянороднаго наша Ольга называется "Ἔλγα), Рогволодъ (Рагнвальдъ), — всѣ эти слова звучатъ по германски. Названія Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго приведены по русски и по славянски; имена русскія звучатъ не по славянски и объясняются изъ германскихъ корней (Эссупи, Ульворси, Геландри, Эйфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ). И напротивъ, тѣ имена, которыя Константинъ Багрянородный называетъ славянскими дѣйствительно славянскія (Островунипрахъ, Неясыть, Вулнипрахъ, Веруци, Напрези). Въ послѣднее время нѣкоторые представители норманской школы, настаивая на различіи Ру-

сн и славян ищут Руси не на Скандинавском Сѣверѣ, а въ остаткахъ тѣхъ Германскихъ племенъ, которые жили въ первые вѣка нашей эры у Черного моря; такъ профессоръ Будиловичъ находитъ возможнымъ настаивать на готскомъ происхожденіи Руси, самое слово Русь или Росъ производя отъ названія готскаго племени Hroþs (произносится „Гросъ") Цѣнныя изслѣдованія Васильевскаго давно идутъ въ томъ же направленіи, и отъ нихъ можно ждать большихъ результатовъ.

Въ такомъ состояніи находится нынѣ варяго-русскій вопросъ. (Доступнѣйшее его изложеніе въ трудѣ датскаго ученаго Вильгельма Томсена, русскій переводъ котораго „Начало русскаго государства" изданъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общества Ист. и Древн." за 1891 г. книга I и отдѣльною книгою.) Наиболѣе авторитетныя силы нашей научной среды все держатся воззрѣній той Норманнской школы, которая основана еще въ XVIII вѣкѣ Байеромъ и совершенствовалась въ трудахъ позднѣйшихъ ученыхъ (Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевскаго.) Рядомъ съ ученіемъ господствующимъ давно существовали и другія изъ которыхъ большую пользу для дѣла принесла такъ называемая Славянская школа. Представители ея (начиная съ Ломоносова, продолжая Венелиновымъ и Морошкинымъ далѣе Гедеоновымъ и наконецъ Иловай

скимъ) пытались доказать что Русь всегда была славянской. Оспаривая всѣ доводы школы Норманской, эта Славянская школа заставила не разъ пересматривать вопросъ и привлекать къ дѣлу новые матеріалы. Книга Гедеонова: „Варяги и Русь" (два тома СПб 1876) заставила многихъ норманнистовъ отказаться отъ слиянія Варяговъ и Руси и тѣмъ самымъ сослужила большую службу дѣлу. Что касается до иныхъ точекъ зрѣнія на разбираемый вопросъ, то о нихъ можно упомянуть лишь для полноты обзора: Костомаровъ одно время настаивалъ на Литовскомъ происхожденіи Руси, Щегловъ на происхожденіи финскомъ.

Знать положеніе Варяго-русскаго вопроса для насъ важно въ одномъ отношеніи. Даже не рѣшая вопроса къ какому племени принадлежали первые князья русскіе съ ихъ дружиною, мы должны признать, что частыя извѣстія лѣтописи о Варягахъ на Руси указываютъ на сожительство Славянъ съ людьми чуждыхъ и именно германскихъ племенъ. Каковы же были отношенія между ними и сильно ли было вліяніе Варяговъ на жизнь нашихъ предковъ? Вопросъ этотъ не разъ поднимался и въ настоящее время можетъ считаться рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что Варяги прошли безъ воздѣйствія на основныя формы общественнаго быта нашихъ предковъ-славянъ. Водвореніе Варяжскихъ князей въ Новгородѣ а затѣмъ въ Кіевѣ не принесло съ собою ощутительнаго

чуждаго вліянія на жизнь славянъ, и сами пришельцы князья и ихъ дружины подверглись на Руси быстрой славянизаціи.

Итакъ вопросъ о началѣ государства на Руси, связанный съ вопросомъ о появленіи чуждыхъ князей, вызвалъ рядъ изысканій, не позволяющихъ вполнѣ вѣрить той лѣтописной легендѣ, которая повѣствуетъ о пришествіи въ Новгородъ варяга Рюрика съ родомъ своимъ по имени Русь. Если съ другой стороны въ Новгородѣ и осѣлъ посторонній славянамъ князь, то это былъ одинъ изъ многихъ мѣстныхъ князей, и не съ него слѣдуетъ начинать исторію политической власти, подчинившей себѣ всю землю русскихъ славянъ.

Мы уже видѣли, что племенной бытъ славянъ постепенно переходилъ въ бытъ волостной: городъ дѣлался центромъ для окружающихъ его общинъ, пріобрѣталъ вліяніе и власть надъ ними. Городскія вѣча и ихъ старѣйшины [„старцы градскіе"] были первою политическою властью у славянъ и рядомъ съ нею существовала по мѣстамъ [въ городахъ и у племенъ] власть князей имѣвшихъ значеніе только въ одномъ городѣ, у одного племени. Такъ возникло много маленькихъ политическихъ міровъ, которые въ IX вѣкѣ были частью подчинены чуждой власти: славяне южные платили дань хозарамъ, а сѣверные были завоеваны варягами, брав

 Директоръ В. Ж. К. [signature]

шили съ Новгорода дань. Если вѣрить лѣтописи, Новгородъ раньше сверг чужую власть и создалъ свою въ лицѣ добровольно принятыхъ князей изъ тѣхъ же Варяговъ. А затѣмъ Новгородскіе князья освободили отъ Хазаръ и южную Русь, объединивъ славянъ подъ своею властью. Такъ создалось у Русскихъ славянъ одно государство съ центромъ въ Кіевѣ.

Что образованіе единаго Кіевскаго княженія произошло именно такъ, доказывается слѣдующею подробностью похода Олега, Новгородскаго князя на Кіевъ. Олегъ отправляясь изъ Новгорода, занимаетъ Смоленскъ и только; но со Смоленскомъ подчинились ему и всѣ Кривичи, которые тянули къ этому городу. Слѣдовательно городъ въ данномъ случаѣ увлекъ съ собою и часть племени. Далѣе, завоевавъ Кіевъ, Олегъ этимъ самымъ подчинилъ себѣ часть Полянъ и Древлянъ. Очевидно отсюда, что племенной бытъ измѣняется въ бытъ городской, раньше чѣмъ въ Кіевѣ появились князья. Изучая этотъ городской бытъ, бывшій первой стадіей политической жизни нашихъ предковъ, мы замѣчаемъ въ немъ признаки опредѣленной власти: мы видимъ въ городахъ какихъ то старѣйшинъ. Это, какъ называетъ лѣтопись, — „старцы градскіе", — происхожденіе и власть которыхъ до сихъ поръ толкуются различно: и теперь еще не выяснено, представляютъ ли они выборную власть, созданную общиной, или же вообще людей высшаго общественнаго класса. Школа родового быта этихъ старцевъ градскихъ понимала какъ родовладыкъ, въ силу свое-

го физическаго старѣйшинства — пользовавшихся вла-стію. Нѣкоторые историки-юристы въ старцахъ ви-дѣли земскихъ бояръ т. е. городскую знать, высокое поло-женіе которой основывалось на ея крупномъ землевладѣ-ніи [Владимірскій - Буданов]. Профессоръ Ключевскій этихъ старцевъ понималъ какъ крупнѣйшихъ представителей торгово-промышленнаго класса, державшихъ въ своихъ рукахъ главный капиталъ страны; это такъ называемая торговая аристократія. Какъ ни понимать про-исхожденіе этихъ старцевъ, ясно одно, - что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высшимъ классомъ до-княжескаго общества.

Рядомъ со старшинами, въ городахъ древней Руси, стоитъ вѣче, то есть собраніе полноправныхъ граж-данъ города, домохозяевъ, главъ семей (невыдѣленные сы-новья на вѣче ходить, кажется, не могли). Желая поле-нить функціи вѣчевыхъ собраній, лѣтописецъ говоритъ, что горожане „сходятся на вѣче, какъ на думу, и на чемъ порѣшатъ старшіе города, на томъ станутъ и при-городы." Это подтверждаетъ отчасти мнѣніе, что вѣче имѣло не только хозяйственно-экономическое значеніе для своего города, но и политическое — для всей волости.

Иногда политическія функціи вѣче раздѣляло съ князьями, появлявшимися въ городахъ. Такими мѣст-ными князьями были Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ, Рог-володъ въ Полоцкѣ, Малъ у Древлянъ. Такъ обнаружи-вается съ большою ясностью первая стадія политическа-

го быта славянъ, которую застала при своемъ появленіи норманнская династія Рюрика, давшая начало второй стадіи — княженію Кіевскому.

Происхожденіе этой династіи въ общихъ чертахъ таково. Въ VIII–IX-мъ вѣкахъ весь сѣверъ Европы дѣлается жертвою Норманскихъ военныхъ шаекъ, которыя подъ предводительствомъ „витязей" и „князей" нападали на туземцевъ и организовали свои государства. Нападая на берега Западной Европы, они появляются и на великомъ водномъ „пути изъ Варягъ въ Греки" и осѣдаютъ въ сѣверныхъ славянскихъ городахъ. Эти князья и витязи представляютъ изъ себя на первыхъ порахъ вооруженныхъ искателей приключеній, охраняющихъ за извѣстную плату города и волостныя границы. [Такой характеръ ихъ дѣятельности изслѣдователями былъ замѣченъ давно еще Шлецеромъ] Одинъ изъ этихъ князей наиболѣе сильный, не ограничился владѣніемъ одной своей волости, а сталъ покорять себѣ и другія и мало по малу соединилъ подъ своею властью всѣ восточные славянскія племена; такимъ образомъ и составилось Кіевское княжество, постепенно и не изъ одного города, но изъ всѣхъ городовъ, лежащихъ по Днѣпру. Такова была вторая форма политической жизни древней Руси.

Посмотримъ что разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ. Онъ передаетъ намъ, что сначала Славяне были въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ и вотъ наскучивъ постоянными внутренними раздорами и неурядицами, они

отправили къ Варягамъ, [къ Варяжскому племени Русь] по-словъ съ знаменитой фразой: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжити и володѣть нами." И пришли три брата „съ родъ своими, пояша по собѣ всю Русь," то есть три брата со всѣмъ племенемъ Русь переселились къ Славянамъ. Старшій изъ нихъ Рюрикъ — срубилъ себѣ городъ Ладогу и т. д. (Разбирая эту легенду, историки напали на чрезвычайно сходное съ нею сказаніе англійскаго лѣтописца — Видукинда, что бритты отправили къ Англо-Саксамъ своихъ пословъ почти съ тѣми же словами: „Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam...") Вотъ почему сложился взглядъ, понимающій это преданіе лѣтописи, какъ эпическій, а не историческій разсказъ.

Когда умеръ Рюрикъ, власть перешла въ руки чрезвычайно энергичнаго и талантливаго князя, — Олега. Олегъ недолго пробылъ на сѣверѣ, онъ спустился по великому водному пути, покорилъ всѣ племена, на немъ жившія, и успѣлъ счастливо, безъ особенныхъ усилій завладѣть Кіевомъ, а владѣніе Кіевомъ было чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что Кіевскій князь держалъ въ своихъ рукахъ главный узелъ торговыхъ сношеній съ Греками.

Такъ образовалось Кіевское княжество, объединившее политически большую часть племенъ Русскихъ славянъ.

Замѣчанія о первыхъ временахъ Кіевскаго Княжества.

Обратимся къ изученію исторіи Кіевскаго княжества.

Образованіе государствъ можетъ совершаться различно. Можетъ быть такъ, что извѣстное общество складывается естественно: подъ вліяніемъ мирной дѣятельности, хозяйственныхъ заимокъ постепенно обозначаются тѣ или другія границы занятой племенемъ территоріи, слагаются опредѣленныя общественныя связи и затѣмъ въ обществѣ выдѣляется правящій классъ, господствующій обыкновенно въ силу знатности происхожденія или своего экономическаго преобладанія. Всеобщая исторія показываетъ намъ такимъ образомъ развивавшееся Кельтическое общество, въ которомъ создался рядъ вполнѣ опредѣленныхъ отношеній экономическаго характера и въ силу этихъ отношеній во главѣ общества, какъ его вожаки стали лица, имѣющія большее количество земли и рабочаго скота. Это и была аристократія, господствующій классъ, который мало по малу пріобрѣлъ полное преобладаніе. Таковъ былъ ростъ общества, совершавшійся въ силу кровныхъ и экономиче-

скихъ связей. Но бываетъ и иначе. Извѣстное общество уже сложилось, въ немъ образовалась или образуется и политическая власть; но вдругъ появляется непріятель, захватываетъ въ свои руки путемъ открытаго насилія политическое преобладаніе и власть и вмѣстѣ съ этимъ перерабатываетъ и всѣ прежнія общественныя отношенія. Такъ было въ Западной Римской имперіи, когда въ нее вторглись Германцы, заняли первое мѣсто въ старомъ обществѣ и захватили себѣ земли. Экономическій порядокъ, который существовалъ здѣсь раньше, перестроился къ выгодамъ господствующаго политическаго класса.

Который же изъ этихъ порядковъ имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ? Мы видимъ что племенной бытъ Славянъ естественно измѣнялся въ волостной и въ этомъ, уже сложившемся организмѣ общественной жизни, возникла власть Варяжскихъ князей. Чрезвычайно важно опредѣлить: отразилось ли вліяніе этихъ князей съ ихъ дружинами на общественныхъ отношеніяхъ Славянъ или нѣтъ? Судя по историческимъ даннымъ, мы скорѣе можемъ сказать — нѣтъ. Вліяніе Варяговъ было крайне ничтожно; они не нарушали прежняго порядка общественной жизни. Но въ такомъ случаѣ невольно возникаетъ вопросъ: какую же роль играли князья, въ чемъ заключалась ихъ дѣятельность и какова была ихъ власть? Власть ихъ была на столько неопредѣленна и своеобразна, что ее чрезвычай-

но трудно уложить въ готовыя формулы. Вообще говоря, теорія государственнаго права различаетъ три главныхъ вида политической власти. Первый выростаетъ на основаніи кровныхъ связей слѣдующимъ путемъ: постепенно развивается аристократическій (господствующій) родъ и его родовладыка признается родовладыкою и вмѣстѣ политическою властью всего племени. — Такой власти присвоено названіе власти патріархальной; она является у народовъ кочевыхъ и полукочевыхъ. Второй видъ есть такъ называемая вотчинная или патримоніальная власть: извѣстное лице считаетъ своею собственностью всю территорію племени, а въ силу этаго и людей, живущихъ на территоріи, признаетъ подвластными себѣ. Такой типъ власти наблюдается у насъ въ удѣльный періодъ XIII, XIV и XV вѣковъ въ очень чистой формѣ. Третій видъ власти зиждется уже не на кровныхъ родовыхъ началахъ и не на территоріальной основѣ, а на основаніи болѣе сложномъ. Современная намъ политическая власть возникаетъ на почвѣ національнаго самосознанія, когда племя, сознавая свое единство племенное и вѣроисповѣдное, сознаетъ и свое историческое прошлое, обращается въ націю съ національнымъ самосознаніемъ. И такой моментъ былъ въ исторіи Руси впервые въ XV–XVI вѣкѣ (16)

Что же касается до власти варяжскихъ князей, то она въ сущности не подходитъ ни къ одному изъ указан-

ныхъ типовъ: во первыхъ Варяжскіе князья не могли господствовать въ силу кровнаго начала; во вторыхъ они не считали землю своею собственностью, и въ третьихъ самое понятіе земли русской впервые слагается на глазахъ исторіи въ устахъ, прежде всего, князя Святослава, который говорилъ своимъ воинамъ: „не посрамимъ земли русской!" Кіевскіе князья въ сущности представляютъ собою защитниковъ земли страны, которые за извѣстную плату охраняютъ общество отъ непріятеля. Читая скудныя свидѣтельства лѣтописи, мы видимъ, что главная дѣятельность князей заключалась въ томъ, 1) что они устанавливаютъ внѣшній порядокъ въ странѣ, 2) „рубятъ" города, сажаютъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ, и 3) собираютъ съ населенія дань. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ: или покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ, на княжескій дворъ, — это такъ называемый „повозъ", или же князь самъ съ дружиной отправлялся за нею, — это такъ называемое „полюдье". Константинъ Багрянородный сообщаетъ объ этомъ слѣдующія интересныя подробности. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ только устанавливался зимній путь Кіевскіе князья отправлялись на полюдье по всѣмъ своимъ волостямъ; собирали они дань большею частью натурою, тутъ же чиня судъ и расправу. Въ этомъ блужданіи проходила цѣлая зима и лишь въ апрѣлѣ, когда вскроется Днѣпръ, князья возвращались въ Кіевъ, а

за ними везли дань, которую тотчас же перегружали на ладьи, а затѣмъ отправляли въ Константинополь для продажи. Во время такихъ путешествій князья основывали города на окраинахъ земли или устраивали опредѣленные административные центры. О томъ, какъ Ольга собирала дань лѣтописецъ говоритъ: „въ лѣто 6455 иде Вольга Новугородуи устави по Мьстѣ погосты и дани.“ Игорь, какъ намъ извѣстно погибъ во время сбора дани. Князья управляли совершенно примитивными средствами, земли дробились на волости и въ каждой волости сидѣлъ намѣстникъ — „княжій мужъ“ власть котораго была приблизительно такая же какъ и власть князя, они тоже собирали дань и иногда даже успѣшнѣе князей, покрайней мѣрѣ дружина Игорева говоритъ: „отроци (т. е. дружина) Свѣнелъ жи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази.“ (Свѣнельдъ одинъ изъ дружинниковъ Игоря).

Вотъ первая функція Кіевскихъ князей; во 2-омъ періодѣ дѣятельность князей опредѣляется улучшеніемъ городской администраціи, судомъ и собираніемъ дани. Но кромѣ того князья обязаны были охранять границы своей земли и торговые пути. Въ то время какъ нарождалось Кіевское княжество, внѣшніе враги съ востока не могли тревожить Руси. Племена хозаръ выдержи-

вали свою последнюю, предсмертную борьбу съ Печенѣгами и Уграми и закрывали отъ нихъ Русь. Но Печенѣги мало по малу сломили силу хозаръ, а затѣмъ прорвались въ южныя степи въ Поднѣпровье. Противъ нихъ кіевскіе князья и принимали рядъ мѣръ: прежде всего граница Руси со стороны южной степи была правильно укрѣплена. Одинъ изъ западныхъ миссіонеровъ монахъ Бруно, бывшій въ Кіевѣ въ 1007 году, даетъ ея описаніе: она представляется ему крѣпкимъ частоколомъ съ воротами. Русскій князь (Владиміръ) самъ проводилъ этаго миссіонера до воротъ и сказалъ ему что тутъ кончается его земля. Третья и нужно замѣтить очень сложная задача князей заключалась въ покровительствѣ торговлѣ. Русь въ VIII - IX вѣкахъ торговала съ Востокомъ, преимущественно съ Арабами, но когда появляются Печенѣги, эти сношенія прекращаются и у Руси остается одинъ торговый путь - съ Византіей - черезъ Днѣпровскіе пороги, Чернымъ морелъ до Босфора. Но путь этотъ былъ крайне опасенъ: Печенѣги сидѣвшіе на низовьи Днѣпра, грабили русскіе караваны и противъ нихъ то и направлялись силы князей. Обыкновенно съ княжескими караванами шли и частные, ихъ провожала дружина, которая въ опасныхъ мѣстахъ высаживалась и прогоняла Печенѣговъ, стороженъ.

шихъ богатую добычу; затѣмъ караваны благополучно достигали Византіи. Провожать караваны изъ Кіева въ Византію и обратно было прямою обязанностью князя. Изъ договоровъ кіевскихъ князей съ греками дошедшихъ до насъ мы можемъ заключить, во первыхъ, что торговыя отношенія русскихъ и Византіи были уже весьма развиты и хорошо регламентированы, и во вторыхъ что отношенія къ Византіи были не всегда мирныя: до XII^го вѣка мы насчитываемъ шесть походовъ, или семь: Аскольда и Дира, Олега и послѣдующихъ князей; походы эти заканчивались мирными договорами, и всѣ эти договоры носятъ торговый характеръ. (Во время подобныхъ походовъ Греки знакомились съ русскими людьми и нужно замѣтить строго различали Славянъ отъ Руси).

Вотъ все что мы можемъ сказать несомненнаго о характерѣ дѣятельности и власти первыхъ русскихъ князей. Историческое значеніе ихъ дѣятельности не трудно уловить. Будучи первою общею властью среди многихъ разрозненныхъ раньше міровъ, Варяжскіе князья съ ихъ дружинами были первыми представителями племеннаго единства. Передвигаясь съ иѣста ~~на~~ въ мѣсто по русской землѣ, соединяя города и племена въ общихъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, князья соединяли этимъ почву для національнаго объединенія и національнаго самосознанія. Сплотивъ государство внѣшнимъ образомъ, они

зоздавали и возможность внутренняго сплоченія другимъ, и болѣе могучимъ факторомъ объединенія послужило христіанство, первыми представителями котораго у Славянъ были, кажется, тѣ же Варяги. Варяги, какъ кажется, очень легко забывали свои божества подъ вліяніемъ и христіанства и славянскихъ языческихъ представленій. Въ X вѣкѣ среди русскихъ славянъ – и до Владиміра Св. христіанство было уже замѣтно распространено. Крестилась княгиня Ольга, среди Игоревой дружины было много христіанъ, какъ это видно изъ договора съ Греками, до формальнаго крещенія Руси въ Кіевѣ уже есть „соборная" церковь св. Ильи; христіанство проникло къ Славянамъ одновременно съ Варягами, но окончательно восторжествовало при Владимірѣ. Разсказъ лѣтописи о крещеніи Руси, передаетъ дѣло такимъ образомъ: къ великому князю Владиміру, узнавъ, что онъ хотѣлъ мѣнять свою вѣру, приходили послы отъ разныхъ народовъ, Нѣмцевъ, Хозарскихъ Евреевъ, Болгаръ, и каждый хвалилъ свою вѣру, но ни одна изъ нихъ не понравилась Владиміру. Наконецъ пришли Греки и изложивъ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, показали ему картину страшнаго суда. Подъ вліяніемъ этой картины Владиміръ, посовѣтовавшись съ дружиной и старцами градскими отправляетъ пословъ въ тѣ государства, откуда приходили къ нему проповѣдники. Послы вер-

нувшись восхваляли греческую вѣру, они говорили „что всякъ бо человѣкъ, аще искуситъ сладка, послѣди горести не пріимаетъ"... такъ и они, видѣвши греческое богослуженіе, не хотятъ опять вернуться къ язычеству. Послѣ этого Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, осадилъ городъ и тамъ принялъ христіанство, женившись на греческой царевнѣ Аннѣ. Есть данныя что разсказъ этотъ былъ составленъ въ началѣ XII вѣка, въ эпоху существованія Іерусалимскаго королевства. Ясно что мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, какъ оно слагалось въ умахъ русскаго народа черезъ столѣтіе послѣ факта крещенія Руси. Любопытно то явленіе, что объ этомъ фактѣ крещенія, сказанія иностранцевъ не даютъ намъ ничего точнаго. Крещеніе Руси прошло незамѣченнымъ даже въ Византіи; а любопытнѣйшія показанія араба – Бенъ-Яхъи о походахъ Владиміра и крещеніи еще не достаточно разобраны и истолкованы.

Достовѣрно однако то, что христіанство до конца X^го вѣка становится на Руси господствующей религіей и оказываетъ громадное вліяніе на общество, даже и на такія стороны его жизни, которыя по видимому имѣютъ мало общаго съ религіознымъ міровоззрѣніемъ народа.

Для того чтобы уяснить себѣ до какой степени отразилось уничтоженіе язычества на всей

внутренней жизни нашихъ предковъ, нужно бросить общій взглядъ на культурное состояніе тогдашняго Кіевскаго княжества. Кіевское княжество не представляло собою одной сплотившейся національности съ однообразнымъ уровнемъ культуры. Напротивъ того, бытъ населенія былъ крайне разнообразенъ: въ то время какъ племена Древлянъ и Вятичей пребываютъ въ примитивной формѣ племенного „звѣринскаго" быта, племена селящіеся по Днѣпру (къ низовью) потеряли племенную, кровную связь и пріобрѣли связь экономическую, основанную на единствѣ матеріальныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали и замѣтные культурные успѣхи. При неравномѣрномъ развитіи культуры и общественный строй не принималъ однообразныхъ, опредѣленныхъ формъ.

О первоначальномъ составѣ Кіевскаго общества, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Судя по лѣтописи и другимъ историческимъ памятникамъ, около князей стоятъ въ качествѣ сотрудниковъ и совѣтниковъ „княжіе мужи" - это дружина, съ помощью которой князь правилъ страной и собиралъ дань. Дружина представляетъ собой высшій привилегированный классъ общества. Но въ Кіевскомъ обществѣ есть и еще привилегированныя лица стоящіе независимо отъ князя, это - „старцы градскіе". Что старцы градскіе представляютъ собой высшій

классъ, мы уже видѣли, но мы видѣли, что нельзя опредѣлить на какой почвѣ онъ выросъ. Мы не знаемъ, есть ли это крупные землевладѣльцы, или торговые капиталисты, или племенные старшины-родовладыки, или выборныя городскія власти, которыя, не въ силу своего имущественнаго преобладанія, а по выбору общинъ занимаютъ выдающееся положеніе въ странѣ. Послѣдняя полемика относительно старцевъ градскихъ развилась въ 80ыхъ годахъ нашего столѣтія между крупными авторитетами: В. О. Ключевскимъ и М. Ѳ. Владимірскимъ-Будановымъ. Ключевскій полагаетъ что весь строй Кіевской Руси обусловливался торговлей, которую Русскіе вели сперва съ Востокомъ, потомъ съ Византіей, и что градскіе старцы представляли собою людей, чрезъ руки которыхъ проходятъ всѣ торговые обороты, иначе говоря крупнѣйшихъ капиталистовъ страны. Владимірскій-Будановъ смотритъ на „старцевъ" какъ на богатыхъ землевладѣльцевъ, которые именно потому и богаче другихъ, что на ихъ землѣ кормится масса народу – они представляютъ собой высшее общество. Нельзя съ увѣренностью сказать, которое изъ этихъ двухъ мнѣній правильнѣе; пока несомнѣнно только то, что тѣ старцы, съ которыми совѣтуется Владиміръ, – земская аристократія, положеніе которой совершенно не зависитъ отъ князей.

Около князей мы видимъ еще и младшую дружину - отроковъ, гридней. Дружина старшая и младшая представляли собой первый такъ сказать привилегированный классъ. Но кромѣ того, въ составъ Кіевскаго общества входили еще „люди" — а) горожане [люди градскіе] и - б) сельчане (смерды) - это свободное сословіе, и наконецъ третій классъ — рабы [холопи] Эти общественныя группы, 1) высшій классъ, 2) свободныхъ людей и 3) рабовъ, мы находимъ у всѣхъ народовъ Арійскаго племени даже во времена глубокой древности; слѣдовательно, судя по своей простой группировкѣ, Кіевское общество стоитъ не на высокой степени развитія.

Также мало была развита и ихъ религія. Религія Славянъ въ общихъ чертахъ была такова: Славяне имѣли двѣ категоріи божествъ: Первые олицетворяли собою природу, вторыя - душу предковъ. У славянъ они несомнѣнно существовали одновременно. Имена общеизвѣстныхъ Хорса, Дажьбога, Стрибога встрѣчаются въ преданіяхъ Руси даже до XII-го вѣка. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ" еще вѣритъ „великому Хръсови," вѣтры зовеѣтъ „стрибожи внуци," а людей - „Даждьбожими внуками." Гораздо менѣе извѣстны боги другой категоріи - покровители родовыхъ союзовъ - Родъ, Рожаница, Домовой и Щуръ. Внѣшній культъ выражался въ жертвоприношеніяхъ, для которыхъ не было, кажется, опредѣленныхъ мѣстъ, и приносилъ жертвы кто хотѣлъ, вѣроятнѣе всего родовладыки за свой родъ. Жрецовъ, какъ сословія не было, а

а это первый признакъ недостаточно развитого культа. Перечитывая страницы лѣтописи мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на эту неразвитость напримѣръ лишь въ X вѣкѣ Владиміръ ставитъ идоловъ въ Кіевѣ, а до того лѣтопись молчитъ объ нихъ, слѣдовательно внѣшнюю форму религія славянъ стала принимать на памяти Исторіи.

При такой неоформленности общественнаго быта и невыработанности религіознаго сознанія, христіанству легко было вліять на умы молодаго племени. Ученіе Христа не встрѣчалось на Руси съ твердымъ языческимъ міросозерцаніемъ, а православная іерархія, столкнулась съ общественнымъ порядкомъ, еще мало устойчивымъ. Если мы примемъ во вниманіе, что русская среда и до Владиміра была знакома съ христіанствомъ въ Византіи и у себя дома, если мы будемъ помнить, что христіанское вѣроученіе принесено было на Русь на языкѣ славянскомъ то мы объяснимъ себѣ фактъ быстрыхъ успѣховъ новой вѣры въ Кіевской Руси и поймемъ почему новая вѣра глубже повліяла на бытъ нашихъ предковъ. Это вліяніе не ограничилось тѣмъ, что раскрыло языческому міру блага христіанской морали и, установивъ церковь, дало нашимъ предкамъ возможность достигать духовнаго совершенствованія въ церковномъ обществѣ. Новая религія вліяла и на гражданскій бытъ славянъ, и на ихъ государственныя представленія; она создала на Руси возможность высокой куль-

туры; она была могучимъ средствомъ и для побужденія національнаго сознанія.

Нравственное вліяніе христіанской церкви, проводниками котораго были какъ іерархія со своею проповѣдью и дѣятельностью, такъ и первые подвижники, сплоченные въ монашескія общины, касалось не только отдѣльныхъ лицъ и индивидуальной нравственности, но и всего общества и міровоззрѣнія общаго. Съ первыхъ же своихъ шаговъ на Руси, христіанство столкнулось съ крупными общественными явленіями такихъ свойствъ, которыхъ оно не могло терпѣть въ силу своего нравственнаго ученія. И вмѣстѣ съ тѣмъ борьба съ этими явленіями была трудна уже потому, что касалась существеннѣйшихъ сторонъ языческаго быта. Таково было напримѣръ рабство, развитое въ древней до-христіанской Руси и количественно и качественно. Древне-русскій рабъ, соотвѣтствовалъ рабу древнеримскому, который опредѣлялся какъ res [вещь] и instrumentum vocale [говорящее орудіе]. Истребить сразу рабство было невозможно, а церковь съ нимъ мириться не могла при его грубыхъ и тяжелыхъ формахъ. Представители церкви на Руси высказывались противъ рабства, а между тѣмъ новые христіане изъ усердія къ церкви приносили ей въ даръ цѣлыя села съ рабами. Отказаться отъ дара церковь не могла; но сдѣлаться рабовладѣлицей она тоже не могла; на церковной землѣ поэтому положеніе

бовъ очень измѣнялось: — они подчинялись инымъ законамъ и получали иныя права. Церковь обращала рабовъ въ вѣчныхъ арендаторовъ земли дома Божія, рабъ становился условнымъ землевладѣльцемъ и изъ рабочаго животнаго превращался въ человѣка, пользующагося нѣкоторою свободою. И эта перемѣна въ положеніи рабовъ на церковной землѣ вела къ перемѣнѣ ихъ положенія и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Былъ и еще одинъ разрядъ людей, въ Кіевской Руси, который церковь принимала подъ свое покровительство: въ обществѣ въ то время существовалъ обычай, по которому человѣкъ, терявшій связь со своимъ прежнимъ, терялъ положеніе и выкидывался изъ своего общественнаго союза. Это изгой; слово это, происходящее отъ старой формы глагола жить: гоити, въ буквальномъ смыслѣ означаетъ: „изжитой" поставленный внѣ житейскихъ условій человѣкъ. Въ одномъ древнемъ законодательномъ памятникѣ дается такое опредѣленіе изгоямъ: „Изгои трои: — поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство о себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ." По древнему обычаю всѣ эти люди переставали быть тѣмъ чѣмъ прежде были, теряютъ права прежняго состоянія и ставятся какъ бы внѣ защиты закона. Но не такъ думала церковь: передъ нею всѣ были

равны, все одинаково могли расчитывать на ея покровительство; и попов безграмотный сын, и выкупившийся холоп, и задолжавший купец и осиротѣлый князь, становились под покровительство и защиту церкви в ряд с „людьми церковными.“ Вот доказательство того, сколько новаго, чисто реальнаго новаго, внесла в русскую жизнь церковь.

Но она не ограничилась этим случайным влiянiем на общественный быт. В Византiи и на Руси, она имѣла право суда в семейных дѣлах и других. Сфера ея права и ея законы были изложены в законодательный сборник названный „Номоканон“. Болгаре принявшiе христiанство раньше русских, перевели его на свой язык, отсюда „Номоканон“ перешел на Русь в нѣскольких редакцiях [под названием „Кормчей книги“] в которых излагался ряд законодательных постановленiй не только церковно-административнаго, но и судебнаго характера. „Кормчая“ стала таким образом на Руси новым законом с которым в русскую жизнь вторгаются новые элементы: — церковный канон и римское право. Но при этом церковь принимала во вниманiе и русскiе нравы и обычаи, так как дѣятельность свою она развивала в странѣ русской. Руководясь в дѣлах суда и управленiя своего русским пра-

вомъ, церковная іерархія обработывала его и вліяла на его измѣненіе, какъ объ этомъ дошли до насъ свидѣтельства еще отъ временъ Владиміра Святаго. Вотъ цѣлый рядъ тѣхъ юридическихъ послѣдствій котор... влекло за собою для Руси принятіе христіанства.

Но этими явленіями въ сферѣ общественной не ограничилось вліяніе новой церкви на Руси. И политическій порядокъ, существовавшій на Руси не оставленъ былъ безъ вниманія со стороны церковной среды, принесшей съ собою на Русь византійскія понятія о государствѣ. Церковное подчиненіе Кіевскаго митрополита Константинопольскому патріарху было фактомъ обще-признаннымъ, а въ связи съ этимъ церковнымъ подчиненіемъ брошена была на русскую почву и идея о свѣтскомъ подчиненіи русскихъ Византіи. Правда, тѣ немногіе факты, которые свидѣтельствуютъ о существованіи какихъ то обязательныхъ отношеній между Кіевскими князьями и Византійскимъ императоромъ, не даютъ права говорить о правильной политической зависимости Руси отъ Константинополя. Но нѣтъ сомнѣнія что въ идеѣ Византійскій императоръ представлялся русскимъ людямъ, какъ верховный повелитель всего православнаго міра. Въ Кіевскую эпоху эта мысль о политическомъ единствѣ, не получила никакого практическаго примѣненія, но въ эпоху ...е позднѣйшую мы встрѣтимся съ фактомъ ея

господства надъ умами. Большимъ сравнительно значенiемъ пользовалась другая идея, взятая русскими книжниками изъ Византiи; это идея о божественномъ происхожденiи власти. Князья съ точки зрѣнiя этой идеи были лицами, въ своей власти независимыми отъ народныхъ массъ; а при такомъ взглядѣ на дѣло, власть князей должна была считаться болѣе высокой и полномочной. Новая идея направлялась такимъ образомъ въ пользу князей, усиливала ихъ авторитетъ; но въ то же время, она требовала отъ нихъ болѣе серьезнаго отношенiя къ власти: князь, какъ слуга Божiй, не долженъ былъ руководиться иными цѣлями, кромѣ достиженiя общаго блага. Указанные примѣры достаточны для того, чтобы видѣть какого рода политическiя представленiя сообщались русскимъ людямъ и насколько они шли въ разрѣзъ съ фактами ихъ государственной жизни.

Мы не можемъ остановиться на изображенiи культурнаго влiянiя христiанства. Изученiе древнѣйшей русской письменности въ курсѣ исторiи литературы вскроетъ предъ вами тотъ фактъ, что только съ принятiемъ христiанства для русскаго общества открылась возможность усвоенiя славянской письменности созданной трудами Кирилла и Меѳодiя. Только съ конца X вѣка началось книжное просвѣщенiе въ Кiевѣ и Новгородѣ и

хоро дало блестящіе плоды. Скорые успѣхи достигнуты были и русскимъ искусствомъ, которое зародилось, какъ слуга религіи, подъ вліяніемъ Византіи. Намъ очень важно отмѣтить одну сторону культурнаго вліянія новой религіи на народный бытъ. Новая церковная организація, давшая одну іерархію всей землѣ, была могучимъ средствомъ для внутренняго народнаго объединенія, рядомъ съ политическимъ единствомъ, существовавшимъ раньше. Церковь и созданное ею просвѣщеніе пожалуй еще болѣе, чѣмъ князья и созданная ими администрація, подѣйствовали на народное самосознаніе. Въ XI вѣкѣ мы можемъ уже назвать Кіевское княжество политической формой единой народности.

Кіевская Русь XI-XII в.в.

Принятіе христіанства съ его многообразными послѣдствіями представляетъ собой въ исторіи Кіевской Руси тотъ рубежъ, который отдѣляетъ древнѣйшую эпоху отъ эпохи такъ называемой удѣльно-вѣчевой. Изучая періодъ до христіанскій, мы приходимъ къ тому заключенію, что единодержавія въ то время не было; Русь нѣсколько разъ дробилась

на княжества (после Святослава, Владиміра Св.) При
жизни князя отца, сыновья сидѣли намѣст-
никами въ главныхъ городахъ и платили
отцу дань. По смерти отца земля дробилась
на части по числу сыновей; и лишь полити-
ческая случайность приводила къ тому, что въ
концѣ концевъ возстановлялось единодержавіе
[братья, враждуя изъ за наслѣдства обыкно-
венно истребляли другъ друга]. Познакомим-
ся теперь съ группою тѣхъ политическихъ
фактовъ, совершившихся по смерти Ярослава
Мудраго, которые дадутъ намъ первыя понятія
о порядкѣ государственнаго владѣнія въ XI вѣкѣ,
[во второй его половинѣ] и въ XII вѣкѣ. Ярославъ уми-
рая раздѣлилъ землю такимъ образомъ. Старше-
му сыну Изяславу далъ Кіевъ и Новгородъ т. е. два
конца торговаго пути; очевидно что Изяславъ
былъ самый богатый самый могущественный князь.
Второму сыну Святославу Ярославъ далъ Черниговъ;
третьему Всеволоду — Переяславль, (недалеко отъ
Кіева), четвертому, Вячеславу — Смоленскъ; пятый
Игорь-владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ; но у
Ярослава былъ еще внукъ отъ старшаго сына
Владиміра Ярославича, доблестный Ростиславъ,
о которомъ сложилось много легендъ, — ему Яро-
славъ ничего не далъ. Тогда Ростиславъ бросился
самъ на Тмутаракань, захватилъ ее и оста-

вилъ за собою. Старшинство Ярославъ далъ старшему сыну. Но Изяславъ не сумѣлъ поддержать свой авторитетъ: онъ возстановилъ противъ себя Кіевлянъ, которые его изгнали. Возвратясь затѣмъ въ Кіевъ, Изяславъ былъ вторично изгнанъ оттуда братьями; онъ бѣжалъ на Западъ, Кіевскій же столъ занялъ Святославъ; въ Кіевѣ онъ и умираетъ; тогда Кіевъ опять переходитъ къ Изяславу, а Черниговъ въ это время достается Всеволоду. Послѣ смерти Изяслава Кіевскій престолъ занялъ Всеволодъ, а второй городъ Черниговъ Всеволодъ отдалъ своему старшему сыну Владиміру. Дѣтей Святослава онъ совсѣмъ вычеркнулъ изъ общаго наслѣдія какъ изгоевъ, которые не имѣли права на великокняжескій престолъ, ибо отецъ ихъ не могъ бы стать великимъ княземъ, если бы соблюдалъ старшинство и не прогналъ съ престола старшаго брата своего, который его пережилъ. Въ 1093 году умеръ Всеволодъ, оставивъ послѣ себя сына Владиміра, прозваннаго Мономахомъ по имени своего дѣда со стороны матери. Молодой князь не встрѣтилъ бы препятствій со стороны Кіевлянъ, если бы захотѣлъ занять отцевскій великокняжескій престолъ, но не желая новыхъ усобицъ и соблюдая родовое старшинство, Мономахъ предоставляетъ Кіевскій престолъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ

братьев Святополку Изяславичу, который, как старший в роде, имел на великокняжение все права. Этот князь однако не умел соблюдать спокойствие в Русской земле и потому не пользовался народным расположением. В его княжение князья Святославичи, признанные изгоями, со стороны своих дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться политической полноправности; и заявили притязание на Черниговский стол, занятый Мономахом. После долгих смут Любечским съездом 1097 г. права Святославичей на Чернигов были восстановлены и вместе с тем съезд поделил между князьями все русские волости на началах справедливости. Но справедливость была скоро попрана главным ея блюстителем Святополком, который совершил известное насилие над Васильком. Это насилие повлекло за собою новыя усобицы, для прекращения которых был назначен новый съезд. В 1100 году в городе Увятичах или Витичеве, Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собою союз для возстановления мира на Руси.

Когда Витичевским съездом был водворен порядок во внутренних делах, тогда стало возможно подумать и о делах внешних — о борьбе с половцами. Владимир и Святополк

съѣхались на берегу Долобскаго озера [1103 г.] и рѣшили двинуться общими силами на половцевъ. Эти съѣзды Любечскій, Витичевскій и Долобскій показываютъ намъ что въ важныхъ спорныхъ вопросахъ князья — внуки Ярослава — прибѣгаютъ къ съѣздамъ какъ къ высшему учрежденію имѣющему право безапелляціоннаго рѣшенія: События же ихъ вызвавшія свидѣтельствуютъ, что во времена Святополка Русь не пользовалась спокойствіемъ и что нарушителемъ этаго спокойствія часто бывалъ самъ князь. Понятно, почему по смерти Святополка (1113 г.), даже лѣтописецъ, всегда готовый хвалить ~~великаго~~ покойнаго князя, хранитъ о немъ полное молчаніе.

После смерти нелюбимаго князя Кіевляне посылаютъ звать на великокняжескій престолъ Владиміра Мономаха; но Мономахъ, не желая нарушать разъ признанныхъ правъ Святославичей, отказывается отъ великокняжества. Однако, кіевляне, не любившіе Святославичей, не принимаютъ отказа Мономаха и отправляютъ къ нему новое посольство съ тѣмъ же предложеніемъ, угрожая бунтомъ, въ случаѣ отказа. И тогда Владиміръ вынужденъ согласиться и принять Кіевъ. Такъ воля гражданъ нарушила права старшинства, передавъ ихъ въ руки достойнѣйшаго помимо ста-

рытчнаго. Однако это нарушение старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новые усобицы и если при жизни сильнаго и весьма любимаго Мономаха, Святославичи должны были затаить свою ненависть къ невольному похитителю ихъ правъ, то они передали эту ненависть своимъ дѣтямъ; она то и послужила причиной кровавыхъ усобицъ между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода. Но эти усобицы произошли значительно позднѣе. Потомки Святослава Черниговскаго не препятствовали тому, чтобы послѣ смерти Мономаха (1125 г.) старшинство принялъ сынъ его Мстиславъ. Да и не легко было оспаривать у него великокняжескій столъ: Святославичи, по тогдашнимъ понятіямъ, потеряли свои права оттого что не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ, этимъ они понизили свой родъ передъ родомъ Мономаха и утратили, не только въ настоящемъ но и въ будущемъ всякое право на великокняжескій столъ. Со стороны Черниговскихъ князей такъ же не послѣдовало возобновленія притязаній на Кіевъ и тогда, когда (въ 1132 г.) Мстиславъ умеръ и старшинство перешло въ руки брата его Ярополка Владиміровича, что вполнѣ согласовалось съ желаніемъ Кіевлянъ, которые не хотѣли никого кромѣ Моно-

маховичей. Черниговскіе князья не могли протестовать, ибо они были безсильны, пока миръ господствовалъ въ родѣ Мономаха. Въ княженіе Ярополка однако этотъ миръ былъ нарушенъ. Передъ смертью Мстиславъ обязалъ своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну Всеволоду Мстиславичу. Вступивъ на великокняжескій престолъ Ярополкъ поспѣшилъ исполнить предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствіе со стороны младшихъ сыновей Владиміра Мономаха Юрія Ростовскаго и Андрея — Владиміро-Волынскаго. Узнавъ о перемѣщеніи племянника въ Переяславль, они сочли это шагомъ къ старшинству помимо ихъ, и поспѣшили выгнать Всеволода изъ Переяславля. Тогда Ярополкъ водворилъ туда второго Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ, но и это распоряженіе не успокоило младшихъ дядей: въ каждомъ племянникѣ, который сидѣлъ въ Переяславлѣ они видѣли наслѣдника старшинства, будущаго князя Кіевскаго. Чтобы успокоить братьевъ Ярополкъ и Изяслава вывелъ изъ Переяславля и послалъ туда брата своего Вячеслава, но тотъ скоро самъ оставилъ эту область и она была уступлена Юрію Ростовскому.

Враждою между дядями и племянниками

въ потомствѣ Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и рѣшили предъявить свои права на великое княженіе. Обстоятельства сложились благопріятно для Святославичей: Ярополкъ Владиміровичъ скончался въ 1139 году и мѣсто его заступилъ братъ его Вячеславъ, человѣкъ безхарактерный и не способный. Такимъ ничтожествомъ великаго князя воспользовались Святославичи въ лицѣ Всеволода Ольговича; онъ подступилъ къ Кіеву, Вячеславъ не могъ сопротивляться и уѣхалъ въ Туровъ, а Всеволодъ занялъ его мѣсто. Довольно понятно, почему Мономаховичи допустили отрасли Святослава занять старшій столъ: линія Мономаха въ это время не имѣла главы; всѣ старшіе Мономаховичи [Вячеславъ, Юрій, Андрей] были слабые неэнергичные люди, и единственный предпріимчивый человѣкъ, могущій защищать интересы своего рода, былъ старшій сынъ старшаго Мономаховича, Изяславъ Мстиславичъ Владиміро-Волынскій, но онъ находился во враждѣ со старшими членами рода и потому не вступился за права своего дяди Вячеслава. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что старшая сестра Изяслава была замужемъ за Всеволодомъ Ольговичемъ, а по понятіямъ того времени старшій зять почитался за отца.

Въ 1144 году Всеволодъ Ольговичъ въ присутствіи

Ольговичей, Давидовичей, и одного Мономаховича - Изяслава Мстиславича, объявилъ что поступокъ Мономаха и сына его Мстислава, который не обращая вниманія на родъ Святослава, отдали Кіевъ сыну своему, другой брату, что этотъ поступокъ даетъ ему право передать старшинство его брату Игорю, помимо Мономаховичей. Со всѣхъ присутствующихъ была потребована клятва признанія Игоря Ольговича на столъ Кіевскомъ. Такая же клятва была взята и съ Кіевскихъ гражданъ въ 1146 году. Но клятва эта была скоро нарушена. Едва Игорь сѣлъ на столъ, какъ Кіевляне отправили посольство звать на Кіевскій столъ Изяслава Мстиславича. Послѣдній немедленно двинулся къ Кіеву, объявивъ что терпѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода, какъ мужа старшей сестры своей, но что другихъ Ольговичей на Кіевскомъ престолѣ не потерпитъ. Кіевляне перешли на его сторону Игорь былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ, а Изяславъ занялъ великокняжескій столъ.

Въ лицѣ Изяслава родъ Мономаха снова восторжествовалъ надъ родомъ Святослава. Но самовольный захватъ Изяславомъ Кіевскаго стола, вооружилъ противъ него двухъ старшихъ Мономаховичей, двухъ его дядей, Вячеслава, который нѣкогда сидѣлъ въ Кіевѣ, но былъ изгнанъ Всеволодомъ Ольговичемъ и брата Вячеслава Юрія князя Ростов.

скаго. Юрій, недовольный тѣмъ, что старшинство
досталось его племяннику, а не брату началъ
съ Изяславомъ борьбу и одержалъ верхъ. Изяславъ уда-
лился во Владиміръ-Волынскій, а въ Кіевѣ сталъ
княжить Юрій. Но и онъ недолго удержалъ за со-
бой Кіевскій столъ. Изяславу удалось изгнать его
и снова вернуть себѣ Кіевъ, а чтобы обезпечить
себя отъ обвиненій въ самовольномъ захватѣ пре-
стола, онъ пригласилъ въ Кіевъ старшаго дядю
своего Вячеслава, который, довольствуясь поче-
томъ, предоставилъ всю власть племяннику.
Но Юрій не оставилъ своихъ притязаній на
Кіевъ, и несмотря на то что Изяславъ обста-
вилъ дѣло вполнѣ законно, воспользовался первой
удобною минутою и подступилъ къ Кіеву. Изя-
славъ и Вячеславъ оставили городъ и Юрій вто-
рично завладѣлъ имъ, но опять таки не надол-
го. Кіевскіе граждане любили Изяслава и при пер-
вомъ его появленіи перешли на его сторону. Юрій
снова уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ, вѣрный преж-
нему намѣренію сталъ княжить именемъ Вя-
чеслава. Въ 1153 году Изяславъ умеръ; престарѣлый
Вячеславъ вызвалъ другаго своего племянника Ро-
стислава Смоленскаго и Кіевляне присягнули
ему, заключивъ однако договоръ, что онъ будетъ
чтить своего дядю Вячеслава, какъ это дѣлалъ
его покойный братъ. Послѣ же смерти Вяче-

Литографія В. Гудкова Нов. пер. д. 5

Директоръ В. Ж. К.: [signature]

слава Кіевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Станиславичей; но тутъ снова выступаетъ Юрій и престолъ въ третій разъ переходитъ къ нему.

Въ 1157 году Юрій умираетъ и Кіевляне, не любившіе этого князя, хотя онъ и былъ Мономаховичъ, снова зовутъ на княжескій столъ Изяслава Давидовича. Но одинъ изъ младшихъ Мономаховичей Мстиславъ Изяславичъ Владиміро-Волынскій, опасаясь, что кіевскій столъ уйдетъ изъ рукъ Мономаховичей, изгналъ Изяслава изъ Кіева и водворилъ тамъ своего дядю Ростислава, а послѣ смерти его въ 1168 году и самъ занялъ его мѣсто, т.е. великокняжескій столъ. Но въ то же время претендентомъ на старшинство является сынъ Юрія Андрей, котораго Мстиславъ обошелъ, какъ раньше отецъ его Изяславъ, обошелъ дядю своего, Юрія. Одинаковыя отношенія вызвали одинаковыя послѣдствія: упорную вражду. Побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ Андрея; въ 1169 году Кіевъ былъ взятъ, Мстиславъ удалился въ свою Волынскую волость, Кіевъ былъ ограбленъ и сожженъ и самъ побѣдитель не остался въ немъ, а ушолъ на сѣверъ.

Таковы факты политической жизни такъ называемаго Кіевскаго періода. Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать выводъ, что существовалъ въ данное время порядокъ наслѣдованія и владѣнія родовой [отъ брата къ брату и отъ дяди къ племяннику] и что этотъ порядокъ въ первое же время своего существованія терпѣлъ на-

рушенія. Событія времени внуковъ и правнуковъ Ярослава ясно показываютъ, что эти нарушенія были чрезвычайно часты и что насаждованіе столовъ запутывалось до чрезвычайности. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Кіевской Руси поэтому представляетъ много трудностей; онъ вызывалъ массу изслѣдованій и споровъ между историками. Научная полемика здѣсь вращается около двухъ вопросовъ: 1) Что породило и поддерживало раздробленіе на княжества древней Руси. 2) На какомъ принципѣ, при такомъ положеніи дѣлъ держалось единство русской земли?

Отвѣтъ на первый вопросъ сначала казался очень простымъ. Историки прошлаго вѣка и отчасти Карамзинъ, объясняли его тѣмъ, что князья не желали обижать сыновей и всѣмъ имъ дѣлили землю. Но впослѣдствіи поняли, что личный княжескій произволъ не можетъ раздробить государства, которое обладаетъ національнымъ единствомъ, и стали искать причину въ другихъ явленіяхъ, въ обычаяхъ и въ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ племенъ: одни думали что политическое дробленіе вообще въ нравахъ и обычаяхъ Славянъ, [впервые эта мысль была высказана Надеждинымъ]. Другіе [какъ Погодинъ], видѣли причину образованія многихъ княжескихъ столовъ въ томъ, что князья, какъ собственники земли, считали себя въ правѣ по обычаю славянскому владѣть землею со обща. Наконецъ третьи [школа родового быта] удачно

подметили <u>родовой</u> порядокъ наслѣдованія столовъ и думали, что родовой бытъ князей въ одно время и поддерживалъ земское единство, и дѣлилъ землю на части по числу родичей, имѣющихъ право на владѣніе родовымъ имуществомъ. Въ послѣднее время изслѣдователи ищутъ причинъ раздробленія Руси въ реальныхъ условіяхъ общественной жизни: <u>Пассекъ</u> находилъ эти причины въ стремленіи городскихъ общинъ къ автономіи. <u>Костомаровъ</u> полагалъ что причины эти вытекали изъ стремленія къ обособленію не городскихъ общинъ, а племенъ входившихъ въ составъ Кіевскаго княжества, [онъ насчитывалъ шесть племенъ] <u>Ключевскій</u> въ сущности поддерживалъ взглядъ Пассека, говоря такимъ образомъ: „Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій: военной и торговой.— Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался [- благодаря подвижности, и родлчести князей,] составныя части земли также стали возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, а аристократія оружія со своими князьями скользила поверхъ этихъ міровъ.... [Боярская Дума 2е изд. 51-52]

Второй вопросъ, — на чемъ держалась единство земли? Разрѣшался также различно. Прежніе историки и даже <u>Карамзинъ</u>, не останавливались

надъ нимъ долго: — они говорили, что единство земли основывалось на чувствѣ княжескаго родства, которое связывало князей въ одно цѣлое. Школа родоваго быта первая дала научное объясненіе вопросу; она основывалась на понятіи родоваго владѣнія. Родъ князей представляя одно неразрывное цѣлое, соединяетъ въ своемъ владѣніи землю. Землею сразу владѣютъ всѣ князья, помня единство земли и помня, что сами они „одного дѣда внуки." Русь была такимъ образомъ, единымъ государствомъ, потомучто она была владѣніемъ одного рода. Иного мнѣнія были представители федеративной теоріи, во главѣ которыхъ стоялъ Костомаровъ; онъ видѣлъ въ древней Руси федерацію, основанную на единствѣ происхожденія и языка, единствѣ вѣры и церкви и, наконецъ на единствѣ династіи, правящей страной. Но федерація предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ учрежденій, общихъ для всей федераціи, а между тѣмъ на Руси такихъ учрежденій указать нельзя; княжескіе съѣзды, напримѣръ, не представляютъ ничего юридически опредѣленнаго. Вотъ почему федеративную теорію смѣнила новая, принадлежащая Сергѣевичу-послѣдователю Чичерина. Еще Чичеринъ говорилъ что древняя Русь не знала государственнаго порядка, и жила на правѣ частномъ, на порядкѣ договорномъ. Исходя изъ этой мысли Сергѣевичъ пришелъ къ тому выводу, что древняя Русь не имѣла политическаго единства; а единственнымъ движущимъ на-

чаломъ жизни было начало личнаго интереса. Князья не знаютъ сдержки личному произволу, они не наслѣдуютъ столовъ по праву, а „добываютъ“ ихъ силою или искусствомъ, формулируя свои отношенія къ другимъ князьямъ и къ земщинѣ условіями „рядовъ“ то есть: договоровъ; о единствѣ государства не может быть и рѣчи. Профессоръ Ключевскій предлагаетъ въ „Боярской Думѣ“ рядъ соображеній которыми пытается слить в одно цѣлое нѣкоторыя прежнія представленія по этому вопросу. Но у него есть и очень оригинальная мысль: онъ говоритъ, что въ основаніи единства Русской земли лежатъ двѣ связи: 1ая родственная, связывающая князей, 2ая экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетаніе условій, вытекающихъ изъ экономической жизни волостей, съ условіями родоваго быта князей породило постоянное движеніе князей по городамъ и постоянное взаимодѣйствіе земскихъ міровъ. Въ этомъ и выражалось единство Русской земли.

Попробуемъ резюмировать обзоръ втораго вопроса. Съ своей точки зрѣнія всѣ ученія были правы, потому что всѣ освѣщали правильно одну какую нибудь сторону вопроса: одни уловили формулу законнаго владѣнія, собственно идеи порядка, — это школа родоваго быта; другіе занимались не столько изученіемъ нормъ, хотя бы и идеальныхъ, сколько изслѣдованіемъ ихъ нарушеній — это Сергѣевичъ; третьи отмѣтили роль

общества въ древней Руси, причемъ понимали ее различно, — это Костомаровъ и Пассекъ. Каждый вносилъ свой взглядъ, и взглядъ этотъ возбуждалъ возраженія другихъ. При всѣхъ разногласіяхъ существующихъ въ вопросѣ, мы можемъ однако сказать, что вопросъ теперь достаточно освѣщенъ въ основныхъ своихъ чертахъ. Родовой порядокъ наслѣдованія столовъ, какъ идеальная законная норма, несомнѣнно существовалъ. Но рядомъ съ нимъ существовали и условія подрывавшія правильность этого порядка. Такъ княжескіе съѣзды нерѣдко постановляли рѣшенія противныя законному теченію наслѣдованія. Любечскій съѣздъ князей (1096) постановилъ рѣшеніе о князьяхъ, чтобы каждый изъ нихъ „держалъ отчину свою". Этотъ принципъ отчинности, т.е. семейнаго наслѣдованія отъ отца къ сыну, безспорно начиналъ дѣйствовать въ умахъ той эпохи, разлагая родовое начало. Произволъ князей или не признававшихъ законнаго порядка и авторитета старшихъ, или же нарушавшихъ благодаря силѣ и старшинству интересы младшихъ князей, — то же препятствовалъ правильности политической жизни. Изгойство, исключеніе князей изъ правъ ихъ состоянія, создавало по краямъ Русской земли такія области изгоевъ, которыми они владѣли уже по семейному, а не по родовому порядку: владѣтель — изгой не могъ претендовать на другія волости, но и на его волость не должны были претендовать другіе князья. Наконецъ, если мы вспомнимъ влиятельство въ поли

тические дѣла и въ вопросы наслѣдованія городскихъ вѣчей, которыя иногда не признавали для себя обязательными счеты княжескаго старшинства и звали въ города князей по своему выбору, — темъ указкемъ всѣ важнѣйшія условія, разлагавшія правильный порядокъ политической жизни.

Наличность этихъ условій служитъ яснымъ доказательствомъ того, что политическое устройство Кіевскаго княжества было очень неустойчиво. Составленное изъ многихъ племенныхъ и городскихъ міровъ, это княжество не могло объединиться въ единое государство, въ нашемъ смыслѣ слова, и въ XI вѣкѣ распалось. Поэтому точнѣе всего будетъ опредѣлить Кіевскую Русь, какъ совокупность многихъ княженій, объединенныхъ одною династіей, единствомъ религіи, племени, языка и народнаго самосознанія. Это самосознаніе достовѣрно существовало: съ его высоты народъ осуждалъ свое политическое неустройство, осуждалъ князей за то что они „несли землю розно" своими „которами" и убѣждалъ князей быть въ единствѣ въ интересахъ единой „земли Русской"

Политическая связь Кіевскаго общества была слабѣе всѣхъ другихъ его связей, и это было одною изъ самыхъ видныхъ причинъ упадка Кіевской Руси.

Отъ общей ~~общей~~ формы политическаго быта перейдемъ къ частностямъ этого быта. Мы замѣтили, что первою политическою формою, которая зародилась на Руси, былъ бытъ городовой или областной. Когда городская и обласстная жизнь уже сложилась, въ городѣ и области явилась княжеская династія, объединившая области въ одно княжество. Рядомъ съ властями городскими стала власть княжеская. Этимъ и обусловливается тотъ фактъ, что въ XI и XII вѣкахъ наблюдаются на Руси двѣ политическія власти: 1) княжеская и 2) городская или вѣчевая. Вѣче старше князя, но зато князь часто виднѣе вѣча; послѣднее на время уступаетъ ему свое значеніе и въ X и XI вѣкахъ князь кажется единственнымъ представителемъ власти политической.

Обратимся къ изученію княжеской власти. Князья Кіевскіе, — старшіе или младшіе, были всѣ политически другъ отъ друга независимы — на нихъ лежали только нравственныя обязанности: князья волостные должны были почитать старшаго великаго князя „въ отца мѣсто"; вмѣстѣ съ нимъ должны были охранять „отъ поганыхъ" свою волость, сообща съ нимъ думать-гадать о Русской землѣ и рѣшать важные вопросы русской жизни. Мы отличаемъ три главныя

функціи въ дѣятельности древне-Кіевскихъ князей. Вопервыхъ, князь законодательствовалъ, и Русская Правда нѣсколькими изъ своихъ статей прямо подтверждаетъ это. Въ Правдѣ читаемъ напримѣръ: что сыновья Ярослава: Изяславъ Святославъ и Всеволодъ совмѣстно постановили замѣнить месть за убійство денежнымъ штрафомъ; заглавія нѣкоторыхъ статей Правды свидѣтельствуютъ что эти статьи были „судомъ" княжескимъ, т.е. были установлены князьями. Такимъ образомъ законодательная функція князей засвидѣтельствована древнимъ памятникомъ. Вторая функція ихъ власти - военная. Князья явились въ первый разъ на русскую землю, какъ защитники ея границъ, и въ этомъ отношеніи последующіе князья не отличались отъ первыхъ. Припомнимъ что Владиміръ Мономахъ едвали не главной своей задачей считалъ оборону границъ отъ Половцевъ; къ борьбѣ съ Половцами склонялъ онъ и другихъ князей на съѣздахъ и предпринималъ вмѣстѣ съ другими князьями общіе походы на кочевниковъ. Третья функція-есть функція судебная и административная. Русская Правда свидѣтельствуетъ что князья сами судили даже уголовныя дѣла. По Русской Правдѣ за убеніе княжескаго конюшаго взимался штрафъ въ 80 гривенъ „яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ егоже убили Дорогобудьци." Здѣсь

Правда указываетъ дѣйствительный судебный случай. Относительно административной дѣятельности князей мы можемъ сказать, что они съ давнихъ поръ несли на себѣ обязанности управленія, устанавливаютъ „погосты и дани". Еще на самыхъ первыхъ страницахъ лѣтописи мы читаемъ какъ Ольга „ustави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани." [Погосты представляли собой административные округа]. Вотъ главныя обязанности князя Кіевской эпохи: онъ законодательствуетъ, онъ представитель военной власти, онъ верховный судья и верховный администраторъ. Эти характерные знаки всегда характеризуютъ высшую политическую власть. Сообразно съ характеромъ своей дѣятельности князья имѣютъ и слугъ, такъ называемую дружину, своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, съ помощью которыхъ они управляютъ страною. Въ лѣтописи можно найти много свидѣтельствъ даже съ поэтическимъ характеромъ, о близкомъ отношеніи дружины къ князю. Еще Владиміръ Святой, по лѣтописному преданію, высказалъ мысль, что серебромъ и золотомъ дружины нельзя пріобрѣсти, а съ дружиною можно достать и золото и серебро. Такой взглядъ на дружину, какъ на нѣчто неподкупное, стоящее къ князю въ отношеніяхъ нравственнаго порядка, проходитъ черезъ всю лѣтопись. — И въ позднѣйшее время Дмит-

рій Донской въ своемъ завѣщаніи называетъ бояръ «князьями земли своей» и завѣщаетъ дѣтямъ слушать ихъ. Дружина въ древней Руси пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла, она требовала чтобы князь безъ нея ничего не предпринималъ, а когда одинъ молодой Кіевскій князь рѣшилъ походъ не посовѣтовавшись съ нею, она отказала ему въ помощи, а безъ нея не пошли и союзники князя. Солидарность князя съ дружиной вытекала изъ самыхъ реальныхъ жизненныхъ условій, хотя и не опредѣлялась никакимъ закономъ. Дружина скрывалась за княжескимъ авторитетомъ, но она поддерживала его; князь съ большой дружиной былъ силенъ, съ малой — слабъ. Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшая называлась „боярами"; происхожденіе этаго слова толкуютъ различно, между прочимъ существуетъ предположеніе что оно произошло отъ слова „болій", „большій". Бояре были вліятельными совѣтниками князя; они въ дружинѣ безспорно составляли самый высшій слой и нерѣдко имѣли свою собственную дружину. За ними слѣдовали такъ называемые „мужи" или „княжьи мужи" воины и княжескіе чиновники. Младшая дружина называлась „гридь" иногда ихъ называютъ „отроками" — причемъ это слово нужно понимать лишь какъ терминъ общественнаго быта, который могъ относиться, можетъ быть,

и къ очень старому человѣку. Вотъ какимъ образомъ дѣлилась дружина. Вся она, за исключеніемъ княжескихъ рабовъ - холоповъ, - одинаково относится къ князю, - она приходила къ послѣднему и заключала съ нимъ „ряды" въ которыхъ обозначала свои обязанности и права. Князь долженъ былъ относиться къ дружиннику какъ къ человѣку, вполнѣ независимому, потому что дружинникъ всегда могъ покинуть князя и искать другой службы. Изъ дружины князь беретъ своихъ администраторовъ съ помощью которыхъ онъ управляетъ землею и охраняетъ ее. Эти помощники назывались „вирниками" и „тіунами" обязанность которыхъ состояла въ судѣ и взысканіи „виры" т. е. судебной пошлины, въ управленіи землею и въ сборѣ дани.

Дань и вира кормили князя и дружину. Князь собиралъ дань иногда съ помощью чиновниковъ, а иногда и лично. Собиралась дань натурой и деньгами, и точно также не одной натурой но и деньгами давалась дружинѣ. Одинъ лѣтописецъ - публицистъ XIII вѣка пишетъ о времени болѣе раннемъ, что князь:.. «аже будяше права вира и ту возма - даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его.... не жадаху: „мало ни есть, княже, 200 гривенъ," не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху ихъ жены въ серебрѣ».. Окладъ въ 200 гривенъ каждому дружиннику - очень великъ потому

дачиним понятіямъ, и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о богатствѣ Кіевскихъ князей. [село въ 1 грив. нъ считать ½ фунта серебра то ея вѣсовая стоимость около 10 рублей] Откуда же появилось это богатство, какими источниками доходовъ пользовались князья? Во первыхъ средства князьямъ давала ихъ судебная дѣятельность. Во вторыхъ князья получали дань, о которой уже говорилось. Въ третьихъ, въ пользу князей шла военная добыча. Наконецъ последній видъ княжескихъ доходовъ — частные доходы. Пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ князья пріобрѣтаютъ себѣ частныя земли (села), которыя они строго отличаютъ отъ владѣній политическихъ. Князь не можетъ завѣщать политическое владѣніе женщинѣ, а только сыну или брату, а между тѣмъ мы видимъ что свои частныя земли онъ даетъ женѣ или дочери, или въ монастыри.

Перейдемъ къ характеристикѣ власти вѣча. Вѣче было старѣе князя. У лѣтописца XIII вѣка мы читаемъ: „Новгородцы бо изначала и Смольняне и Кыяне, и Полочане и вся власти яко же на думу на вѣче сходятся, на что же старшіе сдумаютъ на томъ и пригороды станутъ." Смыслъ этихъ словъ такой: изначала города и волости [„власти"] управлялись вѣчами и вѣче старшаго города управляло не только городомъ, но и всею его волостью

Рядомъ съ этими вѣчами, на которыхъ правомъ голоса пользовались всѣ главы семействъ, появилась власть князей; но князья не упразднили вѣча, а правили землею иногда при содѣйствіи, а иногда и при съ противодѣйствіемъ послѣдняго. Отношеніе князя къ вѣчу — и наоборотъ, вѣча къ князю — многіе историки пытались опредѣлить съ точки зрѣнія законченнаго политическаго понятія, но это приводило только къ натяжкамъ. Факты вѣчевой дѣятельности собранные въ книгѣ Сергѣевича „Князь и вѣче", прежде всего не позволяютъ установить самой формы вѣча, которое очень легко спутать съ простыми народными сходками, а неопредѣленность формы часто заставляла изслѣдователя раздѣлять вѣче на законное и незаконное. Законнымъ называлось вѣче, собранное княземъ; вѣче же собравшееся противъ князя, мятежническими обществами, — считалось незаконнымъ. Слѣдствіемъ юридической неопредѣленности въ вѣчѣ было то, что послѣднее было въ большой зависимости отъ условій чисто мѣстныхъ или временныхъ: оно понижало свое политическое значеніе при сильномъ князѣ, имѣвшемъ большую дружину, и наоборотъ усиливалось при слабомъ князѣ; кромѣ того въ большихъ городахъ, оно имѣло бóльшее политическое значеніе, чѣмъ въ малыхъ. Изученіе этого вопроса заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ,

что отношенія между князьями и вѣчемъ посто янно колеблятся. Такъ при Ярославѣ и его сыновьяхъ вѣче далеко не имѣло той силы, какъ при его внукахъ и правнукахъ. Когда власть князей усилилась и опредѣлилась, вѣче отъ политической дѣятельности перешло къ хозяйственной — занималось дѣлами внутренняго быта общины; но когда родъ Рюриковичей размножился и наслѣдственные счеты запутались — городскія вѣча стремились возвратить себѣ политическое значеніе. Пользуясь смутою они сами призывали къ себѣ того князя, котораго хотѣли и заключали съ нимъ „ряды." Мало по малу вѣче почувствовало себя настолько сильнымъ, что рѣшалось спорить съ княземъ, случалось что князь стоялъ за одно, а вѣче за другое и тогда вѣче зачастую „указываетъ князю путь" т. е. изгоняетъ его.

Перейдемъ къ общественному дѣленію древне-Кіевской Руси. Нужно замѣтить что общество, стоящее на первой степени развитія, всегда имѣетъ одно и то же общественное дѣленіе, и у всѣхъ народовъ Арійскаго племени мы встрѣчаемъ слѣдующія три группы: 1) основная масса [въ Кіевской Руси — люди] 2) привилегированый слой [старцы, бояре] и 3) лишенные правъ рабы. [или на древне-Кіевскомъ языкѣ — холопы] Такимъ образомъ первоначальное общественное дѣленіе вызывалось не какимъ ни-

будь исключительнымъ мѣстнымъ условіемъ исторіческимъ, а природою племени, если можно такъ выразиться. Но на глазахъ исторіи сложились и росли мѣстныя условія. Доказательствомъ этого роста служитъ „Русская Правда" — почти единственный источникъ нашихъ сужденій о соціальномъ строѣ Кіевской Руси. Она дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: Первая или краткая состоитъ изъ 43 статей, изъ которыхъ первыя 17ть слѣдуютъ другъ за другомъ въ логической системѣ. Новгородская лѣтопись содержащая въ себѣ этотъ текстъ Правды, выдаетъ его за законы, изданные Ярославомъ. Краткая редакція „Правды" многимъ отличается отъ нѣсколькихъ пространныхъ редакцій этого памятника. Она, несомнѣнно, древнѣе ихъ и отражаетъ въ себѣ Кіевское общество въ древнѣйшую пору его развитія. Пространныя редакціи Правды, состоящіе уже болѣе чѣмъ изъ 100 статей, заключаютъ въ своемъ текстѣ указанія на то что возникли онѣ, въ цѣломъ составѣ, въ XII вѣкѣ, не раньше. Онѣ заключаютъ въ себѣ законоположенія князей именно XII вѣка [Владиміра Мономаха] и рисуютъ намъ общество Кіевской Руси уже въ полномъ его развитіи. Разнообразіе текста разныхъ редакцій „Правды" затрудняетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого памятника. Старые историки [Карамзинъ, Погодинъ] признавали Русскую Правду за оффиціальный

сборникъ законовъ составленный Ярославомъ Мудрымъ и дополнявшийся его преемниками. Въ позднѣйшее время такого же мнѣнія держится изслѣдователь Правды Ланге. Но большинство ученыхъ [Калачевъ, Дювернуа, Сергѣевичъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.] думаютъ, что Правда есть сборникъ составленный частными лицами, желавшихъ для личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ. Это мнѣніе вѣроятнее потому, что, вопервыхъ, въ текстѣ Русской Правды можно указать статью не юридическаго, а хозяйственнаго содержанія, имѣвшія значеніе только для частнаго быта; а во вторыхъ, внѣшняя форма отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ редакцій Правды, имѣетъ характеръ частныхъ записей составленныхъ какъ бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной дѣятельности.

Изучая по Русской Правдѣ и по Лѣтописи составъ древняго Кіевскаго общества, мы можемъ отмѣтить три древнѣйшихъ его слоя: 1) высшій, наз. „старцами градскими," „старцами людскими", это земская аристократія, къ которой нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ и огнищанъ. О старцахъ мы уже говорили, что же касается до огнищанъ, то о нихъ много мнѣній: Старые ученые считали ихъ домовладѣльцами или землевладѣльцами, производя терминъ отъ слова огнище (въ

областныхъ говорахъ, оно значитъ очагъ или пашню на изгари, т. е., на мѣстѣ сожженаго лѣса. Владимірскій-Будановъ говоритъ, въ своемъ „Обзорѣ русскаго права," что „старшіе дружинники именовались сначала огнищанами," но тутъ же прибавляетъ, что чешскій памятникъ „Mater verborum" толкуетъ слово огнищанинъ, какъ „вольноотпущенный" („libertus, cui post servitium accedit libertas"); видимое противорѣчіе авторъ думаетъ закрыть тѣмъ соображеніемъ, что старшіе дружинники могли происходить изъ младшихъ невольныхъ слугъ князя. Слово огнище въ древности значило дѣйствительно рабъ, челядь; въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ древнемъ (XI вѣка) переводѣ Словъ Григорія Богослова; поэтому нѣкоторые изслѣдователи [Ключевскій] въ огнищанахъ видятъ рабовладѣльцевъ, иначе говоря, богатыхъ людей въ ту древнѣйшую пору жизни общества, когда не земля, а рабы были главнымъ видомъ собственности. Если же обратить вниманіе на статьи Русской Правды (пространной), которыя вмѣсто „огнищанина" краткой Русской Правды говорятъ о „княжемъ мужѣ" или „тіунѣ огнищномъ" то можно огнищанина счесть и за княжа мужа, завѣдывающаго княжескими холопами, т. е, за лицо, предшествующее позднѣйшимъ дворскимъ или дворецкимъ. Положеніе послѣднихъ было очень высоко при

княжескихъ дворахъ и въ то же время они могли сами быть холопами. Въ Новгородѣ же, какъ кажется, огнищанами звали не однихъ дворецкихъ, а весь княжескій дворъ (позднѣе, дворяне). Такъ стало быть, возможно принимать огнищанъ за знатныхъ княжескихъ мужей; но сомнительно, чтобы огнищане были высшимъ классомъ земскаго общества. 2) Средній классъ составляли люди (ед. число: людинъ), „мужи" соединенные въ общины, верви. 3) Холопы или челядь - рабы и притомъ безусловные: полные, обельные (обльій = круглый) были третьимъ слоемъ. Съ теченіемъ времени это общественное дѣленіе усложняется. На верху общества находится уже княжеская дружина, съ которой сливается прежній высшій земскій классъ. Дружина состоитъ изъ старшей [„бояръ думающихъ и мужей храборствующихъ"] и младшей - отроковъ, гридней; въ нее входятъ и рабы князя. Изъ рядовъ дружины назначается княжеская администрація и судьи [посадникъ, тіунъ, вирники и др.]. Классъ людей дѣлится опредѣленно на горожанъ (купцы, ремесленники) и сельчанъ, изъ которыхъ свободные люди называются смердами, а зависимые - закупами (закупомъ ролейнымъ, напримѣръ наз. сельскій земледѣльческій батракъ). Закупы - не рабы, но ими начинается на Руси классъ условно зависимыхъ людей, классъ

съ теченіемъ времени смѣшившій собою полныхъ рабовъ. Дружина и люди не суть замкнутые общественные классы: изъ одного можно было перейти въ другой; основное различіе въ положеніи ихъ заключалось съ одной стороны въ отношеніи къ князю [одни князю служили, другіе ему платили]; что же касается до холоповъ, то они имѣли „господиномъ" хозяина, а не князя, который ихъ вовсе не касался], а съ другой стороны — въ хозяйственномъ и имущественномъ отношеніи общественныхъ классовъ между собою.

Мы упустили бы большой пробѣлъ, если бы не упомянули о совершенно обособленномъ классѣ лицъ Кіевскаго общества, класса, который повиновался не князю, а церкви. Это церковное общество, состоявшее изъ: 1) іерархіи, священства и монашества; 2) лицъ служившихъ церкви, церковнослужителей; 3) лицъ призрѣваемыхъ церковью, старыхъ, увѣчныхъ, больныхъ; 4) лицъ поступившихъ подъ опеку церкви, изгоевъ, и 5) лицъ зависимыхъ отъ церкви „челядь" (холоповъ), перешедшихъ въ даръ церкви отъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Церковные уставы князей такъ описываютъ составъ церковнаго общества: „А се церковныя люди: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица,

пущенникъ (т. е. получившій чудесное исцѣленіе), задушный человѣкъ (т. е. вольноотпущенный по духовному завѣщанію), изгои (т. е. лица потерявшія права гражданскаго состоянія); ... монастыреве, больницы, гостинницы, странноприимницы, то люди церковныя, богодѣльныя". Всѣхъ этихъ людей церковная ~~администрація~~ іерархія вѣдаетъ администраціей и судомъ: „или митрополитъ, или епископъ, — тии вѣдають между ими судъ или обиду"; изгоямъ и холопамъ и всѣмъ своимъ людямъ церковь создаетъ твердое общественное положеніе, сообщаетъ права гражданства, но вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ ихъ вовсе изъ свѣтскаго общества.

Настолько развито и сложено стало общественное дѣленіе Кіевскаго общества къ XII-му вѣку. Раньше, какъ мы видѣли, общество было проще по составу и развивалось оно уже на глазахъ исторіи.

Закончимъ нашъ обзоръ Кіевской Руси общей характеристикой ея культурнаго состоянія. Первое же знакомство съ Кіевскимъ бытомъ покажетъ вамъ существованіе древнихъ и сильныхъ городскихъ общинъ на Руси и обиліе вообще городскихъ поселеній; это обстоятельство — лучшій признакъ того,

что эта страна обладала крупными торговыми оборотами. Любопытенъ тотъ фактъ что въ Скандинавскихъ сагахъ Кіевъ называли „Гардарикъ" страной городовъ; слѣдовательно, городская жизнь была въ глазахъ иноземцевъ, видающею-ся чертою Кіевской Руси. Всѣхъ городовъ насчитываютъ около 300, цифра очень крупная для земледѣльческой страны, которая не должна бы, кажется, отличаться большимъ развитіемъ городской жизни. Ясно, что такая многочисленность городовъ вызывалась не одними администра-тивными и военными потребностями, но и развитіемъ торговли, которая придавала городу значеніе рынка. Несомнѣнно, что главнымъ занятіемъ городскихъ жителей была торговля и что масса городскаго населенія состояла изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. О развитіи торговли въ Кіевской Руси говорятъ намъ многіе древніе авторы: Русскіе купцы ѣздили въ Грецію, Болгарію, Германію, Чехію и на далекій Востокъ. Въ Кіевѣ и въ Новгородѣ было по-стоянное стеченіе купцовъ. Въ Новгородѣ жили нѣмецкіе купцы и имѣли свою церковь — „Варяжскую божницу", нѣмецкіе же купцы, черезъ Польшу, ѣздили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ былъ еврей-скій и, кажется польскій кварталъ, жили по-стоянно купцы католическаго вѣроисповѣда-

нія который называли „латиною"; есть извѣстіе и объ армянахъ. Кіевъ былъ торговой станціей нетолько между сѣверомъ и югомъ т. е. между Варягами и Греціей, но и между западомъ и востокомъ т. е. между Европою и Азіей; отсюда понятно торговое значеніе Кіева и всей южной Руси. Тихій земледѣльческій трудъ мешался здѣсь съ бойкимъ и шумнымъ торговымъ движеніемъ, жизнь отличалась многообразіемъ функцій; торговля, вызывая знакомство со многими народами способствовала накопленію богатствъ и знаній. Много условій создавалось здѣсь для культурнаго развитія и это развитіе началось и загорѣлось яркимъ цвѣтомъ. Просвѣщеніе принесенное христіанствомъ, нашло пріютъ въ русскихъ монастыряхъ и пріобрѣло себѣ многихъ поборниковъ. Мы знаемъ, что христіанская мораль успѣшно боролась съ грубыми возрѣніями языческой старины; мы видимъ князей читающихъ и собирающихъ книги, князей заказывающихъ переводы благочестивыхъ сочиненій церковной литературы на русскій языкъ, мы видимъ распространеніе грамотности, видимъ школы при церквахъ и епископскихъ дворахъ; мы любуемся фресками, которыя писаны по греческимъ образцамъ русскими художниками, мы читаемъ произведенія богословски образованныхъ людей русскихъ. Словомъ, въ отношеніи просвѣщенія Кіевская Русь стояла не ниже прочихъ молодыхъ государствъ и своихъ ближайшихъ со

сѣдей, Славянъ: изслѣдователи первоначальныхъ сноше-
нiй Руси и Польши прямо признаютъ культур-
ное превосходство первой. И матерiальная куль-
тура Кiевскаго общества стояла, сравнительно
съ прочей Европой, не низко. Внѣшность Кiева
вызывала панегирики писателей XI вѣка. Запад-
нымъ иностранцамъ Кiевъ казался соперникомъ
Константинополя. Впечатлѣнiе, которое онъ про-
изводилъ на иноземцевъ вело къ невольнымъ гипербо-
ламъ съ ихъ стороны: они напримѣръ считали въ
Кiевѣ 400 церквей, чего на самомъ дѣлѣ не было. Но
во всякомъ случаѣ Кiевъ былъ крупнымъ торговымъ
городомъ восточной Европы, городомъ съ разноплемен-
нымъ населенiемъ, высшiе классы котораго знако-
мы были съ лучшими произведенiями окрестныхъ
странъ и вызывали со стороны нашего лѣтописи-
ца даже упреки въ роскоши. И если, за исключе-
нiемъ Кiева и другихъ городовъ, вся прочая страна
была еще въ младенческихъ формахъ общественна-
го и хозяйственнаго быта, то все таки, мы не
имѣемъ права назвать Кiевскую Русь, некультур-
ною страною, принимая во вниманiе бытъ
древнихъ городовъ, жизнь которыхъ отмѣчена
явно культурными чертами.

Мы видѣли что въ глубокой еще древности
Русь стала терять черты патрiархальнаго пле-
меннаго быта, хотя и не отрицаясь еще въ окон-

чательныя формы быта государственнаго. Долгое совмѣстное жительство, единство племени, языка и религіи дѣлали изъ Руси одну страну, изъ русскихъ славянъ одинъ народъ. И это единство чувствовалось и сознавалось крѣпко въ XI вѣкѣ нашими далекими предками: Пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ," который помнилъ много такой старины, какая и для его времени была уже сѣдою стариною, мыслилъ Русскую землю единою: отъ Червенаго Галича и Карпатъ до верхней Волги. Всѣхъ князей и сѣверныхъ и южныхъ одинаково зоветъ онъ помочь бѣдѣ Игоря и стать „за землю русскую." Въ его глазахъ бѣда Игоря — бѣда всей земли русской, а не только Игорева княжества: „Тоска разлилась по русской земли, обильна печаль потекла среди земли русскія!" говоритъ онъ объ этомъ. Въ XI еще вѣкѣ лѣтописецъ пишетъ свою „Повѣсть" не о томъ или другомъ княжествѣ, а о всей Русской земли. Такъ выростало постепенно твердое національное самосознаніе, выростало и въ сказаніяхъ, и въ лѣтописяхъ, и въ самой жизни. Въ XII вѣкѣ окончательно опредѣлилась русская національность.

Тѣмъ болѣе непонятнымъ долженъ казаться упадокъ Кіевской Руси въ XIII вѣкѣ; какая же была тому причина? Первая и главная причина заключалась въ томъ, что въ единой землѣ, въ единомъ обществѣ не было единой политической власти.

Владѣлъ Русью многочисленный княжескій родъ, при спутанности родовыхъ счетовъ изъ за старшинства, или изъ за другихъ обидъ, князья часто затѣвали усобицы и втягивали населеніе въ междоусобную войну; отъ этихъ усобицъ страдали люди, страдало развитіе народнаго быта. Изъ 150 лѣтъ [1055-1228] Погодинъ насчитываетъ 80 лѣтъ, прошедшихъ въ усобицахъ и 90 мирныхъ и хотя тотъ же Погодинъ, говоритъ, что для массы они не имѣли важнаго значенія, мы видимъ въ нихъ несчастье для страны, какъ бы легко не переносилось населеніемъ каждое отдѣльное разореніе.

Вторымъ несчастьемъ Кіевской Руси было усиленіе съ половины XII вѣка ея степныхъ враговъ. Въ южныхъ степяхъ появились Половцы и въ теченіи двухъ столѣтій 40 разъ опустошали русскую землю значительными набѣгами, а мелкихъ набѣговъ и не перечесть. Торговля съ югомъ стала замирать благодаря тѣмъ-же Половцамъ: они грабили купцевъ на нижнемъ Днѣпрѣ и Днѣстрѣ и торговые караваны бывали безопасны только подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Въ 1170 году у южныхъ русскихъ князей, по почину Мстислава Изяславича, былъ съѣздъ, на которомъ обсуждались средства борьбы съ Половцами и говорилось, что Половцы „уже у насъ и Гречь-

скій путь (въ Царьградъ) изъотнимаютъ и Соля-
ный (Крымскій) и Залозный (на Дунай)"… Это
было большимъ бѣдствіемъ для страны. Ря-
домъ съ этимъ въ XII вѣкѣ явилисъ враги Руси
и съ запада, — стала часто нападать Литва.
Такимъ образомъ жизнь Кіевской Руси не имѣла
безопасности и чѣмъ дальше тѣмъ труднѣе
становилось жить на югѣ; вотъ почему поне-
многу цѣлые города и волости начинаютъ
пустѣть, тѣмъ болѣе, что князья, какъ преж-
де ссорились изъ за старшинства, такъ теперь
ссорятся изъ за людей, за „полонъ". Князья дѣла-
ли набѣги на сосѣднія княжества и уводили
народъ толпами; населеніе не могло жить спо-
койно, потомучто свои же князья отрыва-
ли ихъ съ ихъ земель, съ ихъ хозяйства.

Эти три обстоятельства: усобицы кня-
зей, отсутствіе внѣшней безопасности и бѣг-
ство населенія были главными причинами упа-
дка южено-русской общественной жизни. Появле-
ніе Татаръ нанесло ей окончательный ударъ.
Послѣ нашествія татаръ, Кіевъ превратился
въ маленькій городокъ съ 200 домовъ; торговля
заглохла и мало по малу Кіевскую Русь по частямъ
захватили ея враги. А въ то же время на окраи-
нахъ Русской земли завязывалась новая жизнь, воз-
никали новые общественные центры, слагались

новыя общественныя отношенія. Возникновеніе и развитіе Суздальской Руси, Новгорода и Галича начинаетъ уже собою новый періодъ Русской Исторіи.

Колонизація Суздальской Руси.

Въ XII вѣкѣ, когда вслѣдствіи княжескихъ усобицъ и половецкихъ опустошеній начинается упадокъ Кіевской Руси, неурядицы Кіевской жизни вызываютъ передвиженіе населенія отъ средняго Днѣпра на югъ и сѣверо-востокъ, отъ центра тогдашней Руси, Кіева, къ ея окраинамъ. На сѣверо-востокѣ русскіе пришельцы попадаютъ на новыя мѣста, въ страну съ инымъ географическимъ характеромъ, чѣмъ Поднѣпровье. Особенности этой страны обусловливаютъ и новыя черты въ физическомъ типѣ колонистовъ и новые соціальные и экономическіе порядки въ ихъ быту. Занятая на сѣверъ-востокъ мѣстность — это страна между верхнимъ

теченіемъ Волги и Окой; природа ея совершенно разнится отъ Днѣпровской: ровная, плодородная почва здѣсь смѣняется суглинкамъ, болотами и первобытнымъ лѣсомъ. Хотя обиліе рѣчныхъ водъ, замѣчается и здѣсь; но свойства рѣкъ различны: южная Русь имѣетъ большія рѣки текущія въ громадномъ большинствѣ къ одному центру къ Днѣпру; въ сѣверной Руси масса мелкихъ рѣчекъ, не имѣющихъ общаго центра, текущихъ по самымъ различнымъ направленіямъ. Климатъ сѣверо-восточной Руси вслѣдствіи обилія воды и лѣса суровѣе; почва требуетъ большихъ трудовъ для обработки. Первоначальными жителями сѣверо-восточной Руси были финскія племена: Меря и Мурома, о бытѣ которыхъ исторія не знаетъ ничего достовѣрнаго. Изслѣдователь древнѣйшей исторіи Суздальской Руси профессоръ Корсаковъ („Меря и Ростовское княжество" 1872) пробуетъ возстановить бытъ Мери: 1) по указаніямъ источниковъ, — такъ какъ лѣтопись говоритъ о первоначальныхъ жителяхъ этой страны хотя и очень мало, 2) по сравненію быта теперешняго населенія губерній Московской, Владимірской, Костромской и Ярославской съ бытомъ жителей другихъ великорусскихъ губерній; 3) по сравненію данныхъ лѣтописи о бытѣ Мери и Муро-

мы съ бытомъ сосѣднихъ имъ и нынѣ существующихъ финскихъ племенъ: Мордвы и Черемисъ. Этнографія ихъ нѣсколько разработана и жизнь этихъ племенъ можетъ съ нѣкоторой приближенностью дать основанія для заключеній о жизни исчезнувшей ихъ родни; 4) По указаніямъ добытымъ изъ раскопокъ, на мѣстахъ поселенія Муромы и Мери; эти раскопки произведенныя здѣсь археологами: Савельевымъ и Графомъ Уваровымъ, даютъ рядъ отрывочныхъ, правда, указаній на особенности Мери и Муромы. Тщательныя изысканія Корсакова не привели къ большимъ результатамъ: онъ указываетъ что Меря и Мурома племена финскаго происхожденія, близкія по быту къ Мордвѣ; религія ихъ была неразвита; политической организаціи не существовало; не было и городовъ; культура была на очень низкой степени развитія; первенствующее значеніе принадлежало жрецамъ.

Колонизаціонное движеніе Руси по Волгѣ явленіе очень древнее: на первыхъ уже страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемся съ городами: Суздалемъ и Ростовомъ, появившимися неизвѣстно когда. Откуда, т. е. изъ какихъ мѣстъ Руси первоначально шла колонизація въ Суздальскомъ краѣ, можно догадаться потому, что Ростовъ политически всегда тянулъ къ Новгороду, составлялъ

какъ бы ~~съ~~ частьб Новгородскаго княжества. Это даетъ поводъ предположить, что первыми колонистами на Волгѣ были Новгородцы, шедшіе на Востокъ, какъ и всѣ русскіе колонизаторы, по рѣкамъ. Противъ такого предположенія возражаютъ, что Новгородъ отъ Волги и рѣкъ ея бассейна отдѣляется водораздѣлами [они препятствія для свободнаго передвиженія] и во вторыхъ указываютъ на различіе нарѣчій Суздальскаго и Новгородскаго. Но противъ перваго положенія можно сказать что водораздѣлы никогда не могутъ задержать переселенія, а второе объясняется историческими причинами, подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ условій, встрѣчи съ чуждымъ народомъ и языкомъ, въ языкѣ колонистовъ могли выработаться извѣстныя особенности. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать, что первыми русскими колонистами въ Суздальской Руси могли быть Новгородцы. За то позднѣе, главная масса колонистовъ въ эту область двигалась съ юга отъ Кіева. Сообщеніе Кіева съ Суздальской землей въ первые вѣка русской жизни совершалось кругомъ – по Днѣпру и верхней Волгѣ, потому что непроходимые лѣса Вятичей мѣшали отъ Днѣпра прямо проходить на Оку, и только въ XII вѣкѣ являются попыт-

ки установить безопасный путь изъ Кіева къ Окѣ; эти попытки и трудности самаго пути остались въ памяти народа въ разсказѣ былины о путешествіи Ильи Муромца изъ роднаго его села Карачарова въ Кіевъ. Со второй половины XII вѣка этотъ путь сквозь Вятичей устанавливается и начинается замѣтное оживленіе Суздальскаго княжества; туда приливаетъ населеніе, строятся города;— и въ этой позднѣйшей порѣ колонизаціи замѣчается любопытное явленіе: появляются на сѣверѣ географическія имена юга [Переяславль, Стародубъ, Галичъ, Трубежъ, Почайна], вѣрный признакъ того что населеніе пришло съ юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпосъ. Фактъ, что былины южно-русскаго цикла сохранились до нашихъ дней на сѣверѣ, ясно показываетъ, что на сѣверъ перешли и сложившіе его.

Страна, въ которую шли поселенцы, своими особенностями вліяла на разселеніе колонистовъ. Рѣчки, по которымъ селились колонисты, не стягивали поселенія въ густыя массы, а располагали ихъ отдѣльными группами. Городовъ было мало, господствующимъ типомъ селеній были деревни, такимъ образомъ, городской бытъ юга здѣсь замѣнился сельскимъ.

Новые поселенцы, сидя на почвѣ не вполнѣ плодородной должны были заниматься кромѣ земледѣлія еще лѣсными промыслами: угольничествомъ лыкодерствомъ, бортничествомъ и пр. На это указываютъ и названія мѣстностей: Угольники, Смолотечье, Деготино и т. д. Въ общемъ характерѣ Суздальской Руси лежали крупныя различія сравнительно съ жизнью Кіевской Руси; изъ городской, торговой, она превратилась въ сельскую, земледѣльческую. Переселяясь въ Суздальскій край Русскіе, какъ мы сказали, встрѣтились съ туземцами финскаго происхожденія. Слѣдствіемъ этой встрѣчи для финовъ было ихъ полное обрусѣніе. Мы не находимъ ихъ теперь на старыхъ мѣстахъ, но не знаемъ и объ ихъ выселеніи изъ Суздальской Руси, знаемъ, что Славяне не истребляли ихъ; значитъ, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, они потеряли національность, ассимилировались совершенно съ русскими поселенцами, какъ съ расой болѣе цивилизованной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и для славянскихъ переселенцевъ поселеніе въ новой обстановкѣ и смѣшеніе съ финами не осталось, и не могло остаться безъ послѣдствій; во 1-хъ) измѣнился ихъ говоръ; во 2-хъ) совершилось нѣкоторое измѣненіе физіологическаго типа; въ 3-хъ) видоизмѣнился умственный и нравственный складъ поселенцевъ. Словомъ, въ результатѣ явилась въ сѣверно-русскомъ

населенія нѣкоторыя особенности, создавшія изъ него особенную великорусскую народность.

—Со времени Любецкаго съѣзда, съ начала XII вѣка судьба Суздальскаго края связывается съ родомъ Мономаха. Изъ Ростова и Суздаля образуется особое княжество и первымъ самостоятельнымъ княземъ Суздальскимъ дѣлается сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Очень скоро, это вновь населяемое княжество, становится сильнѣйшимъ среди другихъ старыхъ. Въ концѣ того же XII вѣка, Владиміро-Суздальскій князь, сынъ Юрія Долгорукаго, Всеволодъ III, уже считается могущественнымъ княземъ который, по словамъ пѣвца „Слова о Полку Игоревѣ" можетъ «Волгу весли раскропити и Донъ шеломами выльяти». Одновременно съ внѣшнимъ усиленіемъ Суздальскаго княжества, мы наблюдаемъ внутри самаго княжества слѣдн. созидающаго процесса: здѣсь слагается иной чѣмъ на югѣ общественный строй. Въ XI-мъ и даже въ XII вѣкѣ, въ Суздальской Руси, какъ и на югѣ, мы видимъ развитіе городскихъ общинъ [Ростовъ, Суздаль] съ ихъ вѣчевымъ бытомъ. Новые же города въ этой странѣ возникаютъ съ инымъ типомъ. „Разница между старымъ и новымъ типомъ", говоритъ Соловьевъ, „что старые города, считая себя старѣе князей, смотрѣли на нихъ

какъ на пришельцевъ, а новые, обязанные имъ сво-
имъ существованіемъ, естественно видятъ въ
нихъ своихъ строителей и ставятъ себя, относи-
тельно ихъ, въ подчиненное положеніе." Въ самомъ
дѣлѣ, здѣсь на сѣверѣ князь часто первый зани-
малъ мѣстность и искусственно привлекалъ
въ нее новыхъ поселенцевъ, ставя имъ городъ или
указывая пашню. Въ старину на югѣ бывало
такъ, что пришельцемъ, въ извѣстномъ городѣ,
былъ князь, а вѣче было исконнымъ владѣльцемъ
городской земли; теперь на сѣверѣ пришельцемъ
оказывалось населеніе, а первымъ владѣльцемъ
земли князь. Роли перемѣнились, должны бы-
ли измѣниться и отношенія. Какъ полити-
ческій владѣлецъ, князь на сѣверѣ по старо-
му управлялъ и законодательствовалъ; какъ
первый заимщикъ земель онъ считалъ себя и
свою семью, сверхъ того, вотчинными хозяе-
вами данного мѣста. Въ лицѣ князя произо-
шло соединеніе двухъ категорій правъ на его
землю: правъ политическаго владѣльца и
правъ частнаго собственника. Власть князя
стала и шире и плотнѣе. Съ этимъ новымъ
явленіемъ не могли примириться старые вѣ-
чевые города. Между ними и княземъ прои-
зошла борьба, зачинщиками и руководителя-
ми городовъ въ этой борьбѣ, были, по мнѣнію

Бѣляева и Корсакова „земскіе бояре." И въ южной Руси, по „Русской Правдѣ" и лѣтописи, мелькаютъ слѣды земской аристократіи, которая состояла изъ земскихъ, а не княжескихъ бояръ, — градскихъ старцевъ. На сѣверѣ въ городахъ должна была быть такая же аристократія съ землевладѣльческимъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ можно допустить, что „бояре" Новгородскіе колонизируя востокъ, скупали себѣ въ Ростовской и Суздальской землѣ владѣнія, вызывали туда на свои земли работниковъ и составляли собою классъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ ихъ рукахъ, независимо отъ князя, сосредоточивалось вліяніе на вѣче, и вотъ съ этой то землевладѣльческой аристократіей, съ этой силой сидѣвшей въ старыхъ городахъ, приходилось бороться князьямъ; въ новыхъ, построенныхъ князьями, городахъ, понятно, такой аристократіи не было. Борьба князей со старыми городами влечетъ за собой неминуемую борьбу новыхъ городовъ со старыми. Эта борьба оканчивается побѣдой князей, которые подчиняютъ себѣ старые города и возвышаютъ надъ ними новые. Полнота власти князя становится признаннымъ фактомъ. Князь не только носитель верховной власти въ странѣ, онъ ея наслѣдственный владѣ-

легъ „вотчинникъ." На этомъ принципѣ вотчинности (патримоніальности) власти строятся всѣ общественныя отношенія извѣстныя подъ общимъ названіемъ „удѣльнаго порядка" и весьма несходныя съ порядкомъ Кіевской Руси.

Вліяніе татарской власти на удѣльную Русь.

Новый порядокъ едва обозначился въ Суздальской Руси, когда надъ этою Русью стала тяготѣть татарская власть. Эта случайность въ нашей исторіи не достаточно изучена, для того чтобы съ увѣренностью ясно и опредѣленно указать степень историческаго вліянія татарскаго ига. Одни ученые придаютъ этому вліянію большое значеніе, другіе его вовсе отрицаютъ. Въ татарскомъ вліяніи прежде всего надо различать двѣ стороны: 1) вліяніе на государственное и общественное устройство древней Руси и 2) вліяніе на ея культуру. Въ настоящую минуту насъ главнымъ образомъ долженъ занимать вопросъ о степени вліянія татаръ на политическій и соціальный строй. Эта степень можетъ быть нами угадана по измѣненіямъ: во 1-хъ въ порядкѣ княжескаго престолонаслѣдія во 2-хъ въ отношеніяхъ князей между собою, въ 3-хъ въ отношеніяхъ князей къ населенію. 1.) Въ первомъ от-

ношеніи замѣчаемъ, что порядокъ наслѣдованія великокняжескаго стола при татарахъ, въ первое столѣтіе ихъ власти (1240-1340), оставался тѣмъ же, какимъ былъ до татаръ: это родовой порядокъ съ нерѣдкими ограниченіями и нарушеніями. Великое княженіе оставалось неизмѣнно во власти Всеволода Большаго-Гнѣзда въ линіи его сына Ярослава. Въ теченіи, немногимъ болѣе ста лѣтъ (съ 1212 по 1328) пятнадцать князей изъ четырехъ поколѣній было на великокняжескомъ столѣ, и изъ нихъ только три князя захватили престолъ съ явнымъ беззаконіемъ, мимо дядей или старшихъ братьевъ, [сыновья Всеволода: 1, Юрій; 2, Константинъ, 3, опять Юрій, раньше сидѣвшій не по старшинству; 4, Ярославъ; 5, Святославъ; сыновья Ярослава Всеволодовича: 6, Михаилъ Хоробритъ: захватившій силою престолъ у дяди Святослава, мимо своихъ старшихъ братьевъ; 7, Андрей; 8, Александръ Невскій, который былъ старше Андрея и современенъ сверхъ его; 9, Ярославъ Тверской; 10, Василій Костромской; сыновья Александра Невскаго: 11, Дмитрій; 12, Андрей; 13, сынъ Ярослава Тверскаго Михаилъ; 14, внукъ Александра Невскаго Юрій Даниловичъ; 15, внукъ ~~Александра~~ Ярослава Тверского Александръ Михайловичъ; 16, внукъ Александра Невскаго: Иванъ Даниловичъ Калита]. Если обратимся къ до татарскому періоду, въ такъ

называемую Кіевскую Русь, то увидимъ тамъ одноро-
дный порядокъ и однородныя правонарушенія. Оче-
видно, татарская власть ничего не измѣни-
ла въ старомъ обычаѣ передачи столовъ и при-
своила лишь себѣ право санкціонировать прояв-
леніе этого обычая. Мало того, и этимъ правомъ
своимъ она какъ будто не дорожила и не всегда
спѣшила его осуществлять: самоуправство
князей оставалось подолгу ненаказаннымъ. Ми-
хаилъ Хоробритъ умеръ, владѣя великокняжескимъ
столомъ, и не былъ наказанъ за узурпацію власти.
Попранныя имъ права дяди Святослава, санк-
ціонированныя раньше татарами, не были
ими возстановлены даже и тогда, когда,
послѣ смерти Хоробрита, власть и столь-
ные города Владиміръ и Кіевъ выпросили
себѣ племянники Святослава: Андрей и
Александръ. Въ поколѣніи внуковъ и правну-
ковъ Всеволода Большаго Гнѣзда образовалась да-
же такая повадка, которая явно изобличаетъ
слабость татарскаго авторитета и влі-
янія: удѣльные князья неизмѣнно враждова-
ли съ утвержденными татарами великими князьями, и старались въ одиночку
или коллективно ослабить его: Александръ
Невскій враждовалъ съ великимъ княземъ Андре-
емъ Ярославичемъ, Василій Костромской - съ ве-

ликимъ княземъ Ярославомъ Тверскимъ, Дмитрій Александровичъ съ великимъ княземъ Василіемъ Костромскимъ, Андрей Александровичъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ и т. д. Татары видѣли на Руси всѣ эти свары и усобицы и не думали что ихъ существованіе подрываетъ на Руси значеніе татарской власти; напротивъ, не слѣдуя никакому опредѣленному принципу въ этомъ дѣлѣ, они смотрѣли на ссоры князей какъ на лишній источникъ дохода и цинично говорили князю: будешь великимъ, ожее ты даси выходъ (т. е. дань) больши," — если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались въ Ордѣ, даже другъ съ другомъ. Искали великаго княженія Михаилъ Тверской и Юрій Московскій и Михаилъ посулилъ больше „выхода" чѣмъ Юрій, тогда Юрій: „шедъ къ нему рече: отче и брате; азъ слышу яко хощеши больщую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не погибнетъ земля Русская насъ ради, — и шедша къ хану объявиша ему о семъ; тогда даде ханъ ярлыкъ Михаилу на великое княженіе и отпусти я." Такимъ образомъ татарская власть не могла что либо установить

или отмѣнить, такъ какъ не руководилась ни-какимъ сознательнымъ мотивамъ. Татары застали на Руси отживаніе родоваго наслѣдованія и зародыши семейно-вотчиннаго владѣнія; при нихъ одно продолжало отживать, другое продолжало развиваться и крѣпнуть и нарушенія этаго процесса, давно и глубоко изжившаго основы общественной организаціи, мы не замѣчаемъ. 2.) Измѣненія въ отношеніяхъ сѣверно-русскихъ князей другъ къ другу въ XIII и в XIV вѣкахъ, несомнѣнно происходятъ и по сравненію съ болѣе древнимъ порядкомъ мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторыя рѣзкія особенности, которыя многіе ученые приписываютъ татарскому игу; но всматриваясь внимательнѣе, мы замѣчаемъ, что причины вызвавшія эти особенности, дѣйствовали въ Русской землѣ и раньше татаръ. Къ этимъ особенностямъ принадлежатъ: 1) полное пренебреженіе родовымъ единствомъ, 2) передача владѣній отъ отца къ сыну, — иначе: начало вотчиннаго наслѣдованія, 3) осѣданіе княжескихъ линій по волостямъ: князья сѣверо-восточной Руси [первые Ярославъ Тверской и Василій Костромской Ярославичи добившись великокняжескаго престола не идутъ изъ удѣла княжить во Вла-

димиръ, а присоединяютъ его къ своему княжеству и управляютъ имъ изъ своихъ удѣловъ; 4) опредѣленіе междукняжескихъ отношеній договорами, въ которыхъ подробно изъясняются всѣ частности совмѣстной дѣятельности и степень зависимости одного князя отъ другого. Всѣ исчисленныя особенности есть прямое слѣдствіе того вотчиннаго характера, какой усвоила себѣ княжеская власть съ самаго начала своей дѣятельности въ Суздальской землѣ. Довѣряя надзоръ въ Русской землѣ старшему великому князю, татары, безъ призыва самихъ князей не имѣли ни повода, ни желанія вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Наконецъ 5) и отношеніе князей къ населенію не подверглось постоянному надзору и регламентаціи татарской власти, опредѣляясь тѣмъ же принципомъ вотчинности. Полнота княжескаго авторитета могла конечно вырости отъ того что онъ опирался на татаръ, но существо княжеской власти оставалось то же. Да и какъ татарское вліяніе на русскую жизнь могло быть значительно, если татары жили вдалекѣ, не смѣшивались съ русскими, являясь въ Россію только для сбора дани или въ видѣ войска приводимаго большею частью русскими князьями.

для ихъ личной цѣли? Этотъ обычай, брать дружину у сосѣднихъ народовъ, обычай стародавній; еще въ X и XI в.в. князья нанимали себѣ въ помощь варяговъ, Половцевъ и т. д. Величина ходятся слѣды вліянія татаръ въ администраціи во внѣшнихъ пріемахъ управленія, то они не велики и носятъ характеръ частныхъ отрывочныхъ заимствованій; такія заимствованія были и отъ варяговъ, и изъ Византіи. Потому мы можемъ разсматривать внутреннюю жизнь русскаго общества XIII в. и далѣе, не обращая вниманія на фактъ татарскаго ига и слѣдуя, такимъ образомъ, мнѣнiи С. М. Соловьева, который съ особеннымъ удареніемъ говорилъ: „Историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать естественную нить событій, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, и вставлять татарскій періодъ, выдвигать на первый планъ татаръ, татарскія отношенія, вслѣдствіи чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій [ист. Россіи т. I].

Ощутительно сказался, не вліяніе татаръ, а самый фактъ ихъ господства надъ русской землей, только въ томъ отношеніи, что содѣйствовалъ окончательному разб.

ленію Руси на двѣ половины: на сѣверо-восточную и юго-западную Русь, центромъ которой является Галичъ. Опаснымъ сосѣдомъ южной и западной Руси становится съ XIII вѣка вмѣстѣ съ Поляками и Литва. Возникновеніе Литвы начинается съ княженія Миндовга, который, соединивъ подъ своею властью мелкія литовскія племена, увеличилъ свое княжество присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сосѣднихъ слабыхъ княжествъ западной Руси. Одновременно съ этимъ врагами сѣверо-западной Руси являются нѣмецкіе рыцари, основавшіе на берегахъ Балтійскаго моря два ордена: Меченосцевъ и Тевтоновъ, соединившихся затѣмъ въ одинъ. Придя сюда для обращенія Литвы въ христіанство помощью меча и ея порабощенія рыцарямъ, нѣмцы очень скоро столкнулись здѣсь и съ Русью. Они стали тревожить землю Псковскую и Новгородскую, однако получили сильный отпоръ. Героемъ борьбы съ нѣмцами въ Псковѣ является князь Довмонтъ, прибѣжавшій во Псковъ изъ Литвы, въ Новгородѣ — Александръ Невскій. Наблюдая, одновременно съ появленіемъ татаръ на Руси, наступательныя дѣйствія противъ Руси новыхъ пришельцевъ - рыцарей, и старыхъ враговъ Ли-

ствы, мы можемъ сказать что XIII вѣкъ въ русской исторіи время созданія той внѣшней обстановки, въ которой многіе вѣка дѣйствовало русское племя; въ XIII вѣкѣ являются тѣ враги, съ которыми Русь сравнительно недавно покончила борьбу. При такомъ значеніи вѣка и героями вѣка становятся именно тѣ люди, которые выдвинулись въ этой борьбѣ съ врагами: Александръ Невскій, Довмонтъ Псковской и Даніилъ Галицкій.

Удѣльный бытъ Владимірской Руси.

Опредѣливъ наше отношеніе къ вопросу о татарскомъ вліяніи, мы можемъ обратиться къ изученію отличій общественнаго быта въ періодъ удѣльный. Это — періодъ, въ который сѣверо-восточная Русь раздробилась въ политическомъ отношеніи на независимые одинъ отъ другаго удѣлы. За начало періода мы можемъ принять тотъ моментъ, когда князья начинаютъ усваивать привычку, даже и владѣя Владиміромъ, жить въ своихъ удѣлахъ, а окончаніемъ періода можемъ считать княженіе Іоанна III-го, когда всѣ крупные удѣлы уже объединились подъ властью Москвы. Такимъ образомъ, удѣль-

ный періодъ обнимаетъ время отъ XIII до конца XV вѣка, когда уже устанавливается единодержавіе. Что же такое удѣлъ?

По литературнымъ трудамъ вы составите себѣ понятіе объ удѣлахъ, какъ о территоріи, находящейся въ потомственномъ владѣніи какой либо княжеской семьи. Такое опредѣленіе наши изслѣдователи даютъ удѣламъ только съ XIIIго вѣка, съ того времени, когда князья уже не переходятъ съ удѣла на удѣлъ, а осѣдаютъ въ одной какой нибудь мѣстности, и передаютъ свои территоріи не въ родъ, а по завѣщанію, своему личному потомству. До XIII вѣка наши ученые видимъ волости, а не удѣлы. Однако необходимо оговориться, что термины „удѣльный", „удѣльно-вѣчевой" прилагаются иногда и къ разнымъ явленіямъ южно-русской жизни XI и XII в.в, хотя, [можетъ] быть и не совершенно правильно. Подъ удѣлами и удѣльнымъ періодомъ въ своемъ изложеніи мы будемъ разумѣть княжескія владѣнія и всѣ особенности древней жизни только въ XIII и болѣе позднихъ вѣкахъ. Отличіями этого удѣльнаго періода являются: ослабленіе (а по взгляду нѣкоторыхъ и полное отсутствіе) государственнаго единства и частно-правныхъ началъ во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни. Такая характеристика періода создалась на основа-

нія изслѣдованія трехъ преимущественно сторонъ удѣльнаго быта, отличныхъ отъ быта Кіевской Руси: 1, отношеній князей къ подвластной территоріи и населенію, 2, отношеній князей между собою 3, положенія общественныхъ классовъ

Изслѣдованіе этого періода, именно его особенностей сравнительно съ болѣе раннимъ и болѣе позднимъ временемъ, началось сравнительно недавно. Прежде не выдѣляли въ самостоятельный періодъ русской исторической жизни съ XIII по XV вѣка. Такъ Шлецеръ бралъ для характеристики этого времени чисто внѣшній фактъ порабощенія татарами и называлъ Русь въ это время «Russia oppressa». По представленію Карамзина, до Ивана III была одна эпоха - „древнѣйшая" и „система удѣловъ была ея характеромъ". Первый указалъ особенности удѣльной эпохи С. М. Соловьевъ въ своей диссертаціи на магистра („Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ" М. 1845 г.) и еще больше развилъ свой взглядъ въ своей докторской диссертаціи 1847 г. („Объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома").

Схема русской исторіи, данная Соловьевымъ, намъ извѣстна. По его взгляду, Кіевская Русь - родовая собственность князей, находящаяся въ общемъ ихъ владѣніи. Порядокъ владѣнія волостями тамъ обусловленъ родовыми счетами. Политическое положеніе каждаго князя опредѣляет-

ся его положеніемъ въ родѣ, и нарушеніе этаго положенія другими князьями ведетъ къ усобицамъ. Усобицы идутъ не за волости, потомучто волости не принадлежатъ одному какому либо князю, а за порядокъ владѣнія волостями. Но въ XII вѣкѣ начинается разложеніе родового порядка, благодаря младшимъ городамъ сѣверной Руси, которые получая особаго князя болѣе ему подчиняются чѣмъ старые, старшіе города, и позволяютъ князьямъ усилить свою власть. Князья, возвышая эти города въ ущербъ старымъ, смотрятъ на нихъ, какъ на собственность устроенную ихъ личнымъ трудомъ, и стараются ихъ, какъ личное владѣніе, передать въ семью, а не въ родъ. Благодаря этому, родовое владѣніе падаетъ, родовое старшинство теряетъ значеніе и сила князя зависитъ не отъ родовога значенія, а отъ матеріальныхъ силъ и средствъ. Каждый стремится усилить свои силы и средства увеличеніемъ своей земли, своего удѣла. Усобицы идутъ уже за землю, и князья основываютъ свои притязанія не на чувствѣ родоваго старшинства, а на своей фактической силѣ. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшаго въ родѣ князя; теперь единства нѣтъ, потомучто кровная связь разшилась, а государство еще не создалось. есть только удѣлы враждующіе за матеріальное преобладаніе. Происходитъ борьба матеріаль-

 Директоръ В.Ж.К. [signature]

ныхъ силъ. Изъ этой борьбы путемъ преобладанія Москвы рождается государственная связь. — Итакъ, родъ, распаденіе рода и борьба матеріальныхъ силъ, государство, — вотъ схема нашей исторіи. Въ ней три части; средній періодъ есть періодъ удѣльный. По Соловьеву, это переходный періодъ. Въ немъ нѣтъ государственнаго единства, каждый князь, хозяинъ своего хозяйства; его политика руководится видами „личныхъ цѣлей съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей." Въ этомъ періодѣ конецъ кровныхъ связей, зарожденіе связи государственной. Иначе смотритъ на дѣло К. Д. Кавелинъ. Въ своихъ трудахъ [Сочиненія т. I и II] Кавелинъ вноситъ поправки къ историческимъ возрѣніямъ Соловьева, и именно о періодѣ удѣльномъ. По его мнѣнію возвышеніе младшихъ городовъ фактъ случайный и не могъ имѣть вліянія на измѣненія въ гражданскомъ бытѣ. Князь — членъ рода, естественно, долженъ былъ замѣниться княземъ - хозяиномъ вотчины. Крайнее развитіе княжескаго рода на Руси необходимо повело къ его разложенію и утратѣ родственныхъ связей. Родовой бытъ смѣнился естественно семейнымъ, родовое владѣніе перешло естественно въ личное. При дробности удѣловъ князья стали простыми вотчинниками - землевладѣльцами, „наслѣдственными господами отцевскихъ имѣній;" а удѣлы стали простыми вотчинами. Князья

стали завѣщать эти вотчины какъ простое имущество, а не какъ государственную территорію. Стало быть, родъ и родовое владѣніе естественно замкнулись семьей и частной собственностью и результатомъ этой смѣны было паденіе политическаго единства, частный характеръ всей жизни и управленія. Потом, при этомъ господствѣ частнаго быта, естественно развивается личное начало, и воплощаясь въ личности Московскаго князя создаетъ государственный порядокъ. Таковы черты удѣльнаго періода изъ котораго вышло государство Московское: въ этомъ періодѣ полное господство частныхъ началъ.

Чичеринъ въ статьѣ „Духовныя и договорныя грамоты князей" [въ его „Опытахъ по исторіи русскаго права"], исходитъ изъ теоретическихъ понятій права; желая опредѣлить физіономію удѣльнаго періода, онъ задаетъ вопросъ, на какомъ правѣ созидалась удѣльная жизнь. „Исходная точка гражданскаго права", говоритъ онъ, „есть лицо съ его частными отношеніями; исходная точка государственнаго права — общество, какъ единое цѣлое". Изученіе фактовъ удѣльной поры убѣждаетъ его, что въ удѣльной жизни господствовало право частное. Князья въ своихъ удѣлахъ не различали основаній, на которыхъ владѣли городами и селами

территорией удѣла, съ одной стороны, и какимъ ни-будь мелкимъ предметомъ своего обихода, въ родѣ одежды и утвари, съ другой. Въ своихъ частныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ, они безразлично распоряжались самыми различными предметами своего владѣнія. Междукняжескія отношенія регулировались договорами (а договоръ - фактъ частнаго права). Стало быть, ни въ отдѣльныхъ удѣлахъ, ни во всей русской землѣ не существовало ни государственной власти, ни государственныхъ понятій и отношеній въ средѣ князей; не было ихъ и въ отношеніяхъ князей къ населенію. Сословій тогда не было и каждый членъ общества связанъ былъ съ княземъ не государственными узами, а договорными отношеніями. Однимъ словомъ, „удѣльное общество есть общество основанное на частномъ правѣ." Впослѣдствіи путемъ фактическаго преобладанія одного князя образуется единовластіе и государственный порядокъ.

Такимъ образомъ, всѣ помянутые изслѣдователи историко-юридической школы въ сущности одинаково характеризовали удѣльный бытъ, какъ бытъ гражданскій частный, лишенный государственныхъ установленій и понятій. Факты были собраны ими добросовѣстно, анализъ фактовъ былъ талантливъ. Но точка зрѣнія вызвала возраженія со многихъ сторонъ, отъ людей разныхъ направ-

= леній

Относительно удѣльнаго быта, первый представилъ веские возраженія профессоръ государственнаго права А.Д. Градовскій [„Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи т. I.] По его мнѣнію удѣльные князья, завѣщая по духовнымъ грамотамъ волости и села рядомъ, въ сущности передаютъ своимъ наслѣдникамъ разные предметы владѣнія въ волостяхъ, [т. е. административныхъ округахъ] и селахъ. Села они передаютъ цѣликомъ, какъ полную собственность, а въ волостяхъ только доходы и права управленія завѣщающагося тѣми потомству. Князья сознавали различіе своего управленія владѣнія селомъ и волостью, и это служитъ для Градовскаго доказательствомъ, что въ удѣльномъ періодѣ существовали понятія, выходившія изъ сферы гражданскаго права, и имѣвшія характеръ понятій государственныхъ. Эти замѣчанія Градовскаго вполнѣ раздѣляетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [Русская Исторія т. I] Онъ признаетъ существованіе двухъ категорій владѣнія, но думаетъ что логика людей XIV и XV вѣковъ не могла ихъ ясно оразличать и формулировать.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нашей литературѣ мы встрѣчаемся съ новыми попытками дать цѣльную характеристику удѣльной эпохи, въ замѣнъ отчасти подорванной характеристики, историковъ-юристовъ. В. О. Ключевскій [въ трудѣ „Боярская дума"] проводитъ рѣзкую грань между Русью Кіевской

и Суздальской, сѣверо-восточной. На сѣверо-востокъ иная почва и природа чѣмъ на югъ, иной физіологическій и духовный складъ народности [великоруссъ], иныя экономическія условія жизни, поэтому иными становятся и формы общественнаго быта. Общество сѣверо-восточной Руси имѣетъ характеръ преимущественно сельскій, а князья приближаются къ типу простыхъ сельскихъ хозяевъ. „Приближеніе княжескаго владѣнія къ вотчинному владѣнію частнаго собственника", видно изъ двухъ признаковъ: удѣлы 1.) завѣщаются женщинамъ, и 2.) управляются княжескими холопами. Это признаки боярскаго землевладѣнія въ древней Кіевской Руси но сдѣлавшись вотчинникомъ, князь остался и политической властью въ удѣлѣ: онъ сохранялъ такія права, какихъ не имѣли простые вотчинники. Но эти верховныя права онъ понималъ не въ государственномъ смыслѣ, а какъ важныя статьи дохода, которыя иногда уступалъ и другимъ лицамъ въ видѣ льготы. Поэтому, сѣверо-восточный удѣльный князь можетъ быть опредѣленъ, какъ „вотчинникъ съ правами государя, государь - съ привычками вотчинника." Князь вполнѣ различалъ села отъ волостей по праву владѣнія, но вполнѣ ихъ смѣшивалъ по способу эксплоатаціи.

Другая попытка характеристики удѣльнаго періода, сдѣланная И. Е. Забѣлинымъ [см. Истор. Вѣстникъ 1881 г. „Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія"], совершенно лишена черт

юридическаго опредѣленія. Единственной связью русской земли въ удѣльномъ періодѣ, по мнѣнію Забѣлина, было чувство національнаго единства, жившее въ народѣ. Князья совершенно забыли это единство и заботились о своемъ только удѣлѣ. Лучшимъ княземъ считался тотъ, который лучше хозяйничалъ, лучше устраивалъ свой удѣлъ, „собиралъ его". Князьями-собирателями назывались не тѣ князья, которые стремились къ единодержавію, а тѣ, которые лучше устраивали свое хозяйство. Такія хозяйственныя, экономическія наклонности князей зависѣли отъ наклонностей всего народонаселенія по преимуществу „посадскаго", „рабочаго и промышленнаго". Тѣхъ князей, кто лучше хозяйничалъ [т. е. князей Московскихъ] народныя стремленія постепенно подымали на высоту національнаго государя. Таковы главнѣйшія оцѣнки удѣльнаго быта, существующія въ нашей литературѣ. Къ чему же всѣ онѣ сходятся? Историко-юридическая школа дала намъ картину частнаго быта въ удѣльномъ періодѣ, понимала этотъ бытъ, какъ подготовительный, или переходный, къ государственному бытію. На основаніи воззрѣній этой школы, объ удѣлѣ мы можемъ сказать, что удѣлъ есть территорія подчиненная князю на правѣ гражданскомъ, какъ частная земельная собственность т. е. вотчина. Однако нѣкоторые изслѣдователи находили въ удѣльное время понятія государствен-

наго порядка и поэтому отрицали исключитель-ное господство въ удѣлѣ частноправныхъ началъ. На основаніи ихъ воззрѣній мы можемъ сказать, что, удѣлъ есть территорія, подчиненная князю наслѣдственно и управляемая имъ на основаніи началъ и государственного и частнаго права; причемъ различіе этихъ началъ князьями чуствуется но на практикѣ не примѣняется. Въ мнѣніи Ключевскаго перевѣсъ на сторонѣ частнаго права. Хотя онъ признаетъ политическое значеніе за княжеской властью, но проявленія этой власти считаетъ хозяйственно-административными пріемами, а не государственною дѣятельностью.) На основаніи его воззрѣній мы можемъ сказать, что удѣлъ есть вотчина съ чертами государственнаго владѣнія или государственное владѣніе съ вотчиннымъ управленіемъ и бытомъ. Наконецъ, Забѣлинъ, съ національно-экономической [если можно такъ выразить-ся] точки зрѣнія на удѣльную жизнь, беретъ старое опредѣленіе удѣла, но этому опредѣленію даетъ новую, не юридическую формулу. По его представленію удѣлъ есть личное, земельное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусскимъ племенемъ. Знакомясь со всѣми существующими взглядами на удѣлъ, не трудно замѣтить что у всѣхъ изслѣдователей принятъ одинъ терминъ для обозначенія суще-

щества удѣла. Этотъ терминъ — вотчина. Всѣ признаютъ, что этотъ терминъ возможенъ, но всѣ разно ~~толкуютъ~~ опредѣляютъ точность термина. Одни видятъ тожество удѣла и вотчины, другіе только сходство [и то въ разной степени]. Нетрудно понять и то, почему терминъ „вотчина" привилея и имѣетъ право на существованіе: съ развитіемъ удѣльнаго порядка, при постоянномъ дробленіи удѣловъ между наслѣдниками, многіе удѣлы измельчали и фактически перешли въ простыя вотчины [какъ напримѣръ, многіе удѣлы Ярославской линіи князей, въ которыхъ не было ни одного городка и очень мало земли]. Это обстоятельство измельчанія удѣловъ имѣетъ значеніе между тѣмъ и потому, что указываетъ на слабую сторону всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами теорій объ удѣльной эпохѣ. Онѣ какъ бы забываютъ, что княжескія удѣльныя владѣнія были крайне разнообразны по размѣрамъ. Одни изъ нихъ были незначительны на столько, что ничѣмъ не могли отличаться отъ частнаго владѣнія, а другія выростали въ громадныя области [Московскій удѣлъ въ XV в.] Эти послѣдніе удѣлы, по своимъ размѣрамъ уже заставляютъ предполагать, что власть ихъ владѣтелей должна отличаться нѣкоторыми государственными чертами.

Принимая это во вниманіе, мы также ...

жны поставить опредѣленіе удѣла, чтобы избѣжать нѣкоторой неточности и неполноты и въ то же время не впасть въ противорѣчіе съ установленными наукою взглядами. Кажется мы достигнемъ этого если скажемъ, что удѣлъ сѣверо-восточнаго князя есть наслѣдственная земельная собственность князя, какъ политическаго владѣтеля [какъ частный землевладѣлецъ онъ владѣлъ селами] собственность, по типу управленія и быта подходящая къ простой ~~соб~~ вотчинѣ, а иногда и совсѣмъ въ нее переходящая.

Разъ старинная княжеская „волость" замѣнилась „удѣломъ," которымъ князь владѣетъ какъ собственностью всякое основаніе политическаго единства исчезаетъ: князья уже не имѣютъ привычки вспоминать что они „одного дѣда внуки" и что у нихъ долженъ быть старшій который бы „думалъ гадалъ" о Русской землѣ. Только единство зависимости отъ татаръ оставалось у различныхъ княжескихъ семей, а въ остальномъ эти семьи жили особенно. Каждая изъ нихъ, разростаясь, превращалась въ родъ и пока родичи помнили о своемъ родствѣ, имѣла одного „великаго князя." Рядомъ съ великимъ княземъ Владимірскимъ были такіе же въ Твери Рязани и т. д. И отношенія между этими княжескими семьями и родами уже не имѣли ничего родственнаго и опредѣлялись „договорами". Когда же дробленіе княжескихъ родовъ и земель достигло полнаго

наго развитія, договорами стали опредѣляться даже отношенія родныхъ братьевъ. И не трудно указать причины по которымъ князья нуждались въ договорахъ: какъ личные землевладѣльцы-собственники, интересъ которыхъ заключался въ увеличеніи личной, семейной собственности князья заботились о примыслахъ, т. е. объ увеличеніи своего имущества, движимаго и недвижимаго, на счетъ другихъ князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали для себя ту дань, которая собиралась для татаръ и иногда или вовсе, или частью не была имъ передаваема. Эти заботы о примыслахъ превращали князей въ хищниковъ, отъ которыхъ страдали интересы ихъ сосѣдей. Для этихъ сосѣдей договоръ являлся средствомъ оградить свои интересы отъ насилія смѣлаго и сильнаго князя или привлеченіемъ его въ союзъ, или уступкою ему нѣкоторыхъ правъ и выдачею ему обязательствъ. Договорами опредѣлялись и взаимныя отношенія договаривающихся князей и единство ихъ политики по отношенію къ прочимъ князьямъ и внѣшнимъ врагамъ Руси. Если князья договаривались какъ равноправные владѣтели они называли себя „братьями", если одинъ князь признавалъ другого сильнѣйшимъ или становился подъ его покровительство онъ называлъ сильнѣй-

шаго „отцемъ" или „братомъ старѣйшимъ" а самъ называлъ „братомъ молодшимъ". Владимірскій-Будановъ склоненъ думать, что междукняжескіе договоры опредѣляя точно взаимныя отношенія сѣверно-русскихъ княжествъ, превращали эти княжества въ „сѣверно-русскій союзъ". Въ XIV и въ XV вѣкахъ является въ договорахъ понятіе княжеской службы: служебный князь XV вѣка не теряя фактически расположенія вотчиной, становится мало по малу простымъ вотчинникомъ; по договорамъ можно прослѣдить какъ мелкіе князья становятся все въ большею и большею зависимость отъ сильныхъ и наконецъ всѣ они переходятъ въ полную зависимость отъ одного Московскаго князя, причемъ мелкіе князья, передавая свои вотчины великому князю, сознательно передаютъ ему державныя права на ихъ вотчины, сохраняя въ то же время въ этихъ вотчинахъ права частнаго собственника.

— Смѣшеніе правъ государственнаго и частнаго, съ преобладаніемъ послѣдняго, мы встрѣчаемъ и въ устройствѣ самаго удѣльнаго общества и въ отношеніи его къ князьямъ. Въ отношеніи къ князьямъ населеніе дѣлится на людей „служилыхъ", которые князю служатъ, и „тяглыхъ", которые ему платятъ. [Это термины позднѣйшихъ временъ эпохи Московскаго госу-

дарства, но они могутъ быть употреблены и въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ XIII и въ XIV вв. для обозначенія общественныхъ группъ не существовало опредѣленныхъ названій.] Во главѣ служилыхъ людей стояли тѣ лица, которые участвовали въ княжеской администраціи. Первымъ лицемъ финансоваго управленія считался „дворскій" (дворецкій) управитель княжескаго двора. Въ попыткахъ точно опредѣлить значеніе должности дворского ученые расходятся. Одни говорятъ что дворскій управлялъ вообще княжескимъ дворомъ, другіе, что онъ управлялъ только княжескимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Въ зависимости отъ дворского находились: „казначей", „ключники" (тіуны); „посельскіе" (сельскіе приказчики). Должность казначея съ теченіемъ времени становилась почетнѣе и впослѣдствіи она сдѣлалась боярскою, въ эпоху болѣе древнюю и казначей и ключники выбирались часто изъ холоповъ. Всѣ эти лица вѣдали дворцевое, т. е. частное княжеское хозяйство. Во главѣ же правительственной администраціи находились бояре. Имъ давались въ управленіе города и волости. Управляющіе городомъ носили названіе „намѣстника", а управляющіе волостью названіе „волостеля". Изъ городовъ и волостей непосредственно бояре

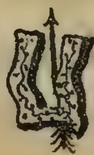
извлекали не только доходы на князя, но и средства на свое содержаніе или „кормились" отъ населенія; отсюда самая ихъ должность носила названіе „кормленій", и такимъ образомъ провинціальное управленіе имѣло цѣлью скорѣе содержанія княжескихъ слугъ, чѣмъ государственныя потребности. Что же касается до участія бояръ въ дворцовомъ управленіи, то здѣсь мы встрѣчаемся съ терминомъ „путные бояре". „Путемъ" называлась статья княжескаго дохода. Лицо которому князь довѣрялъ управленіе „путемъ", называлось „путнымъ бояриномъ", если это былъ бояринъ или „путникомъ". Кромѣ „путныхъ бояръ" мы встрѣчаемъ еще „введенныхъ" и „большихъ" бояръ. Что значили эти термины точно еще до сихъ поръ не объяснено. Бояре составляли и думу князя и въ ней пользовались большимъ значеніемъ, не меньшимъ, чѣмъ въ Кіевской Руси. Люди занимавшіе низшія ступени княжеской администраціи извѣстны подъ именами „слугъ", „дѣтей боярскихъ" и „слугъ подъ дворскимъ"; послѣдніе не могли переходить, какъ бояре и слуги вольные на службу отъ одного князя къ другому, не теряя при этомъ своей земли. Вообще же княжескіе слуги находились во двоякомъ отношеніи къ князю: они были или холопы князя, или же вольные его слуги, которые имѣли право перехода на службу

отъ одного князя къ другому, сохраняя при этомъ за собою свои земли въ томъ удѣлѣ откуда уходили. Только въ одномъ случаѣ бояре были безусловно обязаны службой тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась ихъ земля; если городъ, въ области котораго находилась вотчина былъ въ осадѣ, то бояринъ былъ обязанъ помочь осажденному городу. Князь, имѣя такихъ вольныхъ слугъ, долженъ былъ дать имъ вознагражденіе или жалованьемъ или кормленьемъ. Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія, существовало другое обезпеченіе — „помѣстьемъ". Помѣстьемъ называлась земля, данная княземъ его слугѣ во владѣніе условно, то есть до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба. Вопросъ о времени и порядкѣ возникновенія помѣстій не рѣшенъ. Извѣстно что въ XIV вѣкѣ помѣстья уже были, что видно, между прочимъ, изъ завѣщанія Іоанна Калиты. О происхожденіи системы помѣстій существуютъ различныя мнѣнія. Старые ученые [Неволинъ] смѣшивали кормленія и помѣстья въ одинъ видъ условнаго владѣнія и говорили, что помѣстья произошли отъ кормленія; но между тѣмъ и другимъ существуетъ громадная разница: въ кормленіе давались области на правѣ публичномъ, т. е. давалось право сбора дани за обязанность управленія. Помѣстье же давалось на частномъ правѣ, какъ владѣніе за службу

лица, изъ селъ принадлежавшихъ князю лично.

Люди не принадлежавшіе къ служилому сословію т. е. люди „тяглые" раздѣлялись на „купцевъ" или „гостей" и людей „черныхъ", „численныхъ" позднѣе „крестьянъ". Купцевъ въ сѣверо-восточной Руси было не много, такъ какъ торговля не была особенно развита, и они не были особымъ сословіемъ съ извѣстными юридическими признаками; купцемъ могъ быть всякій по желанію. Люди черные или численные жили или на своихъ собственныхъ земляхъ, или на земляхъ владѣльческихъ [т. е. монастырскихъ, боярскихъ] или же на княжескихъ земляхъ, такъ называемыхъ „черныхъ". Крестьяне на черныхъ земляхъ платили за пользованье ею князю дань и оброкъ; крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, платя подати князю, въ то же время платили и „оброкъ" землевладѣльцу деньгами, натурой или барщиной, и пользовались правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Новгородъ.

ентромъ исторической жизни сѣверной Руси въ удѣльный періодъ, кромѣ Суздальскаго кня-

жества былъ Новгородъ. Онъ представлялъ собою цѣлое государство, же возникшее и жившее своеобразно и пришедшее въ упадокъ, благодаря внутреннимъ неурядицамъ. Вслѣдствіи оригинальныхъ особенностей своей жизни, которыми онъ такъ отличался отъ другихъ русскихъ областей, Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, такъ что мы имѣемъ обширную литературу, посвященную его исторіи. Важнѣе прочихъ труды: Бѣляева „Исторія Новгорода Великаго" въ его „Разсказахъ по Русской Исторіи" книга 2-я; Костомарова „Сѣверорусскія народоправства", въ его „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ" т. т. VII и VIII; Пассека „Новгородъ самъ въ себѣ" въ „Чтеніяхъ Импер. Общ. Истор. и Древ." 1869 г. кн. IV и въ сборникѣ Пассека „Изслѣдованія въ области русской исторіи" М. 1870 г.; Никитского: а) „Очеркъ внутренней исторіи Пскова, СПБ 1873 г., б) „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ В. Новгородѣ". СПБ 1879 г. и в) „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893 г.

О племени, издревле населявшемъ Новгородъ, существуетъ много разныхъ мнѣній. Нѣкоторые ученые какъ напримѣръ: Бѣляевъ, Иловайскій, считаютъ новгородскихъ славянъ тождественными съ Кривичами, жившими въ областяхъ Полоцкой и Смоленской. Косто-

маровъ считаетъ ихъ южно-руссами; такъ какъ говоръ новгородскихъ жителей схожъ съ южно-русскимъ; Гильфердингъ сближалъ Новгородскихъ славянъ съ Балтійскими. Мѣстность, заселенная Новгородскими славянами была болотиста, лѣсиста; и мало плодородна, вслѣдствіи чего въ этомъ краѣ развилась торговля, промышленность и колонизація; этому много способствовалъ и энергичный, смѣлый и предпріимчивый характеръ населенія, близость судоходныхъ рѣкъ и положеніе Новгорода на главномъ торговомъ пути „Изъ Варягъ въ Греки". Главнымъ городомъ Новгородскихъ славянъ былъ Новгородъ. Вопросъ о времени его происхожденія и существованія очень темен. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" есть извѣстіе о томъ что Новгородъ стоялъ во главѣ племенъ, призвавшихъ Варяговъ, слѣдовательно въ IX вѣкѣ онъ уже достигъ большей влиятельности и силы. Существуетъ мнѣніе, что Новгородъ выросъ изъ старыхъ отдѣльныхъ поселеній, которыя потомъ получили названіе „концевъ". Городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова, недалеко отъ озера Ильменя. Волховомъ Новгородъ дѣлился на двѣ „стороны", одна изъ нихъ, восточная носила названіе „торговой" отъ находящагося здѣсь рынка, другая „софійской" отъ храма св. Софіи. Украшеніемъ Новгорода служилъ „дѣтинецъ" или кремль. Стороны дѣлились на пять „концевъ."

концы, по всей вѣроятности, были первоначально отдѣльными слободами а такъ какъ населеніе постепенно двигалось къ центру, то на мѣстѣ, которое было слободой становилось „концемъ" населеній. То что концы могли быть отдѣльными самостоятельными слободами, подтверждается ихъ особымъ управленіемъ и частыми враждебными отношеніями столкновеніями между ними. Кругомъ Новгорода лежали громадныя пространства земли, принадлежавшія Новгороду и называвшіеся „землею св. Софіи." Эта земля дѣлилась на пятины и области. Число пятинъ, соотвѣтствовало числу концевъ. Къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера, лежала пятина Обонежская, къ сѣверо-западу, между Волховымъ и Лугой - Водьская, къ юго-востоку - между Метой и Ловатью - Деревская, къ юго-западу, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони - Шелонская; наконецъ, на югъ-востокъ простиралась пятина Бѣжецкая. Въ пятинахъ находились пригороды Новгорода: Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды находились въ зависимости отъ Новгорода, принимали участіе въ его дѣлахъ и призывались на новгородскія вѣча; изъ нихъ только Псковъ въ XIV вѣкѣ достигъ государственной независимости и сталъ называться „младшимъ братомъ Новгорода". За пятинами находи-

мѣ Новгородскія „волости" или „земли", имѣвшія отличное отъ пятинъ устройство; число ихъ въ разное время было различно. Среди нихъ самое видное мѣсто занимало Заволочье, лежащее за водораздѣломъ бассейна Онеги, З. Двины и Волги. Къ востоку простиралась „Пермская земля", лежащая по рѣкамъ Вычегдѣ и Камѣ; къ сѣверо-востоку отъ Заволочья и Пермской земли находилась волость „Печера", расположенная по обѣимъ сторонамъ рѣки Урала и Печеры. По другую сторону Уральскаго хребта находилась земля Югра, а на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря земля Терская.

Ходъ обособленія Новгорода и условія создавшія особенности Новгородской жизни. Вслушиваясь въ исторію Новгорода, то замѣтимъ такія особенности новгородской жизни, которыхъ нѣтъ въ южной Руси. Первоначально Новгородъ былъ въ такомъ же отношеніи къ великому князю, какъ и другіе города. При переселеніи изъ Новгорода въ Кіевъ Олегъ обложилъ его данью въ триста гривенъ и назначилъ тамъ посадника; при слѣдующихъ князьяхъ положеніе Новгорода было одинаково съ положеніемъ прочихъ городовъ древней Руси и это продолжается до XII-го вѣка. Съ половины же XII вѣка мы встрѣчаемъ въ Новгородской жизни рядъ явленій, существенно отличающихъ ее отъ жизни другихъ областей. Отдѣльность отъ Кіева, заставляетъ князей считать Новгородъ въ числѣ не самыхъ важныхъ волостей и такимъ

образомъ Новгородъ, не будучи предметомъ княжескихъ рас-
прей, мало по малу освобождался отъ давленія князя и
дружины и могъ на просторѣ развивать свой бытъ.
Неплодородіе почвы заставило Новгородцевъ искать
занятія помимо земледѣлія, вслѣдствіи чего,
какъ уже выше было сказано, въ Новгородѣ силь-
но были развиты промышленность и торгов-
ля, обогатившая Новгородъ. О торговомъ значеніи
Новгорода мы имѣемъ очень различныя извѣстія
въ лѣтописи. Объ обширности торговыхъ сно-
шеній Новгорода свидѣтельствуютъ много-
численныя восточныя монеты, находимыя въ
Новгородскихъ мѣстахъ. Новгородъ торговалъ и
съ Греціей и съ Западомъ. Когда торговое значеніе
балтійскихъ славянъ перешло къ острову Гот-
ланду, тогда Новгородъ велъ съ нимъ торговлю,
а въ XIII вѣкѣ, когда торговое преобладаніе перешло
къ ганзейскому городу Любеку, тогда Новгородцы
помимо Готланда завели торговыя сношенія
и съ Нѣмцами, на что указываютъ дошедшія
до насъ договоры, въ которыхъ опредѣляются
отношенія готландскихъ нѣмецкихъ и рус-
скихъ купцевъ. При постоянно возрастаю-
щемъ торговомъ значеніи Новгорода, распри
князей изъ за удѣловъ, и ихъ частая смѣна
въ Новгородѣ, уронила ихъ авторитетъ передъ
Новгородцами и дали возможность окрѣпнуть и

узаконить двумъ особенностямъ новгородской жизни, помогшимъ политическому обособленію Новгорода: договорамъ съ князьями и особому характеру выборной администраціи. Ряды съ князьями имѣвшіе цѣлью опредѣлить отношеніе князю къ Новгороду, скрѣпляемые обыкновенно крестнымъ цѣлованіемъ, мы встрѣчаемъ еще въ XII вѣкѣ, хотя условій этихъ договоровъ до второй половины XIII вѣка не знаемъ. Такъ напримѣръ, до насъ дошло извѣстіе о рядѣ Всеволода Гавріила въ 1132 году. Въ 1218 году, когда Новгородцы, вмѣсто Мстислава Удалого, князя Торопецкаго, призвали князя Святослава Смоленскаго, то послѣдній потребовалъ смѣны посадника Твердислава „безъ вины", какъ онъ объяснялъ. Тогда Новгородцы замѣтили ему, что онъ „цѣловалъ крестъ" безъ вины мужа должности не лишать. Изъ дошедшихъ до насъ, древнѣйшихъ договорныхъ грамотъ съ Ярославомъ Тверскимъ въ 1264-мъ 5-омъ и 1270 годахъ мы можемъ вполнѣ опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, степень его власти и кругъ дѣятельности. Князь не могъ управлять иначе какъ подъ контролемъ посадника; получая опредѣленный доходъ, онъ и его дружина не имѣли права пріобрѣтать въ собственность земли и людей. Право суда было тоже точно опредѣлено: князь долженъ былъ

судить въ Новгородѣ и съ содѣйствіемъ посадника. Кромѣ того, князь обязанъ былъ не только дать льготы для торговли Новгородскимъ купцамъ въ его удѣлѣ, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положеніе князя зависѣло отъ силы партіи которая его призвала, отъ отсутствія сильныхъ соперниковъ и отъ личности самого князя. Помощникъ князя въ управленіи „посадникъ", при первыхъ князьяхъ назначался княземъ и служилъ представителемъ его интересовъ передъ Новгородцами. Съ половины XII вѣка мы замѣчаемъ обратно: посадникъ уже избирается новгородцами и служитъ представителемъ Новгорода передъ княземъ. Около этого времени и должность тысяцкаго становится выборной. Въ управленіи Новгорода большое значеніе имѣетъ епископъ (позднѣе архіепископъ) высшее духовное лицо. До XII-го вѣка епископъ назначался митрополитомъ изъ Кіева, такъ какъ Новгородъ въ это время находился въ зависимости отъ Кіева, а въ 1156 году, Новгородцы сами избравъ Аркадія — уже независимо, послали его въ Кіевъ для посвященія и затѣмъ удержали этотъ порядокъ. Епископовъ обыкновенно выбирали по жребію, причемъ три жребія съ именами трехъ намѣченныхъ въ іерархи лицъ клали на престолъ въ храмѣ св. Софіи и давали мальчику или слѣпцу взять два изъ нихъ; чей жребій

оставался, тотъ считался избраннымъ Божьей волею и посылался на утвержденіе Кіевскаго Митрополита. Такимъ образомъ, путемъ рядовъ и установленіемъ выборныхъ властей, Новгородъ выдѣлился политическимъ устройствомъ изъ ряда другихъ областей. Высшимъ политическимъ органомъ въ Новгородѣ стало съ этихъ поръ вѣче, а не княжеская власть, какъ въ то время въ сѣверо-восточной Руси.

Устройство и управленіе. Новгородское вѣче по своему происхожденію было учрежденіемъ однороднымъ съ вѣчами другихъ русскихъ городовъ, только сложившимся въ болѣе выработанныя формы; но оно тѣмъ не менѣе не было вполнѣ благоустроеннымъ, постоянно дѣйствующимъ политическимъ органомъ. Вѣче созывалось не періодически, а тогда, когда въ немъ была надобность, княземъ, посадникомъ или тысяцкимъ, на Торговой сторонѣ города на Ярославскомъ дворѣ. Состояло оно изъ жителей какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ; ограниченій въ средѣ новгородскихъ граждан не было, каждый свободный и самостоятельный человѣкъ могъ идти на вѣче и возвышать тамъ свой голосъ. Вопросы, подлежащіе обсужденію вѣча предлагались съ высокаго мѣста, называемаго: „степенью", посадникомъ или тысяцкимъ; эти вопросы были законодательнаго, административнаго или судебнаго характера. Вѣче при-

зываетъ князей, изгоняетъ ихъ и судитъ, избираетъ посадниковъ и владыкъ, рѣшаетъ вопросы войны и миръ, постановляетъ новые законы. Правильнаго голосованія на вѣче не было; рѣшеніе составлялось на глазъ, по большинству криковъ, часто въ случаѣ несогласія вѣче раздѣлялось на партіи и сильнѣйшая силой заставляла согласиться слабѣйшую. Иногда, какъ результатъ распри созывалось два вѣча; одно на Торговой, другое на Софійской сторонѣ; раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту, и только вмѣшательство духовенства предупреждало кровопролитіе. При такомъ устройствѣ вѣча ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящія на очереди вопросы, ни создавать законопроэкты; нужно было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало-бы важнѣйшія вопросы, подлежащія рѣшенію вѣча. Такимъ учрежденіемъ былъ въ Новгородѣ особый правительственный совѣтъ, называемый нѣмцами „Herren", „совѣтъ господъ", такъ какъ этотъ правительственный совѣтъ состоялъ изъ старыхъ и степенныхъ посадниковъ, тысяцкихъ и сотскихъ, и носилъ аристократическій характеръ; число его членовъ въ XV вѣкѣ доходило до пятидесяти. Указанія на существованіе такого совѣта, въ научной литературѣ появились

недавно, долгое время историки и не подозрѣвали о его существованіи, такъ какъ это учрежденіе никогда не получило правильнаго юридическаго устройства. Честь его изслѣдованія принадлежитъ Никитскому.

Главной исполнительной властью въ Новгородѣ былъ „посадникъ". Посадникъ пользовался большимъ значеніемъ; какъ представитель города онъ охранялъ интересы его передъ княземъ. Безъ его князь не могъ судить Новгородцевъ и раздавать волости; въ отсутствіи князя, онъ управлялъ городомъ, онъ часто предводительствовалъ войсками, и велъ дипломатическіе переговоры отъ имени Новгорода. Опредѣленнаго срока службы для посадника не было; онъ правилъ, пока его не отставляло вѣче, и его отставка значила, что партія, представителемъ которой онъ былъ, потерпѣла пораженіе на вѣчѣ. Въ посадники могъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ Новгорода, но по лѣтописи видно что должность посадника сосредоточивалась въ небольшомъ числѣ извѣстныхъ боярскихъ фамилій такъ въ XIII и въ XIV вѣках изъ одного рода Михаила Степановича, избрано было 12 посадниковъ. Посадникъ не получалъ опредѣленнаго жалованья, но пользовался извѣстнымъ доходомъ съ волостей, назыв:

„поралье“. Рядомъ съ посадникомъ видимъ другаго важнаго новгородскаго сановника „тысяцкаго.“ Характеръ власти тысяцкаго теменъ, нѣмцы называютъ его „Herzog“ стало быть это власть военная, на что намекаетъ и русское названіе „тысяцкій“, т. е. представитель городского полка, называемаго тысячей. Онъ, насколько можно судить, является представителемъ низшихъ классовъ Новгородскаго общества, въ противоположность посаднику. Городская „тысяча“ дѣлилась на сотни, съ „сотскими“ во главѣ, которые подчинялись тысяцкому. Кромѣ посадника, тысяцкаго и сотскихъ, въ Новгородѣ замѣчаемъ еще территоріальныя власти — это старосты концевъ и улицъ, а концы и улицы представляли собою автономныя, административныя единицы. Что касается до областной жизни Новгорода, то вопросъ объ управленіи областей очень смутенъ. Всѣ пятины Новгорода за исключеніемъ Бѣжецкой, своими предѣлами доходятъ до Новгорода; на основаніи этого можно предположить, что Новгородскія пятины, первоначально были маленькія области, примыкавшія къ концамъ и управляющіяся кончанскими старостами. Съ распространеніемъ новгородскихъ завоеваній, ка-

дая завоеванная область приписывалась къ то-
му или другому концу, такъ что увеличеніе
новгородской территоріи шло вдоль отъ
Новгорода по радіусамъ окружености. Но не-
льзя скрыть, что это предположеніе гада-
тельное, основанное на совпаденіи числа
пятинъ, и концевъ и на аналогіи со Псков-
вомъ, гдѣ всѣ пригороды были приписаны
къ городскимъ концамъ. Что касается до до-
кументальныхъ свидѣтельствъ, то они заклю-
чаются въ одномъ темномъ мѣстѣ записокъ
Герберштейна о Россіи. Герберштейнъ говоритъ
о Новгородѣ, что Новгородъ имѣетъ обширную
область, раздѣленную на пять частей, (latis-
simam ditionem, in quinque partes distributam,
habebat); далѣе онъ говоритъ, что каждая изъ
нихъ выдалась у своего начальника и житель
могъ заключать сдѣлки только въ своей части
(in sua duntaxat civitatis regione). Здѣсь являются
два мѣста трудно переводимыя: вопервыхъ, ка-
кимъ словомъ надо перевести ~~слово~~ „ditio"? мѣ-
сто занимаемое городомъ? территорія занимае-
мая государствомъ? или государственная власть,
какъ это слово понималось въ классической лати-
ни? и во вторыхъ, что надо понимать подъ
словомъ „civitas", городъ или государство? Что
касается до толкованія этого мѣста Гербер-

штейна въ русской наукѣ, то мнѣнія расходятся. Неволинъ, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ, подъ нимъ понимаютъ только городъ, а Ключевскій и Замысловскій склонны видѣть здѣсь всю Новгородскую территорію. Такимъ образомъ вопросъ объ управленіи пятинъ остается нерѣшеннымъ. Что касается до Новгородскихъ пригородовъ и волостей, то извѣстно что Новгородъ предоставлялъ имъ полную внутреннюю самостоятельность, такъ одинъ изъ пригородовъ Новгорода, Псковъ имѣлъ своего князя, и право суда; а примѣръ Двинской земли съ ея собственными князьями говоритъ намъ о малой зависимости отъ Новгорода и его волостей. Такимъ образомъ политической формой новгородской жизни была демократическая республика, демократическая потому, что верховная власть принадлежала вѣчу, куда имѣлъ доступъ всякій свободный новгородскій гражданинъ; но хотя все свободное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и въ судѣ тѣмъ не менѣе оно, при полномъ политическомъ равенствѣ представляется намъ раздѣленнымъ на слои и классы. Въ основѣ этого дѣленія лежило политическое неравенство. Оно, создавъ сильную аристократію, имѣло важное вліяніе на развитіе и паденіе Новгорода, при немъ не осуществля-

лось должнымъ образомъ политическое равенство.

Сословія Великаго Новгорода. Дѣлилось Новгородское населеніе на лучшихъ и меньшихъ людей. Меньшіе не были меньшими по политическимъ правиламъ, а лишь по экономическому положенію и фактическому значенію. Экономическимъ неравенствомъ при полномъ равенствѣ юридическомъ и обуславливаются новгородскія смуты, начавшіяся съ XIV-го столѣтія; подъ экономическимъ давленіемъ высшихъ слоевъ, масса не могла пользоваться своими политическими правами, являлось противорѣчіе права и факта, что дразнило народъ и побуждало его къ смутамъ. Въ болѣе раннюю пору Новгородской жизни, какъ это видно по лѣтописямъ, смуты возникали изъ за призванія князей: князья, призываемые въ Новгородъ, должны были открыть Новгородцамъ, по замѣчанію Пассека, торговлю въ другихъ частяхъ Руси, и при призваніи князя принималось въ расчетъ: какая область всего удобнѣе для Новгородской торговли, при этомъ сталкивались интересы новгородской аристократіи и крупныхъ новгородскихъ торговцевъ. Такимъ образомъ до XIV-го вѣка смуты возникали изъ за торговыхъ интересовъ и происходили въ высшихъ классахъ. Но съ XIV вѣка обстоятельства перемѣнились, усиленіе Москвы съ одной стороны и Литвы съ другой, уменьшивъ число

князей, упростило вопросъ о призваніи князей и онъ пересталъ быть источникомъ смутъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XIV вѣкѣ сильно увеличилось въ Новгородѣ разница состояній, вслѣдствіи чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характеръ: мотивы торгово-~~промышленные~~-политическіе, смѣнились экономическими. Эти то смуты и содѣйствовали полному упадку Новгородскаго государства.

Кромѣ общаго раздѣленія на „лучшихъ и меньшихъ" людей встрѣчаемъ дѣленіе Новгородскаго населенія на три части, классъ высшій, бояре, средній — житые люди и купцы и низшій — черные люди. Во главѣ Новгородскаго общества стояли бояре: это были крупные капиталисты и землевладѣльцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участія въ торговлѣ, но ссужая своими капиталами купцовъ, торговали черезъ другихъ и такимъ образомъ стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ Новгорода. Многихъ ученыхъ занимаетъ вопросъ какимъ образомъ явилось боярство, которое въ древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, въ томъ краю, гдѣ княжеская власть была всегда слаба. Бѣляевъ объясняетъ его происхожденіе развитіемъ личнаго землевладѣнія; од-

разованіе большихъ боярскихъ вотчинъ онъ относитъ еще къ тому времени, когда Новгородъ не обособился отъ остальной Руси, Ключевскій-же говоритъ, что новгородское боярство вышло изъ того же источника, какъ и въ другихъ областяхъ; этимъ источникомъ была служба князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя, князья, пріѣзжая въ Новгородъ, назначали тысяцкихъ и посадниковъ, по его мнѣнію изъ туземцевъ, которые пріобрѣтаютъ санъ боярина, сохраняютъ его за собою и передаютъ потомству. Кажется слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому мнѣнію. Слѣдующій классъ составляютъ „житые люди". По мнѣнію однихъ это новгородскіе землевладѣльцы, по мнѣнію другихъ-средніе капиталисты, живущіе процентами со своихъ капиталовъ. За ними слѣдовали купцы, главное занятіе которыхъ была торговля. Купцы дѣлились на сотни и основывали купеческія компаніи, куда принимали внесшихъ 50 гривенъ серебра; каждый членъ такого купеческаго общества въ своихъ торговыхъ оборотахъ пользовался поддержкой своей общины. Вся остальная масса народа носила названіе „черныхъ людей". Къ нимъ принадлежали жившіе въ городахъ ремесленники и рабочіе и жившіе въ по-

равки.

Такъ, изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ, одно настолько неопредѣленно, что само по себѣ не доказываетъ существованія города Москвы въ 1147 году, а другое, хотя и очень опредѣленно, но не можетъ быть принято за доказательство того, что городъ Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на другія (извѣстныя) свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать существованіе Москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII-го вѣка. При описаніи событій, послѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ, какъ городѣ, и о „Москвлянахъ", какъ ея жителяхъ. Ипатьевская лѣтопись подъ 1176 (6684) годомъ разсказываетъ, что больной князь Михалко, направляяся въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилкахъ „до Кучкова, рекше до Москвы", тамъ онъ узналъ о приближеніи своего врага Ярополка, и поспѣшилъ во Владиміръ „изъ Москвы" въ сопровожденіи Москвичей. „Москвляне же, — продолжаетъ лѣтописецъ, — слышавше, оже идетъ на нь Ярополкъ, и возвратишася вспять, блюдуче домовъ своихъ". Въ слѣдующемъ 1177 году (6685) лѣтопись прямо называетъ Москву городомъ въ разсказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Все-

ѣ.годи: „Тогдаже на ту осень прїѣха на Московь (въ друг. ихъ спискахъ: Москву) и пожже городъ весь и села."
Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существованіи города Москвы, въ тоже время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ ихъ еще не установлено однообразное наименованіе города: городъ называется, то — «Московь», то «Кучково», то — «Москва»; не доказываетъ-ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду, возможно и не связывать возникновенія Москвы непремѣнно съ именемъ князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности: ихъ нельзя эксплоатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII вѣка.

Итак, оставаясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII-го вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется текстомъ лѣтописей. Если вдуматься въ тексты извѣстія лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а пограничная военная роль Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Суздальско-Владимірскаго

княжества. Съ юга, изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву, и именно Москва была первымъ городомъ, который встрѣчали приходящіе въ Суздальской Руси. Когда по смерти Боголюбскаго князя Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова, именно въ Москвѣ, на границахъ княженія Боголюбскаго (Андрея) встрѣтили ихъ Ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, котораго не желали пускать внутрь княжества, они указали: «пожди мало на Москвѣ». Ярополкъ отправился „к дружинѣ Переяславлю", а Михалко, не слушая Ростовцевъ поѣхалъ во Владиміръ. Москва здѣсь рисуется какъ перекрестокъ, отъ котораго можно было держать путь и въ Ростовъ, на сѣверъ, и во Владиміръ, на сѣверо-востокъ. Внутренніе пути Суздальской Руси сходились въ Москвѣ въ одинъ путь, шедшій на югъ, въ Черниговскую землю. Черезъ годъ Михалко, выбитый изъ Владиміра, опять идетъ изъ Чернигова на сѣверъ по зову Владимірцевъ. На встрѣчу ему выходятъ и Владимірцы, его друзья и племянникъ Ярополкъ - его врагъ. Первые хотятъ его встрѣтить и охранить, второй желаетъ недопустить его въ занятую Ростиславичами землю. При разныхъ цѣляхъ враги спѣшатъ въ одинъ и тотъ же пунктъ, въ Москву. Очевидно, въ данномъ случаѣ встрѣчать Михалка всего удобнѣе было на границѣ княжества, съ какой бы цѣлью его не встрѣчали. Когда, наконецъ, Михалко и братъ его Всеволодъ

укрѣпились крѣпко во Владимірѣ, князь Черниговскій, Святославъ Всеволодовичъ, отправилъ къ нимъ ихъ женъ, „пригода вя къ нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвы". Проводивъ княгинь, Олегъ вернулся „во свою волость въ Лопасну." Здѣсь опять не требуетъ доказательствъ пограничное положеніе Москвы: княгинь проводили до перваго пункта владѣній ихъ мужей. Всѣ приведенныя указанія относятся къ 1175-1176 годамъ. Не менѣе любопытенъ и позднѣйшій фактъ. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ 1207 (6715) году походъ на югъ, на Ольговичей („хочю поити къ Чернигову",— говоритъ онъ) послалъ въ Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Константинъ съ войсками пришелъ оттуда на соединеніе съ нимъ. Константинъ послушался и „дождася отца на Москвѣ". „На Москву" пришелъ и самъ Всеволодъ и, соединяясь тамъ со своими сыновьями, „поиде с Москвы... и придоша до Оки," которая была тогда внѣ предѣловъ Суздальскаго княжества. Въ этомъ случаѣ Москва ясно представляется послѣднимъ, самымъ южнымъ городомъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда князь прямо вступаетъ въ чужую землю, во владѣнія Черниговскихъ князей. Пограничное положеніе Москвы естественно должно было обратить ее въ этотъ разъ въ сборное мѣсто дружинъ Всеволода, въ операціонный базисъ предпринятаго похода.

Но не только по отношенію къ Черниговской землѣ

Москва играла роль пограничнаго города: съ тѣмъ же самымъ значенiемъ являлась она иногда и въ отношенiяхъ Суздальской и Рязанской земель. Въ 1177 (6685) году князь Рязанскiй Глѣбъ, нападая на владѣнiя Всеволода, обратился именно на Москву, какъ это указано выше. То же повторилось и въ 1208 (6716) году: Рязанскiе княз[ь]я „начаста воевати волость Всеволожю великаго князя около Москвы." Москва по отношенiю къ Рязани представляется намъ первымъ доступнымъ для Рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по Москвѣ-рѣкѣ. Этимъ путемъ такъ или иначе воспользовались и Татары Батыя, пришедшiе изъ Рязанской земли, отъ Коломны, прежде всего къ Москвѣ.

Итакъ, слѣдуя по лѣтописямъ за судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событiяхъ эпохи. Москва - пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга. Москва - пунктъ, на который прежде всего нападаютъ враги Суздальско-Владимiрскихъ князей. Москва, наконецъ, - исходный пунктъ военныхъ операцiй Суздальско-Владимiрскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствiяхъ противъ юга. Очевидно, что этотъ городъ былъ построенъ въ видахъ огражденiя Суздальско-Ростовской земли со стороны Черниговскаго порубежья. По крайней мѣрѣ объ этомъ скорѣе всего позволяетъ говорить письменный матерiалъ.

Какъ маленькій и новый городокъ, Москва довольно поздно стала стольнымъ городомъ особаго княжества. Наиболѣе замѣтнымъ изъ первыхъ Московскихъ князей былъ Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, прозванный такъ за то, что онъ безъ всякаго права, благодаря одной своей смѣлости сверхъ князя Святослава и захватилъ въ свои руки великое княженіе. Вскорѣ за Хоробритомъ Московскій столъ достался князю Даніилу Александровичу, умершему въ 1303 году, который сдѣлался родоначальникомъ Московскаго княжескаго дома. Съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ княжествомъ съ постояннымъ княземъ.

Припомнимъ обстоятельства политической жизни Суздальской руси. Вся она была во обладаніи потомства Всеволода Большое Гнѣздо; его потомки образовали княжескія линіи: въ Твери, гдѣ княжилъ Ярославъ - Ярославичъ - внукъ Всеволода; братъ Александра Невскаго въ Суздалѣ, гдѣ княжилъ Андрей Ярославичъ, - внукъ Всеволода, затѣмъ около 1279 года Андрей Александровичъ, сынъ Александра Невскаго; въ Ростовѣ, который занималъ Константинъ Всеволодычъ, и въ Москвѣ - Даніилъ, внукъ Всеволода. Только земля Рязанская, политически и географически притянутая къ совмѣстной жизни съ Суздальской русью, находилась во владѣніи не Мономаховичей, а младшихъ Святославичей,

потомковъ Ярослава, изъ этихъ княжествъ сильнѣйшими въ XIV вѣкѣ становятся: Тверское, Рязанское и Московское. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ былъ свой „великій" князь и свои „удѣльные" князья. Владимірское княженіе существуетъ безъ особой династіи, его присвояютъ великіе князья къ личнымъ удѣламъ. Послѣднимъ изъ великихъ князей, княжившимъ по старинному обычаю въ самомъ Владимірѣ былъ Александръ Невскій, - братья его Ярославъ Тверской и Василій Костромской, получивъ Владимірское великое княженіе, живутъ не во Владимірѣ, а въ своихъ удѣлахъ. Добиться Владимірскаго княженія для князей теперь, значитъ добиться матеріальнаго обогащенія и авторитета „великаго" князя. Средства добыть великое княженіе уже не нравственныя, не только право старшинства какъ прежде, но и сила удѣльнаго князя, поэтому за обладаніе Владиміромъ происходитъ борьба только между сильными удѣльными князьями. И вотъ въ 1304 году начинается борьба за великое княженіе между Тверскими и Московскими князьями: многолѣтняя кровавая распря, окончившаяся побѣдой Московскаго князя Ивана Калиты, утвердившагося въ 1328 году, съ помощью Орды, на великокняжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ великое княженіе не разлучалось съ Москвою, а между тѣмъ, за какія нибудь

тридцать лѣтъ до 1328 года Москва была ничтожнымъ удѣломъ: Даніилъ еще не владѣлъ ни Можайскомъ, ни Клиномъ, ни Дмитровомъ, ни Коломной и лишь ничтожнымъ пространствомъ между этими пунктами, по теченію Москвы рѣки. Калита же въ 1328 году владѣлъ только: Москвой, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховымъ и Переяславлемъ, т.е. пространствомъ меньшимъ нынѣшней Московской губерніи. Что же дало возможность Москвѣ получить великое княженіе и увеличиться, и какимъ путемъ шло это возвышеніе?

На этотъ вопросъ мы находимъ много отвѣтовъ въ исторической литературѣ. Карамзинъ, напримѣръ, въ пятомъ томѣ „Исторіи Государства Россійскаго" упоминаетъ и таланты Московскихъ князей, и содѣйствіе бояръ и духовенства, и вліяніе татарскаго завоеванія. Татарское иго, которое по его мнѣнію начало „новый порядокъ вещей" въ исторической жизни русскаго народа, измѣнило отношенія князей къ населенію и отношенія князей другъ къ другу поставило князей въ зависимость отъ хана и этимъ имѣло вліяніе на ходъ возвышенія московскаго княжества. Карамзинъ находитъ, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ". Погодинъ, возражая Карамзину, объясняетъ „счастливыми совпаденіями, случайностей", которыя слагались всегда какъ разъ въ

пользу возвышенія и усиленія Московскаго княжества; блестящую характеристику усиленія Московскаго княжества даетъ намъ Соловьевъ. Въ I и IV томахъ своей „Исторіи Россіи" онъ, не разъ говоря вообще о важномъ вліяніи географическихъ условій, отличаетъ выгодное положеніе Москвы - на дорогѣ переселенцевъ съ юга, на срединѣ между Кіевской землей съ одной стороны и Владимірской и Суздальской съ другой. По бассейну Москвы - рѣки переселенцы, идя съ юга, осѣдали густыми массами и дѣлали московское княжество однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кромѣ переселенцевъ съ юга, въ Москву шли переселенцы и изъ другихъ областей Руси Сѣверной, вслѣдствіи отсутствія въ Московскомъ княжествѣ междоусобицъ и бѣдствій отъ татаръ. Населеніе приносило князю доходъ, давало ему большія средства; мы знаемъ, что Московскіе князья употребляли эти большія денежныя средства на покупку городовъ и выкупъ плѣнныхъ изъ Орды, которыхъ и селили въ Московскомъ княжествѣ. Срединное положеніе Москвы рѣки между Новгородомъ и Востокомъ (Рязанью) имѣло также весьма важное значеніе. Если мы всмотримся въ географическую карту, то увидимъ что Москва - рѣка сокращала водный путь между Новгородомъ и Окою, слѣдовательно Москва лежала на торговомъ пути Новгорода съ Рязанью. Срединное поло-

женіе Москвы было важно и для церковнаго управленія. Митрополиты переселились изъ Владиміра въ Москву, потому что считали необходимостью находиться въ центральномъ пунктѣ между областями сѣвера и юга Руси. Такимъ образомъ, главное условіе возвышенія Москвы, по мнѣнію Соловьева, это срединность ея положенія, дававшая политическія, торговыя и церковныя преимущества. Въ разныхъ мѣстахъ своего труда Соловьевъ указываетъ и на другія условія, содѣйствовавшія успѣху Москвы: личность князей, дѣятельность бояръ, сочувствіе общества и т. д. но въ оцѣнкѣ разныхъ факторовъ онъ кладетъ видимое различіе: одно - первая причина усиленія и возвышенія Москвы, другое - благопріятныя условія, помогавшія этому усиленію. Костомаровъ, излагая ходъ усиленія Московскаго княжества объясняетъ усиленіе Москвы главнымъ образомъ помощью татаръ, и даже самую идею самодержавія и единодержавія трактуетъ какъ заимствованную отъ татаръ. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что положеніе князей при зависимости великаго княженія отъ хана должно было развивать въ князьяхъ политическую ловкость и дипломатическій тактъ, чтобы этимъ путемъ привлечь милость хана и захватить великокняжес-

кій престолъ. Такою ловкостью и такимъ тактомъ обладали именно Московскіе князья. Кромѣ того, усиленію Москвы помогало духовенство, которому при владѣніи большими вотчинами было выгодно отсутствіе междоусобій въ Московскомъ княжествѣ, и сверхъ того полнота власти Московскаго князя соотвѣтствовала ихъ высокимъ представленіямъ объ единородной власти государя, вынесеннымъ изъ Византіи. Далѣе, дѣятельность бояръ была направлена также на помощь Московскимъ государямъ. Что же касается до срединности положенія Москвы, то К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это причиною второстепенною. Съ оригинальнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ выступаетъ Забѣлинъ. Онъ главное условіе возвышенія Московскаго княжества видитъ въ національномъ сочувствіи, вызванномъ хозяйственною дѣятельностью московскихъ князей. Народъ, отягченный и татарскимъ погромомъ и междоусобными распрями князей, естественно относился сочувственно къ Московскимъ князьямъ. Чисто эклектическимъ характеромъ отличается мнѣніе Иловайскаго, который главною причиною роста Москвы, какъ политическаго центра считаетъ пробужденіе народнаго инстинкта; народъ, который чувствовалъ опасность отъ татаръ, долженъ былъ сплотиться. Кромѣ того Иловайскій

находитъ слѣдующія причины способствовавшія усиленію Московскаго княжества: 1), Географическое положеніе, дающее политическія и торговыя выгоды; 2), Личность князей и ихъ политику (князья самихъ татаръ дѣлали орудіемъ для возвышенія власти, что видно изъ борьбы между Тверью и Москвою); 3), Опредѣленная въ пользу Москвы политика Татаръ; 4), Сочувствіе боярства и духовенства; 5), Правильность престолонаслѣдія въ Москвѣ.

Разбирая въ указанныхъ мнѣніяхъ, мы видимъ что вопросъ о причинахъ возвышенія Московскаго княжества не развивается и послѣднее по времени мнѣніе не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать тѣ условія, которыя были причиною того что незначительное Московское княжество могло бороться съ сильнымъ Тверскимъ княжествомъ, отъ тѣхъ, которыя поддерживали Московское княжество въ томъ положеніи на которое оно встало, благодаря первымъ и помогли его усиленію. Въ числѣ первыхъ причинъ надо отмѣтить: 1), Географическое положеніе, давшее Московскому княжеству населеніе и средства. 2), Личныя способности первыхъ Московскихъ князей, ихъ политическую ловкость и хозяйственность, умѣнье пользоваться обстоятельствами, чего не имѣли Тверскіе князья, не смотря на одинаково выгодное положеніе Тверскаго княжества, какъ

и Московскаго. Къ причинамъ способствовавшимъ къ усиленію княжества надо отнести: 1), Сочувствіе духовенства, выраженное въ переменѣ митрополіи; 2) близорукость татаръ, которые не могли своевременно замѣтить опасное для нихъ усиленіе княжества; 3), отсутствіе сильныхъ враговъ, такъ какъ Новгородъ не былъ силенъ, а въ Твери происходили постоянно междоусобія князей. 4), Сочувствіе бояръ и сочувствіе населенія.

Обратимся теперь къ ходу возвышенія Московскаго княжества.

При Иванѣ Калитѣ Москва была владѣніемъ второстепеннымъ и заключала въ себѣ не болѣе шести городовъ и менѣе шестисотъ миль территоріальнаго владѣнія. При Иванѣ III черезъ какія нибудь сто пятьдесятъ лѣтъ Московское княжество простиралось уже на 15,000 кв. миль. Это возрастаніе шло двоякимъ путемъ: или путемъ „примыслов", или путемъ завоеваній. Московское княжество при Даніилѣ получило Переяславль Залѣсскій - завѣщанный ему племянникомъ, бездѣтнымъ Іоанномъ Дмитріевичемъ, въ 1302 году. Сынъ Даніила Юрій отнялъ у сосѣдей Рязанцевъ Коломну, лежащую при устьѣ Москвы-Рѣки, а у Смольнянъ городъ Можайскъ, находящійся при верховьѣ Москвы-рѣки. Такимъ образомъ съ 1308 приблизительно года въ рукахъ Московскаго князя находилось все теченіе Москвы-рѣки.

Иванъ Калита, получивъ великое княженіе, Владимірское, и пріобрѣлъ: Кострому, Галичъ, Бѣлоозеро, Перемышлъ, Угличъ, скупая города у бѣдныхъ князей.

При Дмитріи Донскомъ были пріобрѣтены: Верея, Мещера, Калуга, Дмитровъ, Владиміръ. Сынъ Дмитрія Донского - Василій по завѣщанію отца получаетъ уже: Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Города эти были пріобрѣтены до 1425 года.

Въ завѣщаніи Дмитрія Донского замѣчательно одно любопытное мѣсто: великій князь завѣщаетъ Владиміръ старшему сыну какъ свою „вотчину", помимо воли хана, что показываетъ какъ сильны были уже тогда Московскіе князья.

Въ 1462 году Василій Темный завѣщалъ своимъ сыновьямъ уже около 25ти городовъ.

Параллельно съ территоріальнымъ возрастаніемъ Московскаго княжества, идетъ его политическое усиленіе. Въ XIV вѣкѣ Тверское княжество было сильнымъ противникомъ Москвы, а въ XV вѣкѣ при Іоаннѣ III оно является настолько ничтожнымъ, что не въ состояніи сохранить даже независимость передъ возраставшимъ могуществомъ Москвы. И къ другимъ княжествамъ Московскіе князья начинаютъ относиться какъ къ зависимымъ, удѣльнымъ. Власть Московскаго князя быстро росла и пользовалась громаднымъ авторитетомъ, уже при Дмитріи Донскомъ, что видно изъ положенія которое онъ зани-

малъ въ борьбѣ князей съ татарами. Одновременно съ территоріальнымъ возрастаніемъ Московскаго княжества и вмѣстѣ съ усиленіемъ его внѣшняго значенія, измѣнялись и отношенія между князьями собственно Московской семьи, и власть великаго князя Московскаго усиливалась вслѣдствіи извѣстнаго порядка наслѣдованія и вообще семейныхъ отношеній, которые существовали въ семьѣ Московскихъ князей до половины XV вѣка.

Для изученія этого порядка мы имѣемъ большое количество духовныхъ завѣщаній Московскихъ князей XIV и XV вѣковъ. Постоянныхъ правилъ, которыми бы устанавливался постоянный и однообразный порядокъ престолонаслѣдія, — не было, престолонаслѣдіе опредѣлялось каждый разъ завѣщаніемъ князя, который могъ завѣщать свои владѣнія кому хотѣлъ. Такъ напр. князь Семенъ, сынъ Іоанна Калиты, умирая бездѣтнымъ завѣщалъ весь свой удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Изъ завѣщаній видно что князья смотрѣли на свои земельныя владѣнія какъ на статьи своего хозяйства и совершенно одинаково дѣлили и движимое имущество и частныя земельныя владѣнія и государственную территорію. Послѣдняя обыкновенно дѣлилась черезполосно. Московская земля дѣлилась на нѣсколько участковъ, которые отличались другъ отъ друга по хозяйственному значенію или по исто-

рическому происхожденію. Каждый наслѣдникъ получалъ свою долю въ этихъ участкахъ земли, точно такъ же какъ получалъ свою долю и въ каждой статьѣ движимаго имущества. Самая форма духовныхъ грамотъ князей была та же что и форма духовныхъ завѣщаний частныхъ лицъ, точно такъ же они совершались при свидѣтеляхъ и по благословенію духовныхъ отцевъ. По княжескимъ завѣщаніямъ можно прослѣдить и отношенія князей другъ къ другу. Каждый удѣльный князь владѣлъ своимъ удѣломъ независимо, но младшие удѣльные князья должны были слушаться старшаго, какъ отца, а старшій былъ долженъ заботиться о младшихъ, какъ Но это были скорѣе нравственныя нежели политическія обязанности. Значеніе старшаго брата обуславливалось чисто материальнымъ, количественнымъ преобладаніемъ, а не излишкомъ правъ и власти. Такъ наприм. Дмитрій Донской далъ старшему изъ пяти сыновей $\frac{1}{3}$ всего имущества, Василій Темный $\frac{1}{2}$, а Иванъ III $3/4$ всего имущества. Такъ какъ доля старшаго постоянно все увеличивалась, сравнительно съ младшими то это давало ему возможность все большаго и большаго вліянія на младшихъ князей. Благодаря такимъ особенностямъ изъ преобладанія чисто семейнаго, материальнаго,

гражданскаго мало по малу развивалось преобладаніе государственное, политическое иначе говоря слагалось единодержавіе въ княжествѣ.

Усиленіе Литовскаго княжества.

Мы уже знакомы съ политикою Миндовга, который, стремясь къ расширенію предѣловъ и усиленію Литовскаго княжества пользовался русскими для власти надъ Литвой и Литовцами для власти надъ русскими землями. Его политика какъ извѣстно окончилась заговоромъ удѣльныхъ князей и гибелью его съ двумя молодыми сыновьями во время похода противъ Брянскаго князя Ростислава. Послѣ его смерти въ Литвѣ произошли междоусобія, вслѣдствіе которыхъ Литовское княжество въ значительной степени потеряло пріобрѣтенную при Миндовгѣ силу и внутреннюю связь; однако, оно уже настолько окрѣпло при Миндовгѣ, что не могло окончательно разложиться послѣ его смерти. Основателемъ же могущества литовскаго княжества считается Гедиминъ, хотя и предшественникъ его Витень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи.

О происхожденіи Витеня и Гедимина и времени ихъ вокняженія лѣтописи не даютъ точныхъ свѣдѣній. Въ разсказахъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ свѣд-

Литографія А. Дунаева, Нов. пер. д. 5 С.П.Б.

стія военной дѣятельности Витеня [1293-1316] и Гедимина [1316-1341], причемъ характеръ ихъ военныхъ дѣйствій указываетъ на новый переворотъ происшедшій во внутреннемъ строѣ Литовскаго княжества. У Витеня и Гедимина были уже дисциплинированныя войска вмѣсто прежнихъ нестройныхъ ополченій. Войска эти предпринимаютъ осаду городовъ, умѣютъ брать приступомъ укрѣпленія, имъ знакомо употребленіе осадныхъ орудій. Литва защищена нетолько дремучими лѣсами, болотами, но уже укрѣпленіями, замками, городами, жители которыхъ несутъ правильно распредѣленныя государственныя повинности, главнымъ образомъ должны защищать свои города и крѣпости. Перемѣна въ организаціи военныхъ силъ государства произошла отъ прилива русской народности, на которую главнымъ образомъ, опирались литовскіе князья; доказательствомъ этого служатъ извѣстія лѣтописей, въ которыхъ постоянно встрѣчаются названія ополченій Витеня и Гедимина не литовскихъ только - а литовско русскихъ. Участіе русскихъ не ограничивалось только военною помощью литовскимъ князьямъ; они участвуютъ въ дипломатическихъ дѣлахъ, правятъ посольства отъ литовскихъ князей, имѣли вліяніе и на внутреннее управленіе Литвы. Такъ главнымъ сподвижникомъ Гедимина былъ русскій человѣкъ <u>Давидъ</u> - воевода Гродненскій. По дошедшимъ о немъ свѣдѣніямъ, онъ занималъ высокое положеніе въ странѣ, пользовался боль-

нимъ вліяніемъ на внутреннее ~~вліян~~ управленіе Литвой; по словамъ Литовскихъ источниковъ, онъ занималъ первое мѣсто послѣ великаго князя; кромѣ того ему была поручена охрана одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей — Гродно и начальство надъ арміями въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ Гедиминъ лично не принималъ участія; въ одномъ изъ такихъ походовъ Давидъ былъ измѣннически образомъ убитъ однимъ мазовецкимъ княземъ Андреемъ.

Гедиминъ, какъ и его предшественники, держался завоевательной политики; однако лѣтописи и преданія часто приписываютъ ему завоеваніе такихъ областей, которыя или были покорены Литвою уже послѣ его смерти, или же были присоединены къ Литвѣ мирнымъ образомъ. (Такъ например мы находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о походѣ Гедимина на Волынь и Кіевъ 1320 году, причемъ лѣтописцы передаютъ это какъ достаточно вѣрный фактъ и изображаютъ битвы, результатомъ которыхъ якобы явилось подчиненіе Волыни и Кіева, а между тѣмъ изъ болѣе подробнаго изученія этихъ разсказовъ и сличенія съ болѣе достовѣрными источниками видно, что это вымыселъ.) Среди такихъ недостовѣрныхъ источниковъ, историческая критика можетъ указать только на нѣкоторыя земли, присоединенныя Гедиминомъ къ Литвѣ: Кіевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразимъ количественное отношеніе территорій населенныхъ русскими и литовцами, то увидимъ что

около двухъ третей территоріи было занято русскими; такъ что въ первой четверти XIV вѣка Литовское княжество пріобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго группировались болѣе слабыя русскія области. Московское государство находилось въ такомъ же положеніи; политика какъ Московскихъ такъ и Литовскихъ князей была одинакова: тѣ и другіе стремились стягивать болѣе слабыя русскія области вокругъ сильнаго политическаго центра.

Между Москвою и Литвою въ XIV вѣкѣ находилась цѣлая полоса княжествъ, которыя служили предметомъ споровъ между этими двумя ~~(княжествами)~~ державами. Гедиминъ соперничалъ съ Москвою изъ за вліяніе на дѣла Пскова и Новгорода, а затѣмъ изъ за вліянія на Смоленскихъ князей. Извѣстно напримѣръ, что во время несогласій въ Новгородской землѣ, происходившихъ изъ за стремленія Псковичей отдѣлиться отъ Новгорода, — псковитянъ поддерживала Литва, а Новгородъ Московскіе князья. Изъ за этой полосы слабѣйшихъ земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы съ Литвою въ XIV и въ XV вѣкахъ.

Гедиминъ оставилъ семь сыновей, между которыми и подѣлилъ Литовскія земли. Изъ нихъ Ольгердъ получилъ Крево и Витебскъ, Кейстутъ Троки, Гродно и Жмудь, а младшій Явнутій — столицу Вильно. В. Б. Антоновичъ вопреки старому мнѣнію что послѣ Гедимина великимъ княземъ сталъ считаться Явнутій, высказывается въ

томъ смыслѣ, что Явнутій, какъ самый младшій и неопытный въ дѣлахъ правленія, не могъ быть назначенъ отцемъ на великое княженіе; онъ поддерживаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ источникахъ о вліяніи Явнутія, какъ великаго князя, на событія того времени, не упоминается; напротивъ, каждый удѣльный князь дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно: заключаетъ договоры съ иностранцами, предпринимаетъ походы, Поэтому Антоновичъ и предполагаетъ, что въ данный промежутокъ времени, скорѣй никто не наслѣдовалъ старшаго стола, пока Ольгердъ и Кейстутъ не вступили въ союзъ съ цѣлью возстановить въ Литвѣ великокняжескую власть. По мнѣнію же Бестужева-Рюмина великокняжескій престолъ достался именно младшему Явнутію, какъ и позднѣе своему младшему сыну Ягайлу и Ольгердъ отдалъ великокняжескій престолъ. „Это" говоритъ Бестужевъ, „указываетъ на извѣстный обычай, схожій со старымъ гражданскимъ обычаемъ: по „Русской Правдѣ" отцевскій домъ доставался младшему сыну." Однако Явнутій недолго оставался на великокняжескомъ престолѣ. Кейстутъ въ союзѣ съ Ольгердомъ свергъ Явнутія и Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ. Другіе князья должны были признать его власть и обязывались повиноваться ему какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ удѣловъ.

Антоновичъ даетъ намъ слѣдующую мастер.

скую характеристику Ольгерда: „Ольгердъ, по свидѣтельству „у современниковъ отличался по преимуществу глубокими „политическими [illegible]ованіями: онъ умѣлъ пользоваться „обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ поли- „тическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы, и удач- „но выбиралъ время для осуществленія своихъ политичес- „кихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотритель- „ный, Ольгердъ отличался умѣніемъ въ непроницаемой тай- „нѣ сохранять свои политическіе и военные планы. Сѣвер- „ные русскія лѣтописи, не расположенныя вообще къ Ольгер- ду вслѣдствіе его столкновеній съ Сѣверо-восточною Русью, называютъ его „зловѣрнымъ", „безбожнымъ" и „льстивымъ", однако признаютъ въ немъ умѣнье пользоваться обстоя- тельствами, сдержанность, хитрость, словомъ, всѣ качества нужныя для усиленія своей власти въ госу- дарствѣ, и для расширенія предѣловъ княжества. По отношенію къ различнымъ національностямъ, можно сказать, что всѣ симпатіи и вниманіе Ольгерда со- средоточивалось на руской народности. Ольгердъ по взглядамъ, привычкамъ, семейнымъ связямъ принадле- жалъ къ руской народности и служилъ въ Литвѣ ея представителемъ. Въ то самое время, какъ Ольгердъ усиливаетъ Литву присоединеніемъ рускихъ областей Кейстутъ является ея защитникомъ передъ кре- стоносцами и заслуживаетъ славу народнаго бога- тыря. Кейстутъ - язычникъ, но и его враги - кресто- носцы признаютъ за нимъ качества образцеваго христі-

анина-рыцаря. Такія же качества признавали въ немъ поляки.

Оба князя такъ точно раздѣлили управленіе Литвой, что русскія лѣтописи знаютъ только Ольгерда, а нѣмецкія только Кейстута. О характерѣ борьбы Кейстута съ нѣмцами мы находимъ блестящую страницу въ уже указанной книгѣ Антоновича. (стр. 99) Крестоносцы дѣлали ежегодно на Литву набѣги называемые „рейзами" Литовцы платили ордену тѣмъ же, но такъ какъ литовскія нападенія требовали больших приготовленій, то они бывали вдвое рѣже. Такимъ способомъ шли войны изъ году въ годъ, составляя главное занятіе Литовцевъ и Русскихъ въ теченіи всего княженія Ольгерда. Эти набѣги болѣе или менѣе опустошительные и кровопролитные, обыкновенно не приводили къ окончательному результату, и большихъ и рѣшительныхъ битвъ было мало; въ княженіе Ольгерда ихъ насчитываютъ двѣ: на рѣкѣ Страва (1348) и у Рудавы (1370) онѣ не имѣли никакихъ послѣдствій; хотя нѣмецкіе лѣтописцы придаютъ этимъ битвамъ рѣшительный характеръ и преувеличиваютъ размѣры побѣдъ. По отношенію къ Руси Ольгердъ продолжаетъ политику своего отца. Онъ старается вліять на Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ; поддерживаетъ Тверскихъ князей противъ Москвы, хотя его вмѣшательство въ этомъ случаѣ и неудачно. Соперничество Ольгерда съ Москвою въ стремленіи подчинить русскія

земли, пограничныя съ Литвой въ Новгородѣ и Псковѣ склонялось въ пользу Москвы, но зато Ольгердъ умѣлъ захватить Сѣверскую русь, Брянскъ, Новгородъ Сѣверскій, Кіевъ и др.

После смерти Ольгерда на престолъ вступилъ Ягайло и наступило время династическаго соединенія Литвы съ Польшей въ унія 1386 года. Соединеніе это было предложено Польшею съ цѣлью направить силы обоихъ государствъ на общаго врага, на нѣмцевъ. И успѣхъ былъ достигнутъ. Соединенныя войска литовско-русскія и польскія нанесли нѣмцамъ роковой ударъ подъ Грюнвальдомъ (Танненбергомъ) и сила нѣмецкаго ордена была сломана навсегда. Но были и другіе результаты уніи, не благопріятныя для Литвы. Литва была вполнѣ русскимъ государствомъ, съ русскою культурою, съ господствомъ русскаго языка и православія. А между тѣмъ унія политическая, по мнѣнію Ягайлы и католиковъ, должна была вести къ уніи и религіозной. Поляки стремились окатоличить «языческую» Литву и ввести въ ней «культуру» то-есть польскія обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба и борьба направленная противъ нея, скоро перешла въ борьбу съ православіемъ. Именно такимъ образомъ въ новомъ государствѣ создались обстоятельства, которыя должны были дурно отозваться на его политическомъ могуществѣ; и ...дствіи національнаго и вѣроисповѣднаго внутренняго разлада Литва начинаетъ клониться къ погибели

въ то самое время, когда она достигаетъ казалось бы полнаго расцвѣта своихъ силъ. Это было при Витовтѣ. Въ руской части Литвы унія, в особенности принятіе католичества офиціальными лицами не могла обойтись без протеста: руские, съ той поры как Ягайло сталъ польскимъ королемъ, захотѣли имѣть своего особаго князя, что заставило ихъ сгрупироваться сначала вокругъ Андрея Ольгердовича, попытка котораго захватить власть однако окончилась неудачей. Тѣмъ не менѣе въ Литвѣ неудовольствіе против уніи все росло, чѣмъ и воспользовался сынъ Кейстута — Витовтъ. Заручившись союзниками онъ вступилъ в борьбу съ Ягелло, и тотъ въ концѣ концевъ долженъ былъ уступить Литву Витовту и признать Витовта княземъ Литовскимъ.

Литовскому государю предстояла теперь задача охранять независимость своего государства отъ Польши, но умъ Витовта на этотъ разъ не подсказалъ ему, на какое начало долженъ онъ опереться въ этомъ дѣлѣ. Каро говоритъ, что Витовта считали своимъ и католики, и православные, и язычники даже думали, что въ немъ не угасъ духъ предковъ; въ этомъ была и его сила и слабость. Действительно, сближаясь со всѣми, будучи нерѣшителенъ, мѣняя нѣсколько разъ свою религію, Витовтъ не могъ твердо и прочно опереться на сильный

ній въ Литвѣ элементъ, на русскую народность, какъ могъ бы сдѣлать чисто православный князь. Русскіе въ конца концевъ относились къ Витовту какъ ко врагу Руси вообще: „Былъ убо князь Витовтъ преже крестіанинъ (говоритъ лѣтописецъ) и имя ему Александръ, и отверженся православныя вѣры и христіанства и прія Лядскую, ... а помыслилъ тако, хотѣлъ плѣнити русскую землю, Новгородъ и Псковъ." Разъ образовался такой взглядъ Витовтъ лишенъ былъ надежнѣйшей опоры для его политики, клонившейся къ образованію изъ Литвы единаго независимаго государства, но окончившейся тѣснымъ сближеніемъ съ Польшею. Все княженіе Витовта наполнено блестящими дѣлами литовской политики; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Польша все больше и больше пріобрѣтала вліянія на Литву. Въ 1413 году въ городѣ Городнѣ собрался ~~русско~~ польско-литовскій сеймъ, на которомъ торжественнымъ актомъ былъ скрѣпленъ союзъ Польши и Литвы. На основаніи этого акта Литва и Польша соединяются въ одно государство и литовской аристократіи даются права польской шляхты; Городненскій актъ послужилъ началомъ окончательнаго раздѣленія и вражды Литвы и Руси и Литва съ этого момента все болѣе и болѣе подпадая подъ вліяніе Польши, наконецъ окончательно сливается съ нею въ нераздѣльное государство.

Московское княжество въ XV и началѣ XVI-го вѣка.

Въ исторіи Московскаго княжества и въ политическомъ положеніи великаго князя Московскаго произошелъ въ концѣ XIV вѣка великій переломъ: это княжество изъ удѣла начало превращаться въ національное государство, а Московскій князь изъ вотчиннаго дѣлался политическимъ объединителемъ и вождемъ всего великорусскаго племени. Толчкомъ къ такому перелому послужилъ походъ на Куликово Поле противъ Мамая. Этотъ походъ поднялъ во имя народныхъ интересовъ (а не удѣльныхъ) и совершилъ во главѣ общерусскаго (а не удѣльнаго) войска Московскій князь Димитрій. Съ этихъ поръ Димитрій изъ князя Московскаго превратился въ „царя русскаго", какъ стали называть его въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ. А его княжество выросло въ національное государство Московское. „Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты" — мѣтко и красиво сказалъ о немъ В. О. Ключевскій. Древнерусская письменность въ XV вѣкѣ отмѣтила намъ эту перемѣну въ фактахъ и переломъ въ народномъ сознаніи. Многочисленныя редакціи повѣстей о Куликовской битвѣ представляютъ ее какъ національный подвигъ („Сказаніе" о Мамаевомъ побоищѣ, „Повѣсть" о немъ, „Слово о Задонщинѣ"); Слово о

житіи Дмитрія Донского проникнуто національнымъ сознаніемъ; церковныя проповѣди конца XIV и начала XV вѣковъ на московскихъ князей указываютъ, какъ на національныхъ государей. Мало того, что народность сознала свое единство, — она почувствовала свою силу, оцѣнила, быть можетъ даже выше мѣры свои политическіе успѣхи и стала смотрѣть на себя какъ на богоизбранный народъ, „новый Израиль", которому суждено играть первенствующую роль среди другихъ православныхъ народовъ и въ этомъ отношеніи занять мѣсто отживающей тѣснимой турками, подчинившейся папамъ (на Флорентинскомъ соборѣ) Византіи. Такія тенденціи начинаютъ проглядывать въ письменности того времени, въ разсказахъ (Серапіона) о Флорентинскомъ соборѣ, въ повѣствованіи о пребываніи на Руси ап. Андрея Первозваннаго, въ преданіи о передачѣ на Русь изъ Греціи „бѣлаго клобука", который носили новгородскіе архіепископы, Мономахова вѣнца и прочихъ „царскихъ утварей" и другихъ святынь, самопроизвольно покидавшихъ Византію и обрѣтаемыхъ на Руси.

Таковы были господствующія идеи того времени. Конечно онѣ выростали на фактахъ и питались дѣйствительностью. Но въ свою очередь и онѣ опредѣляли собою дѣйствительность, вліяли на факты, измѣняли порядокъ политической жизни и направляли политическую дѣятельность. Московскіе князья до сере-

дины XV вѣка были удѣльными владѣльцами, которыхъ трудно назвать политическими дѣятелями и за которыми доселѣ сохраняется названіе „хозяевъ" „скопидомовъ." Такъ характеризуетъ ихъ Соловьевъ и другіе историки. Политика этихъ князей не государственная они скорѣе преслѣдуютъ частныя цѣли удѣльнаго княжескаго дома. Эти особенности исчезаютъ со вступленіемъ во власть (1461г.) Ивана Васильевича III. Съ этого времени начинается иной порядокъ и строится онъ именно подъ вліяніемъ національныхъ идей."

Московское княжество въ княженіе Ивана III было обширнымъ и сильнымъ удѣломъ сосѣдями котораго были: Новгородъ, Псковъ, Литва, Казанское царство и слабые удѣлы (Тверь, Рязань и др.)

Преслѣдуя политику своего отца, Иванъ Васильевичъ попробовалъ тронуть Новгородъ. Новгородъ понялъ грозившую опасность и сталъ искать опоры въ Литвѣ. Тогда Иванъ III изъ за сношеній Новгорода съ Литвой, объявилъ ему войну. Въ іюлѣ 1471 года Иванъ Васильевичъ съ войскомъ сильно разорилъ Новгородскую область и подступилъ къ Новгороду. Тотъ, не получивъ помощи отъ Литвы, не захотѣлъ войны и потому поспѣшилъ заключить міръ, заплатилъ 15.000 рублей; отказался отъ союза съ Литвой и обѣщалъ ставить новгородскаго архіепископа въ Москвѣ. На этотъ разъ Иванъ III пощадилъ городское самоуправленіе, но когда Новгородцы снова стали сноситься

съ Литвой и независимымъ держаться по отношенію къ Москвѣ онъ предпринялъ новый походъ въ 1478 году и безъ труда окончательно подчинилъ себѣ Новгородъ уничтоживъ его вѣчевую жизнь. Этому послѣднему походу приданъ былъ такой характеръ, какъ будто бы Московскіе войска, въ охрану народности и православной вѣры, шли на новгородцевъ отступившихъ отъ православія и передавшихся Литовскому иновѣрному князю. Одновременно съ Новгородомъ Іоаннъ по частямъ завоевывалъ и Новгородскія области, то-есть „земли", „волости" (Вятка). Но Псковъ благодаря покорности великому князю сохранилъ тѣнь своей самостоятельности и отсрочилъ свое паденіе.

По отношенію къ Твери и Рязани великій князь держался столь же крутой политики. Въ 1500 году умеръ великій князь Рязанскій Иванъ оставивъ своего сына подъ опекой его матери и бабки, которыя вполнѣ слушались великаго князя. Въ 1484 году воспользовавшись сношеніями Тверского князя Михаила Борисовича съ Литвою, Иванъ III объявилъ ему войну и осадилъ Тверь. Городъ сдался безъ бою, а Михаилъ убѣжалъ въ Литву. Въ 1463 году князья Ярославскіе, а затѣмъ и Ростовскіе и Бѣлозерскіе уступили свои владѣнія Іоанну.

Татарская Орда не представляла въ княженіе Іоанна III-го одного нераздѣльнаго государства;

она распалась на нѣсколько Ордъ (Золотую, Казанскую, Крымскую) которыя находились между собою въ постоянной враждѣ, искусно поддерживаемой Іоанномъ III. Татары часто дѣлали нападенія на русскія окраины и опустошали ихъ. Иванъ III пробовалъ дѣйствовать противъ татаръ самими же татарами. Онъ приглашалъ къ себѣ на службу татарскихъ царевичей, давая имъ въ награду земли и такимъ образомъ противопоставлялъ татарамъ ихъ же соплеменниковъ. Видя слабость Золотой Орды, Иванъ III понялъ, что наступило время окончательно свергнуть иго. Это была, разумѣется, старая, давнишняя цѣль Московскихъ князей къ которой они всѣ стремились неуклонно но осторожно. Нѣкоторые приписываютъ смѣлость Ивана въ разрывѣ съ ханомъ внушеніямъ Софьи его жены, которая не могла сносить хотя бы и тѣни зависимости отъ татаръ, Какъ бы то нибыло но съ 1480 года нестало и номинальной зависимости Руси отъ татаръ.

Если мы вспомнимъ еще удачныя столкновенія Ивана III съ Литвой, то будемъ имѣть полный перечень его громадныхъ политическихъ успѣховъ. Отъ Литвы Иванъ Васильевичъ требовалъ возвращенія всѣхъ русскихъ областей, называя себя при этомъ княземъ всея Руси и земли литовско-русскія вотчинами своихъ предковъ. Мос-

ковскіе князья, какъ видно, перестали смотрѣть на себя только какъ на „хозяевъ". Историческія воспоминанія о древнихъ русскихъ областяхъ обратились въ политическія притязанія и у Московскаго князя явилось представленіе о себѣ, какъ объ единомъ государѣ всей русской земли.

Въ 1505 году, умирая, Иванъ оставляетъ духовное завѣщаніе, по которому старшему сыну Василію отдается большая часть земель, болѣе 3/4 всѣхъ городовъ; остальная часть дѣлится между прочими четырьмя сыновьями. Власть этихъ послѣднихъ совершенно иного свойства, чѣмъ власть старшаго: они играютъ роль простыхъ вотчинниковъ, не имѣютъ права чеканить монету и самостоятельно сноситься съ иноземными государями. Такимъ образомъ Василій III по завѣщанію отца отличенъ не только количествомъ но и качествомъ правъ: онъ политическій владѣтель, — они привилегированные землевладѣльцы.

Что касается до личности Ивана III-го то историки смотрятъ на нее розно. С. М. Соловьевъ говоритъ, что только счастливое положеніе Іоанна, послѣ цѣлаго ряда умныхъ предшественниковъ дало ему возможность смѣло вести обширныя предпріятія. Костомаровъ, смотритъ на него еще строже; онъ отрицаетъ всякія политическія способности въ Іоаннѣ, отрицаетъ въ немъ и про-

ствия человѣческія достоинства. Карамзинъ же оцѣниваетъ дѣятельность Іоанна III совсѣмъ иначе. Не сочувствуя насильственному характеру преобразованій Петра, онъ ставитъ Ивана III-го выше даже Петра Великаго. Гораздо справедливѣе, спокойнѣе относится къ Ивану III Бестужевъ-Рюминъ. Онъ говоритъ, что хотя и много было сдѣлано предшественниками Іоанна, и ему поэтому было легче работать, тѣмъ не менѣе онъ великъ по тому что завершилъ старыя задачи и умѣлъ поставить новые вопросы; именно Іоаннъ III поставилъ рѣшительно вѣковой вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Москвы.

Что касается до Василія III-го то онъ походилъ на своего отца и только продолжалъ его политику и внѣшнюю и внутреннюю. Онъ уничтожилъ самостоятельность Пскова, и послѣднихъ удѣльныхъ княжествъ: Рязанскаго и Сѣверскихъ и послѣ упорныхъ войнъ съ Литвою отнялъ у нее Смоленскъ въ 1514 году. Отношенія его къ Крыму и Казани были постоянно враждебны, какъ и у его отца; онъ и въ этихъ случаяхъ не отступилъ отъ политики Іоанна, и старался имѣть вліяніе на дѣла Казани и Крыма. Во внутреннихъ дѣлахъ Василій отличался властолюбіемъ и суровостью. Онъ съ братьями обращался строго, показывалъ надъ ними свою власть и въ частныхъ дѣ-

лихъ; такъ например, брату Андрею Большому не позволялъ жениться. Съ боярами онъ обращался надменно и не любилъ, если ему противоречили въ думѣ. Извѣстно напримѣръ, что бояринъ Берсень-Беклемишевъ былъ выгнанъ имъ изъ засѣданія только за то, что осмѣлился высказать возраженіе. Бояре жаловались что онъ всѣ дѣла рѣшалъ: „самъ третей у постели" и что совѣтниками его являются дьяки.

Разсматривая явленія эпохи Ивана III, и Василія III замѣчаемъ что въ ихъ княженія совершилось дѣйствительное объединеніе великорусской народности и Московскій князь получилъ значеніе <u>національнаго государя</u>; благодаря этому измѣнился характеръ внѣшней политики и внутреннее значеніе и положеніе великаго князя нынѣ „государя".

Внѣшняя политика при первыхъ московскихъ князьяхъ ограничивалась сношеніями съ татарами и отношеніями къ сосѣднимъ удѣламъ, причемъ преслѣдовались удѣльные интересы московскаго князя. Во время Ивана III-го и Василія III-го позорная дань татарамъ кончилась, и послѣднія самостоятельныя княжества, еще оставшіяся въ сѣверной Руси, окончательно подчинились Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ внѣшней политики, которая становится политикой государственной, преслѣдуетъ

интересъ <u>не удѣла</u>, а <u>народности</u>. Московскому государству приходится имѣть дѣло уже не съ единовѣрными единоплеменными удѣльными князьями, а съ иноземными и иновѣрными государствами: съ Литвой, Польшей, германскимъ императоромъ, завязываются съ ними дипломатическія сношенія и начинаются съ этого времени путешествія въ Москву иностранцевъ, не заѣзжавшихъ прежде въ Россію дальше Новгорода.

Зная, что въ Литвѣ находятся многія русскія области, московскіе князья усвоиваютъ мысль что это ихъ древнія вотчины и продолжаютъ дѣло объединенія уже на Литовской землѣ, (а не только на великорусской). Такой взглядъ московскихъ князей на единство <u>всей</u> русской земли; выразился въ отвѣтѣ Іоанна III-е литовскому послу на жалобу послѣдняго что московскій государь захватилъ чужія вотчины, не имѣя на нихъ никакого права: „короли Владиславъ и Александръ хотятъ противъ насъ за свою вотчину стоять"; но что называютъ короли своей вотчиной? Не тѣ ли города и волости, съ которыми князья русскіе и бояре пріѣхали къ намъ служить, и которые наши люди взяли у Литвы? Панъ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ имѣли Польское королевство, да Литовскую землю отъ своихъ предковъ, а русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины на-

ша отчина". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ грамотахъ посылаемыхъ въ Литву, московскіе князья именовали себя: „князь Московскій и всея Руси." Литовцы отлично понимали, какая мысль скрывалась за этимъ титуломъ, и вотъ почему они такъ желали его уничтоженія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера внѣшней политики измѣнилась и внутренняя политика и положеніе московскаго князя. Мы видѣли, какъ усиливалась власть великаго князя Московскаго, насчетъ удѣльныхъ князей; какъ старшій сынъ наслѣдовалъ послѣ отца большее число городовъ, какъ такое матеріальное превосходство увеличивалось все больше съ теченіемъ времени, все больше отличало московскихъ старшихъ князей отъ удѣльныхъ. Но со второй половины XV вѣка этотъ князь перестаетъ быть только удѣльнымъ княземъ, но воплощаетъ въ своемъ лицѣ высокій политическій авторитетъ, какъ державный вождь великорусской народности. Иванъ III беретъ со своихъ братьевъ обязательство не сноситься помимо его съ иностранными державами, запрещаетъ имъ бить монету и чинить судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ, оставляя эти права исключительно за Московскимъ великимъ княземъ. Онъ принимаетъ титулъ „царя всея Руси," усиливая его перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ ему областей: „великій князь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, и т. д." Онъ зовется самодержцемъ, т. е. властителемъ

политическимъ независимымъ. Съ прiѣздомъ Софьи Во-
минишны Московскiй князь усвоиваетъ по преемству
отъ византiйскаго императора гербъ двуглаваго орла,
служащiй знакомъ царской власти, и вводитъ слож-
ный этикетъ въ придворную жизнь. Насколько велико
было сознанiе своего могущества у Московскаго князя
этого времени, видно изъ отвѣта Ивана III-го послу гер-
манскаго императора, Поппелю, посланному между про-
чимъ и затѣмъ, чтобы предложить Iоанну королев-
скiй титулъ. Iоаннъ отказался отъ титула и велѣлъ
сказать послу: „Просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и
нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти какъ есмя
нынѣ — государи на своей землѣ, а постановленiя, какъ
есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и ны-
нѣ не хотимъ." Такой гордый отвѣтъ получилъ пер-
вый по значенiю европейскiй государь отъ дотолѣ неиз-
вѣстнаго Западной Европѣ московскаго князя.

Сознавая превосходство своей власти надъ властью
прежнихъ московскихъ князей, Иванъ III ввелъ обычай вѣн-
чанiя на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ.
Предшественники Ивана III, великiе князья Московскiе
садились на княжескiй престолъ съ благословенiемъ ми-
трополита; Иванъ нашелъ это недостаточнымъ и,
назначивъ себѣ преемникомъ внука своего Дмитрiя,
торжественно вѣнчалъ его „на царство" въ Успѣнскомъ
соборѣ. Съ новымъ понятiемъ о царской власти, съ
новыми впечатлѣнiями, которыя были вынесены ими

сношения съ Западомъ, перемѣняются и обычаи Москов-
скаго двореца: онъ становится дворцемъ со сложнымъ эти-
кетомъ. Такъ раскрывали государи въ цѣломъ рядѣ уста-
новлений мысль о своемъ новомъ значении. Эта мысль
о новомъ значении очевидно раздѣляется и народомъ. Простыя
удѣльныя отношенія подданныхъ къ государю исчезаютъ,
Герберштейнъ германский посолъ, бывший въ ту пору въ Мос-
квѣ, замѣчаетъ что Василий III-й имѣлъ власть кото-
рой не обладалъ ни одинъ монархъ и затѣмъ добав-
ляетъ что когда спрашиваютъ москвичей о неизвѣст-
номъ имъ дѣлѣ, они говорятъ равняя князя съ Богомъ
„мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ да государь". Такой
казалась власть государя иноземцамъ, но пойманныя
ими фразы не назначались только для того, чтобы
политически возвысить государя въ дипломатичес-
кихъ сношенияхъ передъ чужими; внутреннія от-
ношенія дѣйствительно мѣнялись и власть мос-
ковскаго государя росла не только по отношенію
къ удѣльнымъ князьямъ, какъ власть единаго вла-
стителя сильнаго государства, но и въ отношеніи
подданныхъ; эта перемѣна отношений къ поддан-
нымъ рѣзче всего сказалась измѣненіями въ бытѣ
боярства.

Въ Москвѣ издавна, благодаря богатству москов-
скихъ князей и другимъ причинамъ, собралось мно-
гочисленное боярство: отъ времени Ивана Кали-
ты съ юга и съ запада пріѣзжали сюда имени-

тые бояре и мало по малу около московскаго великокняжескаго стола столпилось больше слугъ, чѣмъ у кого бы то ни было изъ другихъ русскихъ князей. Основаніемъ отношеній между княземъ и боярами до половины XV вѣка въ Москвѣ былъ договоръ: „бояринъ приходилъ „служить князю", а князь за это долженъ былъ его „кормить", вотъ главное условіе договора. Сообразно съ этимъ каждый служилый бояринъ имѣлъ право на „кормленіе" по заслугамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, — право отъѣзда и участія въ совѣтѣ князя. До половины XV вѣка интересы боярства были тѣсно связаны съ интересами князя: бояринъ долженъ былъ стараться объ усиленіи своего князя, такъ какъ чѣмъ сильнѣе князь, тѣмъ лучше служить боярину, и тѣмъ безопаснѣе его вотчина. Князья въ свою очередь признавали заслуги бояръ, что видимъ изъ завѣщанія Димитрія Донского, въ которомъ онъ завѣщаетъ дѣтямъ во всемъ держаться совѣта бояръ. Словомъ, московскіе князья и бояре составляли одну дружную политическую силу. Но съ половины XV вѣка измѣняется составъ московскаго боярства и измѣняется отношеніе боярства къ государю. Съ этого времени, въ княженіе Ивана III и Василья III-го [illegible] окончательнаго подчиненія и присоединенія удѣловъ замѣчается приливъ новыхъ слугъ къ московскому двору; во первыхъ это удѣльные князья, потерявшіе или уступившіе

свои удѣлы Московскому князю; во вторыхъ это удѣль-ные князья которые раньше потеряли свою самосто-ятельность, и служили другимъ удѣльнымъ князь-ямъ; наконецъ это - баяре, слуги удѣльныхъ кня-зей перешедшіе со своими князьями на службу къ Московскому князю. Эта толпа княжескихъ слугъ увеличивалась новыми пришельцами изъ Лит-вы; это были литовскіе и русскіе князья держав-шіеся православія подъ властью литовскихъ вла-дѣтелей и послѣ уніи 1386 года, стремившіе-ся перейти со своими удѣлами подъ власть пра-вославнаго государя. Всѣ эти пришельцы скоро стали въ опредѣленное отношеніе къ старымъ Московскимъ боярамъ и другъ къ другу. Эти отно-шенія выразились въ обычаяхъ мѣстничества. Такъ называется порядокъ служебныхъ отношеній бояр-скихъ фамилій, сложившіеся въ Москвѣ въ XV и въ XVI вѣкѣ и основанный на „отечествѣ", т. е. на уна-слѣдованныхъ отъ предковъ отношеніяхъ служи-лаго лица и рода ~~къ д~~ по службѣ къ другимъ ли-цамъ и родамъ. Каждый бояринъ, принимая слу-жебное назначеніе, справлялся, не станетъ ли онъ въ равноправныя или подчиненныя отношенія къ лицу, менѣе его родовитому по происхожде-нію, — и отказывался отъ такихъ назначеній, какъ отъ бесчестящихъ не только его но и всего родъ. Такой обычай „мѣстничаться" размѣстилъ

мало по малу всѣ московскіе боярскіе роды въ опредѣленный порядокъ по знатности происхожденія, и на этомъ аристократическомъ основаніи роды княжескіе, какъ самые знатные, стали выше другихъ, занимали высшія должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московскихъ государей. Но эти бывшіе удѣльные князья, пришедшіе на службу къ Московскому государю, и ставшіе къ нему въ отношенія бояръ, въ большинствѣ сохранили за собой свои удѣльныя земли, на частномъ правѣ, какъ боярскія вотчины. Перестав быть самостоятельными владѣльцами своихъ удѣловъ, они оставались въ нихъ простыми вотчинниками - землевладѣльцами, сохраняя иногда въ управленіи землями нѣкоторыя черты своей прежней правительственной власти. Такимъ образомъ ихъ положенія въ ихъ вотчинахъ перемѣнилось очень мало, они остались въ тѣхъ же суверенныхъ отношеніяхъ къ населенію своихъ вотчинъ, сохранили свои прежніе понятія и привычки. Дѣлаясь боярами, эти княжата приносили въ Москву не боярскія мнѣнія и чувства; дѣлаясь изъ самостоятельныхъ людьми подчиненными, они, понятно не могли питать хорошихъ чувствъ въ отношеніи московскаго князя, лишившаго ихъ этой самостоятельности. Они не довольствуются положеніемъ прежнихъ

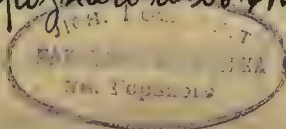
бояръ при князѣ и стараются достигнуть новыхъ правъ, воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Помня свое прежнее происхожде-ніе, зная что они потомки прежнихъ правителей русской земли, они смотрятъ на себя и теперь, какъ на хозяевъ русской земли, съ тою только разницею, что предки ихъ правили русской землею по одиночкѣ, по частямъ, а они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, около московскаго князя, должны править всѣ вмѣстѣ всей землей. Основываясь на этомъ представленіи, они склонны требовать участія въ управленіи страной, требуютъ, чтобы князья московскіе совѣтовались съ ними обо всѣхъ дѣлахъ, грозя въ противномъ случаѣ отъѣздомъ. Но служилые князья не могли отъѣхать какъ отъѣзжали бояре удѣльныхъ князей, т. е. переѣзжали на службу отъ одного удѣльнаго князя къ другому; теперь удѣловъ не было и можно было отъѣхать только въ Литву или къ Нѣмцамъ, подъ иновѣрную власть, но и то и другое считалось измѣной русскому государству. Въ концѣ концевъ ихъ положеніе опредѣлилось такъ: допуская мѣстничество, московскіе князья не спорили до поры до времени противъ права совѣта, но старались прекратить отъѣздъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, самый ходъ историческихъ событій все болѣе и болѣе мѣшалъ отъѣзду, а право совѣта

иногда не осуществлялось. Съ царствованія Ивана III, именно со времени его брака съ Софіей Ѳоминичной, которую не любили бояре за ея властолюбивыя стремленія, начинаютъ раздаваться жалобы со стороны бояръ что государь ихъ не слушаетъ. Время Василія III было еще хуже для бояръ въ этомъ отношеніи, еще больше увеличивалось ихъ неудовольствіе противъ князя. Выразителемъ боярскаго настроенія можетъ служить Берсень-Беклемишевъ, типичный представитель боярства начала XVI вѣка, человѣкъ очень умный, очень начитанный. Онъ часто ходилъ къ Максиму Греку и бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ на Руси, причемъ высказывалъ откровенно свои взгляды. Онъ говорилъ что все перемѣнилось на Руси, какъ „пришла Софья,“ что она переставила всѣ порядки и потому государство стоитъ недолго; князь московскій не любитъ, какъ прежде, совѣтоваться съ боярами и рѣшаетъ дѣла, самъ третей „у постели“ по есть, въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ неродовитыхъ людей. Эти рѣчи Беклемишева были обнаружены слѣдствіемъ и за нихъ ему отрѣзали языкъ.

Такъ въ началѣ XVI вѣка стали другъ противъ друга государь, шедшій къ полновластію, и боярство, которое приняло видъ замкнутой и точно расположенной по степенямъ родовитости аристократіи. Великій князь двигался куда вела его исторія, другой

классъ дѣйствовалъ во имя отжившихъ политичес-ких формъ и стремился какъ бы остановить исторію. Въ этомъ историческомъ процессѣ столкнулись двѣ силы, далеко неравныя. За московскаго государя стоятъ симпатіи всего населенія, весь складъ государствен-ной жизни, какъ она тогда слагалась. А боярство, не имѣя ни союзниковъ, ни вліянія въ странѣ, представля-ло собою замкнутый аристократическій кругъ, опи-равшійся при своемъ высокомъ служебномъ и общест-венномъ положеніи лишь на одни родословныя преданія и не имѣвшій никакихъ реальныхъ силъ отстоять свое положеніе и свои притязанія. Однако, несмотря на не-равенство силъ, фактъ борьбы московскаго боярства съ государемъ несомнѣненъ. Жалобы со стороны бояръ начались съ Ивана III; при Василіи онѣ раздаваться силь-нѣе, и при обоихъ этихъ князьяхъ мы видимъ опалы и казни бояръ; но съ особенной силой эта борьба разыгралась при Іоаннѣ Грозномъ, когда въ крови погибла добрая по-ловина бояръ.

Эта борьба власти съ высшимъ классомъ служитъ однимъ изъ выраженій тѣхъ роковыхъ противорѣчій, на которыхъ построился первоначальный московскій общественный и политическій порядокъ, и которыя повели молодое Московское Государство къ тяжелому кри-зису въ царствованіе Грознаго и въ эпоху послѣдую-щихъ смутъ.

[6p]

